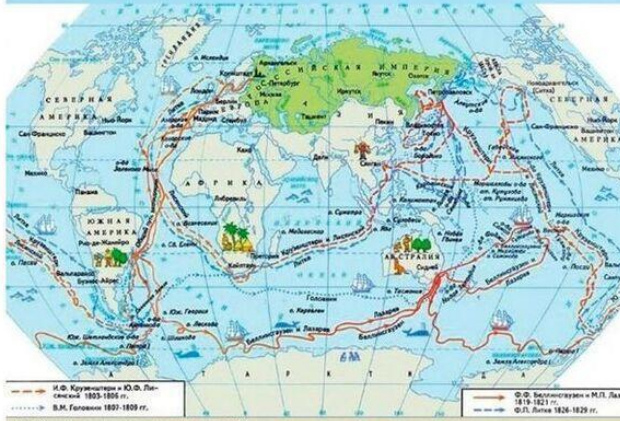
18+

О. Ю. КОРНЕЕВ

ИМЕНА МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ – ВЫПУСКНИКОВ «ГНЕЗДА ПЕТРОВА» (1701-2025) НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

Карта. Важнейшие русские кругосветные экспедиции в XIXв.

Олег Корнеев

Имена морских офицеров — выпускников «Гнезда Петрова» (1701—2025) на географической карте мира

https://litres.ru/63696516
ISBN 9785005304018

Аннотация

Книга посвящена первому светскому и военно-морскому образовательному учреждению России, начавшемуся со Школы математических и навигационных наук в Москве в 1701 г. и дожившему до наших дней. В книге приведены основные экспедиции флота России, приведшие к географическим открытиям в Мировом океане, а также краткие биографии офицеров флота, чьи имена остались на географической карте мира. Третье издание, исправленное и существенно дополненное.

Содержание

Введение 10
Краткая историческая справка о этапах развития «Гнезда Петрова» 29
- Школа математических и навигацких наук (1701—1715) 29
- Морская академия 41
- Морской шляхетный кадетский корпус (1752—1867) 55
  - Морской корпус в эпоху императрицы Елизаветы Петровны 55
  - Морской корпус в эпоху императрицы Екатерины II 60
  - Морской корпус в эпоху императора Павла I 65
  - Морской корпус в эпоху императора Александра I 70
  - Морской корпус в эпоху императора Николая I 72
  - Морской корпус в эпоху императора Александра II 79
- Морское училище (1867—1892) 83
  - Морское училище в эпоху императора Александра II 83

Морское училище в эпоху императора Александра III 87
Морской кадетский корпус (1892—1916) 91
Морской кадетский корпус в эпоху императора Александра III 91
Морской кадетский корпус в эпоху императора Николая II 94
Морской корпус (1906—1916) 107
Морское училище (1916—1917) 116
Отдельные гардемаринские классы во Владивостоке 121
Морское училище во Владивостоке и переход в Бизерту (1918—1920) 124
Морской кадетский корпус в Бизерте (1920—1925) 134
Курсы командного состава флота в Петрограде (1918—1919) 141
Училище командного состава (1919—1922) 144
Военно-морское училище 147
Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе (1926—1939) 149
Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе (1939—1998) 156
Санкт-Петербургский военно-морской институт — Морской корпус Петра Великого 168
Безликий Военный (военно-морской) 173

институт ВУНЦ ВМФ (2012 — по наст. вр.)
Основные экспедиции Военно-морского флота по изучению Мирового океана и его побережья 178
Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга (1725—1729) 182
Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция 186
Секретные экспедиции В. Я. Чичагова по «отысканию Северо-Восточного морского прохода» на Камчатку 190
Северо-Восточная секретная экспедиция Биллингса—Сарычева по описанию Чукотки 196
Первое кругосветное плавание И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева» (1803—1806) 203
Плавание шлюпа «Надежда» 210
Плавание шлюпа «Нева» 212
Возвращение шлюпов на Родину 213
Полукругосветное плавание В. М. Головнина на шлюпе «Диана» (1807—1813) 220
Кругосветное плавание М. П. Лазарева на корабле Российско-американской компании «Суворов» 225
Кругосветное плавание О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик» (1815—1818) 229
Кругосветное плавание В. М. Головнина на 237

шлюпе «Камчатка» (1817—1819)
Кругосветное плавание Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный». Открытие Южного континента (1819—1821) 241
Конец ознакомительного фрагмента. 253

Имена морских офицеров — выпускников «Гнезда Петрова» (1701—2025) на географической карте мира

Олег Юрьевич Корнеев

© Олег Юрьевич Корнеев, 2026

ISBN 978-5-0053-0401-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Корнеев О. Ю.

Посвящается 325-летию образования «Гнезда Петрова»
и его выпускникам — моим предшественникам, отдавшим
свои лучшие годы тяжелой, но крайне интересной
службе в Военно-морском флоте
по исследованию «белых пятен» Мирового
океана и его побережья во славу России!

ИМЕНА МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ-ВЫПУСКНИКОВ «ГНЕЗДА ПЕТРОВА» (1701–2025) НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

Введение

25 января 2026 года исполнилось 325 лет с даты указа Петра I от 14 (по старому стилю) января 1701 года, в котором было сказано: *«…быть Математических и Навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению»*. Согласно этому указу в Москве 25 января 1701 г. была образована Школа математических и навигацких наук с местом размещения в Мастерских палатах Большого полотняного двора в Кадашевской слободе *(текст указа приведен в приложении очерка о Морском корпусе Ф. Ф. Веселаго)*. Через 6 месяцев, 25 июня 1701 г. школа переехала в специально для этого переоборудованную Сретенскую башню Кремля — Сухареву башню *(место штаба стрелецкого полковника Лаврентия Сухарева, перешедшего на сторону молодого Петра I в 1689 г. во время Стрелецкого бунта)*.

Образование Школы математических и навигацких наук (кратко называемой Навигацкой школой) стало началом систематической подготовки офицеров Военно-морского флота России в отечественном специализированном образовательном учреждении. Хотя справедливости ради необходимо отметить, что Навигацкая школа готовила также и артиллеристов, инженеров и писарей (выпускники младших классов).

За всю свою историю первое военно-морское образовательное учреждение России претерпевало различные трансформации названия без изменения своего главного предназначения — подготовки высокопрофессиональных и образованных, в широком плане, военно-морских офицеров. Чтобы объединить одним именем все последующие названия данного учреждения, автор использовал фразу А. С. Пушкина из поэмы «Полтава» (1828) о «птенцах Гнезда Петрова». И хотя Александр Сергеевич в своей фразе-строфе имел в виду сподвижников Петра I, выращенных им самим, тем не менее автор счел возможным применить термин «Гнездо Петрово» и к созданному им военно-морскому образовательному учреждению, о котором он лично постоянно заботился и которое стало одной из замечательных страниц его деяний!

За всю свою историю «Гнездо Петрово» претерпело следующие изменения своего названия:

— Школа математических и навигацких наук (1701—1752 гг., Москва);

— Академия морской гвардии (1715—1752 гг., Санкт-Петербург);

— Морской шляхетный кадетский корпус (1752—1802 гг., Санкт-Петербург, 1771—1796 гг. — Кронштадт);

— Морской кадетский корпус (1802—1867 гг., Санкт-Петербург);

— Морское училище (1867—1891 гг., Санкт-Петербург);

— Морской кадетский корпус (1891—1906 гг., Санкт-Петербург);

— Морской корпус (1906—1916 гг., Санкт-Петербург, Петроград);

— Морское училище (1916—1918 гг., Петроград);

— Морское училище (1918—1920 гг., Владивосток)

— Морской кадетский корпус (1920—1925 гг., Бизерта)

— Курсы командного состава флота (1918—1919 гг., Петроград);

— Училище командного состава флота (1919—1922 гг. Петроград);

— Военно-морское училище (1922—1926 гг., Петроград, Ленинград);

— Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе (1926—1998 гг., Ленинград, Санкт-Петербург, в период Великой Отечественной войны: Астрахань, Баку);

— Санкт-Петербургский военно-морской институт *(1-го ноября 1998 года образовано на основе слияния ВВМУ им. М. В. Фрунзе и ВВМУ подводного плавания имени Ленинского комсомола, которое было образовано в 1948 г.);*

— Морской корпус Петра Великого — Санкт-Петербургский военно-морской институт *(присвоено Постановлением Правительства РФ от 25 января 2001 года в связи с 300-летием военно-морского образования в России);*

— Военный институт (военно-морской) Военного учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия име-

ни адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова» (с 1 июля 2012 г. в соответствии с приказом Министра обороны РФ).

Необходимо обратить внимание на это чудовищно безликое название периода «сердюковщины», который вроде закончился, но первое образовательное учреждение флота так и существует с этим бездарным названием, лишенным истории и смысла! И это несмотря на то, что 20 марта 2014 года Президент РФ В. В. Путин подписал распоряжение о возрождении Черноморского высшего военно-морского ордена Красной Звезды училища имени П. С. Нахимова, а 11 мая того же года в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.05.2014 №771р филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» (г. Владивосток) был переименован (возвращено историческое название) в Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С. О. Макарова. В декабре 2023 г. из состава ВУНЦ ВМФ выделилось Балтийское высшее военно-морское училище им. Ф. Ф. Ушакова, бывшего там на правах безликого института. В этой связи хочется выразить большую благодарность бывшему главнокомандующему ВМФ, а ныне начальнику ВУНЦ ВМФ адмиралу Евменову Н. А., который еще в 2023 г. также поднял вопрос о выведении из состава ВУНЦ ВМФ бывших ВВМУ им. М. В. Фрунзе и его родного ВВМУПП им. Ленинского комсомола! Надеемся на восстановление исторической справедливости и возвращение «Гнезду Петро-

ва» названия Морского корпуса Петра Великого, данного в 2001 г. Постановлением Правительства РФ и неотмененного до сих пор! Надеялись мы не зря, но и не теряли время даром: благодаря нашим выпускникам удалось довести информацию о необходимости выделения «Гнезда Петрова» из состава ВУНЦ ВМФ до высших лиц государства. Как итог, с 1 сентября 2026 г. наше старейшее учебное заведение становится вновь самостоятельным, надеемся с именем Морской корпус!

С учетом возвращения в 2001 г. исторического названия «Гнезду Петрову» — Морской корпус Петра Великого, 25 января 2026 г. также исполнится и 25 лет этому событию, что можно классифицировать, как юбилей восстановления исторической справедливости в 2001 году, почему-то забытой в 2012 году!

За всю историю существования «Гнезда Петрова» были подготовлены тысячи военно-морских офицеров. Среди выпускников всемирно известные флотоводцы: адмиралы Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин, Ф. А. Клокачев, М. П. Лазарев, П. И. Рикорд, П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин, Г. И. Бутаков, Н. О. Эссен, А. В. Колчак, Л. М. Галлер, Н. Г. Кузнецов, Л. А. Владимирский, С. Г. Горшков, А. Г. Головко, В. П. Дрозд, В. И. Королев и др.

Известны и другие знаменитые воспитанники «Гнезда Петрова», много сделавшие для описания берегов и островов России и их прибрежных вод: А. И. Чириков, С. И. Че-

люскин, двоюродные братья Дмитрий и Харитон Лаптевы, В. В. Прончищев, П. Ф. Анжу, Ф. И. Соймонов, А. И. Чириков, И. Ф. Крузенштерн, Ф. Ф. Беллинсгаузен, Ф. П. Врангель, Г. И. Невельской, В. М. Головнин, ученые А. С. Шишков, Ю. М. Шокальский, А. И. Берг, Н. Н. Зубов, Н. Л. Кладо, Ф. Ф. Веселаго, А. Н. Крылов, Б. Б. Жерве, В. А. Унковский, авиаконструкторы А. Ф. Можайский, И. И. Сикорский *(учился в Морском корпусе в 1903—1906 гг.)*, большинство морских министров царского периода, дипломаты, основатель Путиловского (Кировского) завода Н. И. Путилов, писатели К. М. Станюкович, С. А. Колбасьев, Л. С. Соболев, художники В. В. Верещагин и А. П. Боголюбов, составитель «Толкового словаря» В. И. Даль, композитор Н. А. Римский-Корсаков и многие другие.

Практически все выпускники «Гнезда Петрова», кроме защиты своего Отечества, занимались и изучением Мирового океана *(термин введен во всемирный оборот выпускником Морского корпуса 1878 г. Ю. М. Шокальским в начале XX века)* и его побережья. Данное изучение, в предыдущих веках называемое «описью», происходило в ходе регулярных дальних плаваний боевых кораблей и специализированных судов российского флота в Атлантическом, Тихом, Индийском и Северном Ледовитом *(название введено будущим адмиралом и Президентом Академии наук Ф. П. Литке в 1827 г.)* океанах, а также в кругосветных и полукругосветных плаваниях, которых выпускник «Гнезда Петрова» 1904 г. Николай Ни-

колаевич Зубов, в советское время инженер-контр-адмирал и океанолог, только в XIX веке насчитал 25. Наиболее значительными, приведшими к серии географических открытий в XIX—XXI веках, являются:

— первое российское кругосветное плавание И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева» (1803—1806);

— полукругосветное плавание В. М. Головнина на шлюпе «Диана» (1807—1813);

— кругосветное плавание М. П. Лазарева на корабле Российско-Американской компании «Суворов» (1813—1816);

— кругосветное плавание О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик» (1815—1818);

— кругосветное плавание В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка» (1817—1819);

— кругосветное плавание Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный» (1819—1821), в ходе которого 16 (28 по новому стилю) января 1820 г. было совершено открытие последнего материка планеты — Антарктиды;

— кругосветное плавание М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» (1819—1822);

— кругосветное плавание М. П. Лазарева и А. П. Лазарева на фрегате «Крейсер» и шлюпе «Ладога» (1822—1825);

— кругосветное плавание О. Е. Коцебу на шлюпе «Пред-

приятие» (1823—1826);

— кругосветное плавание М. Н. Станюковича на шлюпе «Моллер» и Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин» (1826—1829);

— полукругосветное плавание Г. И. Невельского на транспорте «Байкал» (1848—1849);

— кругосветное плавание С. О. Макарова на парусно-винтовом корвете «Витязь» (1886—1889);

— кругосветная Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) Главного гидрографического управления Адмиралтейства на ледокольных транспортах «Вайгач» и «Таймыр» (1909—1915), в ходе которой 4 сентября 1913 г. было совершено последнее в мире крупное географическое открытие — архипелага Северная Земля;

— кругосветное плавание на океанографическом экспедиционном судне *(с 1974 г. океанографические исследовательские суда)* Гидрографической службы Балтийского флота «Полюс» (1968—1969);

— кругосветное антарктическое плавание океанографических исследовательских судов Гидрографической службы Черноморского флота «Адмирал Владимирский» и «Фаддей Беллинсгаузен» (1982—1983);

— кругосветное плавание океанографического исследовательского судна Гидрографической службы Балтийского флота «Адмирал Владимирский» (2013—2014);

— арктические плавания судов Гидрографической службы Северного флота «Сенеж», «Горизонт» и «Визир» по об-

следованию архипелагов Земля Франца-Иосифа, Новая Земля и Северная Земля в Северном Ледовитом океане после таяния ледников и освобождения ими побережья и прилежащих островов (2013—2025);

— кругосветное антарктическое плавание океанографического исследовательского судна Гидрографической службы Балтийского флота «Адмирал Владимирский» (2019—2020) в честь 200-летия открытия Антарктиды в ходе кругосветной экспедиции Лазарева—Беллинсгаузена.

Не менее интересна и значительна история картографирования арктического побережья России офицерами ВМФ в ходе Второй Камчатской (Великой Северной или Сибирской) экспедиции Витуса Беринга, а также Усть-Янской и Усть-Колымской экспедиций под руководством двух друзей, лейтенантов Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу, окончивших Морской корпус в 1815 году первыми по успеваемости.

В ходе морских экспедиций боевых кораблей и специализированных судов ВМФ за 325 лет в Мировом океане было открыто большое количество островов, полуостровов, мысов, проливов, бухт, подводных банок и гор и т. д. По сложившейся исторической традиции, открытым географическим объектам членами экспедиции присваивались различные названия, и в том числе — имена (фамилии) самих членов экспедиции.

Для того, чтобы имена выпускников «Гнезда Петрова», оставивших свой след на географической карте мира, не за-

терялись в истории, к 320-летию «Гнезда Петрова» в 2021 г. автором была написана первая версия данной книги. Однако за прошедшие 5 лет удалось выявить еще 59 выпускников, чьи имена нанесены на географическую карту. Большую помощь в этом оказало второе дополненное и исправленное издание Главного управления навигации и океанографии Министерства обороны СССР «Справочник по истории географических названий на побережье СССР» (адмиралтейский номер 9012), опубликованное в 1986 г. Для классификации офицеров ВМФ на предмет принадлежности к «Гнезду Петрову» большую помощь оказал Интернет-сайт «Фрунзак», в котором приведены карточки выпускников с 1753 по 1989 гг. (22 935 карточек). Среди выявленных выпускников: командующие Черноморским флотом адмирал Мордвинов Н. С. (выпускник 1768 г.) и адмирал Галл Р. Р. (1779), причем первый был единственным из Членов Верховного уголовного суда, не подписавшим смертный приговор декабристам в 1826 г. Также были выявлены: директор Морского кадетского корпуса (1824—1827), позднее адмирал Рожнов П. М. (1782), адмирал Шишков А. С. (1772) после отставки министр Народного просвещения России, министр Внутренних дел России (1905—1906) Дурново П. Н. (1862), всемирно известный художник Верещагин В. В. (1860), кораблестроитель, академик Крылов А. Н. (1880) и другие известные офицеры.

Часть известных военных гидрографов: Борщевский О.

А. (1904—1963), Знаменский К. И. (1903—1941), Смирницкий Я. К. (1907—1940), Сухоцкий В. И. (1904—1969), Третьяков В. Ф. (1906—1939), Шамшур Б.И, (1903—1989) и Шинков Д. В. (1900—1965) — ранее числилась выпускниками Военно-морского гидрографического училища (ВМГУ, 1922—1926). Однако в Российском государственном архиве ВМФ (РГА ВМФ) в фонде 322 опись 2 «Училище им. М. В. Фрунзе. Личные дела курсантов, окончивших училище за период с 1922 по 1940 гг.» были обнаружены их личные дела. Видимо, так как в Военно-морское училище (ВМУ, с 1926 г. имени М. В. Фрунзе) учились только два-три года, то для повышения подготовки по гидрографии, данные офицеры затем оканчивали через год или два после ВМУ по ускоренной программе и ВМГУ. Автору приятно отметить, что последние два гидрографа в предвоенные годы возглавляли Северную гидрографическую экспедицию Гидрографического управления ВМФ, в которой посчастливилось служить автору в 1981—1984 гг. в Архангельске.

Кроме выпускников «Гнезда Петрова» (Корпус), чьими именами были названы географические объекты, автору представилось целесообразным поместить в книгу аналогичные имена юнкеров Балтийского и Черноморского флотов, которые для поступления на флот обязаны были сдавать вступительные и выпускные экзамены (для получения звания гардемарина или мичмана) в Корпусе, при этом с правом посещения лекций в нем в промежутках между навигациями

кораблей. Также зачислялись в Корпус и сдавали в нем экзамены по курсу данного учебного заведения на чин мичмана и гардемарины Черноморского флота, квота на которых (6—8 чел. в год), передавалась Черноморскому штурманскому училищу (1798—1826) и Черноморской штурманской роте (1826—1862). В РГА ВМФ в фонде 432 опись 1 «Морское училище» (1756—1918 гг.) с 1831 по 1914 гг. постоянно встречаются документы с названиями «Об экзаменах для поступления юнкерами во флот» (например, ед. хр. 2687, 1835 г., 5018, 1867 г., 6509, 1894 г.), «О разрешении юнкерам флота посещать лекции в Училище» (например, ед. хр. 2463, 1833 г., 5051, 1870 г.), «Об экзаменах юнкеров флота для производства в мичманы» (например, ед. хр. 2761, 1836 г., 3051, 1840 г.), «Об экзаменах юнкеров флота для производства в гардемарины» (например, ед. хр. 2463, 1833 г., 7647, 1910 г.), «О прикомандировании к корпусу гардемарин и юнкеров Черноморского флота» (ед. хр. 2285, 1831 г.), «О размещении в корпусе, проведении экзамена и обмундировании гардемарин Черноморского флота» (ед. хр. 2688, 1835—1836 гг.), «О зачислении в гардемарины по Черноморскому флоту» (ед. хр. 2653, 1834 г., 2883, 1837 г., 6579, 1840 г.), «О введении в Корпусе и Черноморском училище флотских юнкеров пенсионеров имени Нахимова и о их содержании» (ед. хр. 3383, 1855—1857 гг.), «Об экзамене юнкеров Каспийской флотилии» (ед. хр. 4487, 1861 г.) и т. д. Таким образом обучение юнкеров всех флотов и гардемарин Черноморского

флота было тесно связано с учебной программой Корпуса, а их дипломы о высшем военно-морском образовании выдавались данным учебным заведением. С учетом этих фактов можно опосредованно говорить, что данные офицеры являются выпускниками «Гнезда Петрова». Анализ наименований географических наименований на карте мира и в географических справочниках выявил 30 имен юнкеров и гардемарин Черноморского флота, впоследствии ставших известными офицерами ВМФ Отечества. Среди них: руководитель Чесменского сражения адмирал Спиридов Г. А. (1713—1790), который поступил экстерном в гардемаринскую роту Морской академии в 1728 г.; президент Императорской академии наук адмирал Литке Ф. П. (1797—1882), который еще в 1809 г. был зачислен кандидатом в кадеты Морского кадетского корпуса (МКК) на случай открытия вакансии, но так как она так и не появилась, то он был вынужден поступить волонтером на Балтийский флот в 1813 г., после чего сдать экстерном экзамены по курсу МКК, в результате чего был переименован в гардемарины. Среди известных юнкеров флота также генерал Корпуса гидрографов Вилькицкий А. И. (1858—1913), который после успешной сдачи вступительных юнкерских экзаменов в Морском училище 20 декабря 1875 г. начал службу на Балтийском флоте, а 30 апреля 1877 г., сдав выпускные юнкерские экзамены в Морском училище, был произведен в гардемарины. Известнейший штурман-педагог Военно-морской академии пред-

революционного и послереволюционного периодов Сакелари Н. А. (1880—1936) в 1903 г., окончив Физико-математический факультет Новороссийского университета (Одесса), после сдачи вступительного экзамена для юнкеров флота в МКК был произведен в чин юнкера Балтийского флота, а в 1904 г., сдав экзамены за полный курс МКК — в мичманы.

Книга включает в себя три основные части, посвященные истории развития «Гнезда Петрова» за 325 лет, истории географических открытий кораблями и судами ВМФ за 300 лет и кратким биографиям выпускников, чьи имена остались на географической карте мира.

Для составления краткой исторической справки о трансформациях «Гнезда Петрова» использовались фонды Российского государственного архива Военно-морского флота, монографии выпускников данного учебного заведения: Веселаго Ф. Ф. (1834) «Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет» (1852), «Материалы для истории русского флота» (1866), Кроткова А. С. (1878) «Морской кадетский корпус — краткий исторический очерк» (1901), Грабаря В. К. (1970) «Морская школа России» (2015), а также монография (2005) известного петербургского краеведа Зуева Г. И. «Историческая хроника Морского корпуса. 1701—1925 гг.» (*при этом 1925 год — это год закрытия царского Морского кадетского корпуса во французской Бизерте (Тунис)).*

При составлении краткой исторической справки по исто-

рии географических открытий на кораблях и судах ВМФ использовались данные из трудов, изданных самими выпускниками «Гнезда Петрова» по окончании их экспедиций, а также их последователей. В частности, использовалась монография выпускника «Гнезда Петрова» 1904 г. инженера-контр-адмирала Н. Н. Зубова «Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов». История Воздушных высокоширотных экспедиций (ВВШЭ) «Север» в 1961—1992 годах, выполненных Гидрографической экспедицией Северного флота в центральной части Северного Ледовитого океана с дрейфующего льда и атомных подводных лодок, а также история исследований Северного Ледовитого океана данной экспедицией в XXI веке составлена автором, участником ВВШЭ в 1982—1984 гг. *(более подробно об этих уникальных экспедициях можно прочитать в книгах автора «Северный полюс, Северная Атлантика и Гидрографическая экспедиция Северного флота. Малоизвестные факты» и «Гидрографическая экспедиция Северного флота. Век в Арктике», доступных в Интернете).*

При работе над биографической частью монографии была использована книга Б. Г. Масленникова «Морская карта рассказывает» (издание 2-е, 1986 г.), в которой по состоянию на 1985 год были приведены сведения обо всех российских наименованиях на географической карте мира, включая и краткие биографические справки исследователей. Од-

нако Масленников Б. Г. в момент написания им книги, в силу отсутствия Интернета, использовал доступную информацию о биографиях исследователей в государственных архивах. В результате часть сведений, применительно к военно-морским офицерам, не содержала информации о том, какое именно учебное заведение окончил офицер и в каком году, не было указано дат смерти и данных о судьбе офицеров, особенно после 1917 г. Кроме этого, книга содержала названия только объектов на материке и островах, а названия подводных объектов в Мировом океане не затрагивала. В новом издании книги дополнительно была использована информация из упомянутого выше Справочника ГУНИО по истории географических названий 1986 г. издания. При работе над биографическими справками в этот раз широко использовался «Общий морской список чинов Морского ведомства» в 12-ти частях, размещенных Национальной электронной библиотекой и Русским географическим обществом в Интернете. Встречающиеся в биографиях фразы в кавычках, если далее не приведен источник информации, означают, что они взяты из Общего морского списка. Кроме этого, с учетом того, что в Общем морском списке (издан в 1885 г.) приведены биографии офицеров до 1880 г., то автору пришлось заказать 78 дел в Российском государственном архиве для офицеров, служивших с 1880 по 1940 гг. Все вышеуказанное, позволило исключить существенные неточности в биографиях офицеров *(некоторые, ранее включенные*

офицеры, были исключены, у других исправлены года выпуска и чины (ныне звания) в первом издании книги и значительно дополнить и детализировать их биографии. Всего в данной версии книги, относительно предыдущей, добавлены биографии 97 офицеров, у которых в личных делах в графе «Образование» было записано Морская академия (морской гвардии), Морской кадетский корпус, Морской корпус, Морское училище или Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе (с 1939 г. — Высшее). Всего в книге помещены биографические очерки на 514 человек.

Для уточнения биографий выпускников также использовался 4-й том сборника «Гидрографическая служба Российского флота (300-летию создания Военно-морского флота» — «Биографический справочник известных штурманов и гидрографов Российского флота» (СПб, ГУНиО МО РФ, 1997, 389 с.)

Внимательный читатель заметит, что в части очерков указано: выпускник окончил «Гнездо Петрова» в чине мичмана, а в других — в чине гардемарина. Данный факт объясняется тем, что в российском флоте с 1716 по 1752 гг. и с 1860 по 1882 гг. на кораблях и в флотских экипажах существовал строевой чин «гардемарин», а с 1906 по 1917 гг. — «корабельный гардемарин», в которые и производились выпускники в эти года. Причем, если с 1860 г. следующий чин мичмана присваивался через года, реже через два, то до 1752 г. многие гардемарины ждали появления вакансии мичмана

более десяти лет и бывали случаи, когда ожидающие уходили в отставку все еще в чине гардемарина, о чем можно прочитать в первой части книги. Кроме этого интересно отметить, что в это же время учащиеся старших курсов «Гнезда Петрова» также именовались гардемаринами, в результате в приказах по выпуску появлялись неоднозначные фразы: «произведен в гардемарины гардемарин…»

После издания вышеупомянутых географических справочников в 1986 г., выпускниками «Гнезда Петрова» было сделано много географических открытий в Мировом океане, и в частности в центральной части Северного Ледовитого океана (СЛО) силами Гидрографической экспедиции Северного флота *(с 1924 г. Северная, а с 1971 г. 30-я).* Данная экспедиция изучила данный район СЛО к 2000 г. на 85% в батиметрическом, гравиметрическом, сейсмологическом, магнитологическом и океанологическом отношении, открыв там подводные хребты, котловины, долины и горы, которым постановлениями Правительства РФ, были присвоены наименования, в том числе, и имена выпускников «Гнезда Петрова», учтенные в данной книге. Последнее Распоряжение Правительства РФ по поводу присвоения наименований географическим объектам, в том числе и 5 имен выпускников «Гнезда Петрова», вышло 28 августа 2025 г. за №2359-р.

Кроме этого, в результате начавшегося таяния ледников на архипелагах Земля Франца-Иосифа, Новая Земля и Северная Земля в Северном Ледовитом океане, в последние де-

сятилетия оголилась часть их побережья и прибрежных островов. Данные факты в 2013—2024 гг. были обследованы офицерами и служащими Гидрографической службы Северного флота, в том числе и членами 4-й Арктической океанографической экспедиции *(образована 30 декабря 2015 г. на базе отрядов 30-й Гидрографической (до 1971 г. — Северной) экспедиции Северного флота)* на своих судах, в результате чего были выявлены новые географические объекты (заливы, мысы, острова), которым в соответствии с распоряжениями Правительства РФ №№2700-р и 2701-р от 19.10.2020 и №2716-р от 20.10.2020 были присвоены наименования, и в том числе — имена выпускников «Гнезда Петрова», что также нашло отражение в данной книге.

Настоящая книга является данью искреннего уважения автора, являющегося также выпускником «Гнезда Петрова» (1981), как самому старейшему Учебному заведению, так и его выпускникам с 1705 по 2025 гг., посвятившим свои лучшие годы трудной, но крайне интересной службе в Военно-морском флоте и, в частности, по исследованию «белых пятен» на географической карте Мирового океана, во славу России!

Краткая историческая справка о этапах развития «Гнезда Петрова»

Школа математических и навигацких наук (1701—1715)

Профессиональное военно-морское и светское образование в России началось с указа Петра I от 14 (25 по новому стилю) января 1701 года, в котором было сказано: *«… быть Математических и Навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению» (текст указа приведен в приложении очерка о Морском корпусе Ф. Ф. Веселаго)*. В указе было определено место размещения учебного заведения, называемого кратко Навигацкой школой, назначены ответственные лица и учителя.

Под Навигацкую школу были выделены Мастерские палаты Большого полотняного двора в Кадашевской слободе *(в настоящее время — рядом с Третьяковской галереей, поперек Старомонетного переулка, между домами №8—10 и №5—11)*, где к тому времени шили паруса для морских судов и кораблей. Этот внушительный комплекс из нескольких зданий, обнесенный стенами с проездными воротами и угловыми башнями, был построен в 1658—1661 гг. при царе Алек-

сее Михайловиче.

Полотняный двор находился в низине Замоскворечья, потому из-за этого неудобства, едва успели начаться занятия, учителя стали писать письма о том, чтобы Школу перевели в новое место, «где б в пристойном и на высоком месте, что б нам мочно горизонт видеть и примечать обсервацию».

В это время перестраивалась Сретенская башня к северу от Кремля *(после смерти Петра I в 1725 г. называемая Сухаревой — в честь полковника стрелецкого полка Лаврентия Сухарева)*. «Сретенская по Земляному городу» башня имела три этажа и стояла на высоком месте, и с ее смотровых площадок можно было беспрепятственно видеть горизонт, что было необходимо для измерения высот светил на небосводе. Размеры здания в плане составляли приблизительно 42×25 м. Уже в 1698 г. архитектор М. И. Чоглоков, вернувшись после обучения в Европе, с ориентацией на будущую Навигацкую школу оборудовал на ней смотровые и астрономическую площадки, саму башенку укрепил и сделал выше, украсив ее курантами (вклейка 1.1).

Школа переехала в Сретенскую башню 23 июля 1701 г. В верхнем ярусе находились классы и «Рапирная зала» в 19 оконных проемов, где занимались фехтованием, гимнастикой и др. В нижнем этаже здания, в сводчатой палате, находился большой медный глобус, привезенный еще царю Алексею Михайловичу из Голландии. С западной стороны к башне был пристроен деревянный амбар, где поставили мо-

дель парусника для изучения устройства корабля. С площадок башни производились астрономические наблюдения.

Сподвижник Петра I полковник Я. В. Брюс (1669—1735), родившийся в Москве потомок шотландских королей, будучи широко образованным офицером, организовал в башне обсерваторию, оснастил ее инструментами и сам обучал наблюдениям, в том числе и самого царя Петра, в частности учил определять долготу места методом наблюдения солнечных затмений.

Школу определили в ведомство Оружейной палаты, где велся учет всех мастеровых людей. Ее глава Федор Алексеевич Головин, генерал-адмирал, стал и первым руководителем Навигацкой школы. Фактическое управление и надзор за состоянием дел в Школе поручили дьяку Оружейной палаты Алексею Александровичу Курбатову.

Навигацкая школа имела общеобразовательное направление с дальнейшей специализацией, в основном детей дворян, в области навигации. Начальные классы назывались Цифирной школой из-за изучения в ней арифметики. В начальную школу принимали молодых людей, умеющих читать и писать по-русски. Навигация изучалась уже на английском языке.

В противовес распространенному в настоящее время мнению, учеников Навигацкой школы не называли гардемаринами, а использовали термины «ученик» или «школьник».

Необходимо отметить, что Навигацкая школа готовила молодых людей «во все роды службы, военной и граждан-

ской», которые требовали знания некоторых научных сведений, в основном по геометрии и географии. В связи с этим можно констатировать, что Навигацкая школа стала началом не только военно-морского образования в России, но и общегражданского.

Кроме этого, уже с первых дней среди основных наук в Школе были также гидрография, навигация и мореходная астрономия. Вскоре к ним присоединилась также геодезия. Таким образом, выпускники знали «…как берег морской описывать и как на карты назначивать разные положения мест и грунты».

Первоначально Навигацкая школа рассчитывалась на 200 учащихся, но в 1701 году туда поступило лишь четыре ученика, что было связано с переездом в Сретенскую башню.

К июлю 1702 года было набрано запланированное число учеников, а в январе 1703 года в Школе насчитывалось уже 300 человек.

Из 200 человек первого набора: в возрасте 13—17 лет было 15%, 18—23 лет — 71%, старше 23 лет — 14%. В Школу принимали не только детей дворян, но также духовных, посадских и других лиц *(не принимались лишь дети крепостных крестьян и работных людей).*

В именной росписи учеников 1705 года обучавшихся морской науке было 198 человек, из которых 134 изучали «цифири» (математику), 64 завершали навигационный класс. Наибольшее число учеников состояло из детей приказных

(ловчих и конюхов) и церковных.

По данным 1708 года, во всех дисциплинах среди успешных учеников преобладали дворяне, так как многие из них получили подготовку дома. Однако в дальнейшем Навигацию плоскую изучали 15 человек из посадских, а боярских и солдатских детей было поровну — по 9; Сферику изучал один из солдатских детей, а из боярских — никто, что говорит о том, что в верхние классы переводились не по сословной принадлежности, а по способностям. В совершенствовании Круглой навигации оказался всего один человек из дворян.

В 1710 году после очередного «окрика» Петра I в школу записалось 250 человек, из которых: из дворянских семей — 41, детей гвардейских солдат — 209. В 1711 году было набрано уже 500 учеников в возрасте от 15 до 33 лет, в 1712 г. — 538 человек.

В 1711 году в Школе обучалось 311 навигаторов, окончивших начальный курс мореплавания.

В 1712 году учитель Протопопов составил ведомость от 17 марта, согласно которой всего в Школе числилось 517 человек, из них 16 человек были посланы в Санкт-Петербург: к инженерной науке 6 человек, к архитектурным делам — 10. Для посылки «для науки за море» были готовы 50 человек, «к инженерной науке» — 170.

В 1715 году из общего числа 427 учеников больше было детей солдат и унтер-офицеров — 194, из дворян — 116.

В итоге с 1701 по 1716 годы в Школе учились 1600 человек, из них в дальнейшем 400 служили матросами, унтер-офицерами и подштурманами, в артиллерии — канонирами, пушкарями, констапелями.

Подготовка моряков не ограничивалась обучением в самой Навигацкой школе. Для продолжения обучения молодые люди посылались за границу. Не исключалось и практическое обучение на отечественных кораблях.

Учителями в школе служили приглашенные Петром I из Англии профессор математики и астрономии А. Д. Фарварсон и навигаторы Стефан Гвын и Ричард Грейс. Профессор Фарварсон считался мастером, другие учителя — подмастерьями. Из доклада А. А. Курбатова: «…только Фарварсон серьезно относится к своему делу», а «двое других хотя и называются навигаторами, но к своей науке знают гораздо меньше Леонтия». Под Леонтием подразумевался житель Кадашевской слободы Москвы, талантливый русский самоучка — преподаватель арифметики, геометрии и тригонометрии, получивший фамилию от Петра I — Магницкий, за познания в области магнитологии. 30-летний Леонтий Федорович Магницкий преподавал свои дисциплины на родном языке. В основе его курса лежал написанный им учебник «Арифметика» (1703), в нем последняя часть посвящалась навигации. В 1712 г. в архивных документах упоминается еще учитель Протопопов. Об остальных преподавателях известно, что все они были выпускниками самой же Навигацкой школы.

После смерти в 1706 году Ф. А. Головина на его место был назначен управляющий Морским ведомством адмирал Федор Матвеевич Апраксин.

Указом от 22 февраля 1707 года Навигацкую школу перевели в Приказ морского флота. Содержалась школа на сборы, вносимые царедворцами в данный Приказ (Адмиралтейский приказ), на эти же деньги содержались и ученики, посланные для обучения за границу. Например, в 1714 г. сумма сборов составляла 22 459 руб., а на содержание Инженерной школы, созданной на один день раньше в январе 1701 года, отпускалось только 3 037 руб. По списку одежды, купленной, например, школьнику Щукину, можно судить, что для учеников определили французскую форму, состоявшую из кафтана, камзола, рубашки, чулок, башмаков и шляпы.

Учащиеся последовательно изучали геометрию («землемерие»), плоскую планиметрию, стереометрию, параллельно им тригонометрию и черчение. Писали ученики на аспидных досках грифелями. Все старшие ученики верхних классов, а также выпускники Школы назывались навигаторами. Они изучали географию, диурналы (ведение навигационного журнала), навигацию плоскую и меркаторскую. Наиболее способные ученики осваивали сферику — сферическую тригонометрию, основу математической географии и морской астрономии, из этих учеников вырастали навигаторы и геодезисты.

Первый официальный выпуск из Навигацкой школы со-

стоялся в 1705 году и составил 64 человека.

К 1715 году Школой математических и навигацких наук было подготовлено около 1 200 специалистов разного профиля.

По указу Петра I от 20 декабря 1715 года «О высылке знатных особ детей в Санкт-петербургскую школу» началось разделение на Навигацкую школу в Москве и Морскую академию в «Питербурхе». Согласно указу учеников старших навигаторских классов перевели в Санкт-Петербург в создаваемую Морскую академию. Кроме этого Петр I указал: «Которые есть в России знатных особ дети, тех всех, от 10 лет и выше, выслать в школу Санкт-петербургскую, а в чужие краи не посылать, и чтоб оные недоросли высланы нынешнею зимою».

В феврале 1716 года 135 учеников Навигацкой школы выехали в Санкт-Петербург для определения в Морскую академию. В это число попали Степан Малыгин (в Школе с 1711 г.), трое братьев Кошелевых и недавно поступившие 15-летний Петр Чаплин, Алексей Чириков и его двоюродный брат Иван. Осенью 1717 г. Василия Прончищева вместе с Семеном Челюскиным направили также в Морскую академию.

Всего за 1715—1716 гг. из Москвы в Морскую академию убыло 305 питомцев Навигацкой школы. Из 394 учеников в 1724 г. к апрелю 1725 г. в Навигацкой школе осталось только 180 человек.

После создания Морской академии сама Навигацкая шко-

ла лишилась своего прежнего статуса и стала подготовительным училищем при Академии.

С 1724 по 1727 гг. начальником Навигационной школы состоял Ипат Калинович Муханов, один из первых русских капитанов. Затем заведование Школой вновь перешло к Л. Магницкому, преподававшему в Навигацкой школе 38 лет, до последних дней жизни.

Перевод старшего навигацкого класса в Санкт-Петербург не оборвал связь Навигацкой школы с флотом. Ее по-прежнему называли «школой Адмирала Графа Апраксина», или Адмиралтейской. Школа приняла подготовительный характер и поставляла учеников в Морскую академию или в морскую артиллерию, а также в Инженерную и Артиллерийскую школы.

Выпускники Школы требовались повсюду в России. Окончивших начальные классы Школы детей низшего сословия отправляли во все губернии писарями, а окончивших старшие классы назначали на руководящие должности. Например, окончивший Школу А. К. Нартов изобрел первый в мире токарный станок с суппортом. Были среди выпускников и архитекторы. Например, русский архитектор Иван Федорович Мичурин (1700—1763) из Костромской губернии поступил в Школу на обучение в 1718 г., а по окончании был отдан в ученики к архитектору Н. Микетти, который работал в те годы на строительстве дворца в Стрельне под Петербургом. Затем он обучался в Голландии, а в 1731 г. переехал в

Москву, где началось составление плана города, получившего наименование мичуринского. В 1733—1741 гг. под его руководством работал выпускник Школы, будущий «главный московский архитектор» Дмитрий Васильевич Ухтомский. В 1720-е гг. в Школе учился известный архитектор Савва Иванович Чевакинский, которого в 1729 г. перевели в Морскую академию, откуда тот бежал… а по указанию Петра I за это полагалось наказание вплоть до смертной казни. Спасло С. И. Чевакинского от наказания заступничество главного архитектора Москвы.

С 1723 года в Школу, которую стали называть «Московской академией», принимали только дворян. После смерти Петра I, уже в 1727 г., из установленного комплекта для Навигацкой школы в 500 человек в наличии оказалось только 181. «Застарелых», кто годами делал вид, что учился, велено было послать в матросы, остальных проверить, и тех, кто науку окончил, послать в Санкт-Петербург в Адмиралтейскую коллегию для определения. Оставшихся учеников дополнить до 500 из недорослей от 12 до 17 лет и определить им время обучения. Однако в 1726 г. в Адмиралтейскую коллегию попало из Школы всего 6 человек.

В 1731 году в Школу «заглянул» прибывший в Москву Михаил Ломоносов: «…сунулся в цифирную школу, что была в Сухаревой башне», но ему «этой науки показалось мало». Тем не менее его не взяли по причине того, что он не был дворянином, поэтому 15 января он подал прошение

о зачислении в Славяно-греко-латинскую академию, где он представился сыном попа.

В 1731 году был установлен комплект Московской математической школы, сниженный с петровских 500 единиц до 100. В таком виде Школа продолжала существовать до 1752 г., когда была закрыта в связи с созданием Морского шляхетного кадетского корпуса на базе Морской академии в Санкт-Петербурге. При этом часть учеников старших классов из дворян были переведены в новый Корпус, а остальные ученики были разосланы по губерниям для преподавания начальных дисциплин.

После закрытия Московской математической школы в Сухареву башню из Кремля перевели Адмиралтейскую контору, которая просуществовала здесь до 1806 г.

В 1934 году Сухареву башню, несмотря на протесты архитекторов и историков, разобрали по кирпичику для перестройки квартала…

Необходимо также отметить, что на примере Навигацкой школы в Москве создавались начальные школы при различных верфях. Так, в 1711 г. А. Курбатов открыл Школу в Архангельске.

28 декабря 1715 г. Петр I дал указ Сенату о взятии из Московской навигацкой школы знающих географию и геометрию и отсылке по два человека в губернии для обучения «всякого чина молодых людей…». Школы открыли в Нарве и Новгороде, затем в Риге, Казани, Астрахани, Кронштадте

и Ревеле (Таллине).

Указом Сената от 30 июля 1731 г. была предусмотрена подготовка местных морских кадров, для чего было велено послать из Адмиралтейства трех штурманов и матросов человек шесть, «к которым придать из казацких детей молодых и обучать морскому ходу, дабы там своих штурманов и матросов завесть». Первые такие школы были созданы в Тобольске, Якутске, Илимске, Иркутске, Нерчинске, Охотске после базирования в них отрядов Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции Витуса Беринга (1733—1738).

Таким образом можно констатировать, что Навигацкая школа в Москве явилась не только первой ступенью создания системы военно-морского образования в России, но и первой ступенью подготовки образованных кадров для всех гражданских структур Российского государства.

Морская академия (Академия морской гвардии) (1715—1752)

1 октября 1715 г. (старого стиля) был подписан указ Петра I, в котором было написано: «УКАЗУЮ ОСНОВАТЬ НА АДМИРАЛТЕЙСКОМ ОСТРОВУ МОРСКУЮ АКАДЕМИЮ» (РГА ВМФ. Ф. 223). Академия была создана в новой столице России Санкт-Петербурге на базе старших навигаторских классов Навигацких школ Москвы, Нарвы и Новгорода из числа воспитанников дворянского происхождения. Академия создавалась по образцу французских морских училищ Марселя, Тулона и Бордо и расположилась в двухэтажном доме на деловом дворе бывшего соратника Петра I адмиралтейств-советника А. В. Кикина (*в 1713 г. лишенного чинов и званий за участие в аферах с подрядными компаниями, а в феврале 1718 г. казненного колесованием в Москве за участие в планировавшемся перевороте царевича Алексея*). Здание Академии располагалось на берегу Невы напротив здания Адмиралтейства (*там, где сейчас находится соответствующий угол Зимнего дворца*).

Для организации Академии Петр I еще в 1714 г. пригласил французского барона Пьера-Антуана Сент-Илера (Saint-Hilaire), который был принят на службу в чине генерал-лей-

тенанта. Историк Ф. Ф. Веселаго пишет о нем: «Барон Сент-Илер… был человек замечательный по своим знаниям, смелым проектам и самому неуживчивому характеру».

18 сентября 1715 года барон представил свой проект царю в трех версиях. В одной версии он назвал учебное учреждение Морской академией, в другой — Морским училищем, а в третьей — Морским корпусом, в соответствии с уже существовавшими в Европе кадетскими корпусами. В этом проекте впервые в России Сент-Илер использовал термин «кадет» для обучающихся *(образовано от французского слова cadet — младший, несовершеннолетний)*. Для 300 молодых дворян он полагал необходимым 60 профессоров с жалованием в 600 руб. и деревню с подсобным хозяйством. Кроме этого Сент-Илер писал, что дом Кикина, по его мнению, не подходит для Академии, и просил построить новый. Но Петр I, прочитав данные проекты 30 сентября, на полях проекта изложил свои более скромные представления об организации обучения и содержании учеников, а относительно нового дома написал: «Учинить в Кикина дворе, а вновь делать трудно». Он также утвердил название «Морская академия» и не возражал, чтобы обучение проходило на голландском и немецком языках.

Внутренний порядок в Морской академии регулировался в соответствии с «Инструкцией к Уставу Морской академии в Санкт питербурхе», утвержденной вместе с проектом Сент-Илера 1 октября 1715 г. Каждая статья начиналась по-

велением: «Его Величество заповедует» или «Его Величество повелевает», а заканчивалась непременно угрозой: «под наказанием». Петр I сделал приписку в Инструкции: «Для унятия крика и безчинства выбрать из Гвардии отставных добрых солдат, и быть им по человеку во всякой каморе во время учения, и иметь хлыст в руках; и буде кто из учеников станет безчинствовать, оным бить, не смотря какой бы он фамилии ни был». Там же было указано: «Для наблюдения за порядком в каждой каморе у дверей стоял часовой, имевший право арестовать зачинщика, о всех беспорядках он докладывал Директору, а тот Его Сиятельству Адмиралу. После вечерней зари — „тапты“ — из академии и камор отлучаться запрещено, а командующий над гвардией офицер каждый час чинит „рунд“ — обход с целью осмотра. Директору и Командиру Морской Гвардии повелено во все дни быть в залах или школах Морской Гвардии и смотреть, что учители, профессоры каждый ли, по своей должности своей исправляет и обучает ли Морскую Гвардию». Таким образом можно заметить, что вместо термина «Морская академия» Петр I использовал термин «Морская гвардия». Вследствие этого разночтения в дальнейшем появилось название «Академия морской гвардии».

Для справки:

25 июня 1838 года на знамя Морского кадетского корпуса была прикреплена белая Андреевская лента, на которой

в частности было написано: «1715. Академія морской гвардіи».

Поскольку с января 1716 г. по октябрь 1717 г. Петр I вместе с супругой находился за границей, то становление Академии происходило без него. Директором Академии был поставлен барон Сент-Илер под главным начальством графа А. А. Матвеева, между которыми почти сразу начались разногласия. В декабре 1716 г. А. А. Матвеев писал Ф. М. Апраксину, что «он С. Илер навигаторской науки не знает; и если бы не случилось английских профессоров, то нельзя было бы и в десять лет ни одного кадета из науки в науку произвесть». В результате данных разногласий 12 февраля 1717 г. Петр I шлет из Амстердама указ Ф. М. Апраксину о том, что руководство Морской академией поручить А. А. Матвееву, а барона Сент-Илера «для его прихотей отпустите, ибо на его место мы надеемся здесь сыскать другаго».

Из Москвы в Петербург приехал профессор Г. Фарварсон и некоторые учителя из русских, в том числе восемь навигаторов, среди них Ф. Алфимович, Г. Г. Скорняков-Писарев. Кроме этого были переведены учителя французского языка Иосиф Иванов Гагин (родом итальянец) и немецкого языка Яган Вурм. В феврале 1716 г. из Навигацкой школы в Москве было дополнительно переведено в Санкт-Петербург 36 преподавателей географии, геометрии и математики. 14 февраля 1716 г. граф Ф. М. Апраксин приказал послать в

Санкт-Петербург также учителя Степана Гвына со своими учениками.

Петр I собственноручно написал перечень наук, необходимых для изучения в Академии: математика, навигация, сферика, астрономия, математическая география, ведение шканечного (вахтенного) журнала, артиллерия, ружейные приемы, фортификация, изучение корабля, рисование, геодезия, фехтование и верховая езда (вольтижировка). Во время летней кампании воспитанники должны были находиться в практическом плавании на кораблях Балтийского флота, исполняя обязанности матросов, комендоров и морских солдат, обучаться «корабельному правлению», самостоятельному ведению «журналов путеплавания» и производству обсерваций. Таким образом Академия морской гвардии должна была готовить офицеров в области навигации, артиллерии, фортификации, устройства корабля (кораблестроители) и геодезии.

Первые ученики в Морскую академию набирались по результатам смотра недорослей, проведенного на исходе 1715 г., сразу после утверждения проекта Положения об Академии. Президент Адмиралтейств-коллегии граф Ф. М. Апраксин 14 февраля 1716 г. приказал, чтобы к концу февраля из Навигацких школ Москвы, Нарвы и Новгорода были переведены окончившие классы геометрии и тригонометрии 279 учеников из недорослей и солдатских детей лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков и других

разночинцев. Когда же из Москвы и других городов приехало значительно большее количество учеников, чем требовалось, то 44 ученика из бедных семей отправили обратно, а часть оставшихся школьников попала на Петровский завод, где военный инженер Вилим Геннин организовал свою школу.

В Академию принимались в основном дворяне, значительно реже — разночинцы. В учебном заведении поддерживалась строжайшая дисциплина: побег карался смертной казнью, опоздание из отпуска — каторгой. Сроки обучения не были строго установлены и определялись уровнем знаний учеников.

Академия имела военную организацию: 6 бригад-отделений по 50 человек во главе с офицерами гвардейских полков, называвшимися «командирами морской гвардии». В помощь каждому назначались, также из гвардии, один или два офицера, два сержанта и несколько заслуженных старых солдат, исправлявших должность дядек и обеспечивавших дисциплину. Воспитанники должны были жить в здании Академии, однако многие жили на квартирах.

В апреле 1716 года вышло «Положение о гардемаринах в российском флоте», которым отменялось воинское звание «навигатор». Воинское звание «гардемарин» (в переводе с французского — «страж моря», «морской гвардеец») было установлено как переходное от ученика Академия к чину мичмана *(учрежден в 1713 году, младший офицерский чин в*

Российском флоте с 1732 по 1917 гг., с перерывом в 1751—1758 гг.).

Петром I было установлено, что в гардемарины могли быть переведены только те ученики Академии, которые «превзошли науки», то есть успешно сдавшие высшие мореходные науки. В последующем, сдав очередной экзамен, гардемарины получали первичное офицерское звание — унтер-лейтенант (с 1732 г., после причисления звания мичмана к офицерскому составу, выпускникам Академии присваивалось при выпуске это воинское звание). Таким образом моментом окончания Морской академии являлось получение гардемарином офицерского звания. В связи с этим имеющиеся в архивных документах фразы о том, что ученики Морской академии выпускались гардемаринами, являются некорректными.

С момента образования гардемаринов они не имели определенной военной формы. Историк Ф. Ф. Веселаго писал, что форма, по всей видимости, была матросская, так как при первом практическом плавании летом 1716 г. было отмечено: «Им роздали такие же парусиновые „бостроки“ как матрозам». Только в мае 1723 года указом Петра I было постановлено гардемаринам иметь форму «во всемъ» сходную с лейб-гвардии Преображенским полком, то есть: кафтаны темно-зеленые, у кафтанов воротники и обшлага, и также камзолы и штаны красные, а шинели василькового цвета. Гардемарины имели шпаги с золочеными эфесами и ружья.

Такая форма просуществовала до момента преобразования Академии в Морской шляхетный кадетский корпус в 1752 г.

В строевом отношении гардемарины составляли роту по образцу Гвардейской сухопутной роты. Кроме рядовых гардемаринов, в ней находились сержанты, каптенармусы, фурьеры и капралы. Одно время были унтер-фендрики, называвшиеся потом подпрапорщиками. В унтер-офицерские чины назначались гардемарины «хорошей нравственности» и «обучающие высшие науки». Кроме каптенармуса, ответственного за хранение вещей и обмундирования гардемаринов, другие унтер-офицеры по форме ничем не отличались от рядовых гардемаринов. В полном составе Гардемаринская рота практически никогда не пребывала: летом все были на практике на кораблях, а зимой в портах, где зимовали корабли. Тем не менее обязательным условием обучения гардемаринов было дальнейшее получение теоретических знаний, для чего они имели занятия с учителями Академии.

В первые годы существования Морской академии финансирование ее деятельности было все же недостаточным. Так, А. А. Матвеев 2 мая 1717 г. жаловался Сенату на «неописанную скудость денег» и «несказанные трудности», так как от Адмиралтейства «кроме доброго „нета“ никакого положительного довольствия не получается». В результате школьники Морской академии снимали углы по окраинам, где подешевле, и даже на другом берегу Невы.

Решая множество государственных проблем, Петр I уде-

лял внимание и Академии. Так, 2 ноября 1717 г., сразу по возвращении из-за границы, он распорядился выдать деньги «в Морскую академию на содержание школьников» из соляного сбора, то есть из дополнительных средств, не идущих на содержание армии (подушные сборы) или флота (питейные и таможенные сборы). В результате этого малообеспеченные воспитанники стали получать ежемесячно по 1 рублю, а при переходе в обучении из «цифири в геометрию» — еще по полтине в месяц. В меркаторской навигации им прибавляли по 2 руб. с полтиною, а в круглой навигации — по 3 руб. человеку на месяц. В 1718 г., реализуя повеление Петра I о том, что «Академический двор, что был Кикина, достроить», здание Кикиного двора стали расширять и к Академии пристроили несколько мазанок, в которых разместили малолетних учеников Академии.

В мае 1718 года количество гардемаринов достигло 300 человек, после чего было определено, что это количество является комплектным для Гардемаринской роты Морской академии, которое нельзя превышать. Командир Гардемаринской роты был практическим руководителем и всей Академии. Из 300 человек старшие гардемарины составляли 100 человек, которым было определено по 16 рублей жалования в год, а младшие гардемарины (200 человек) получали по 12 рублей. После смерти Петра I количество гардемаринов неуклонно снижалось, и в 1739 г. их было всего 66. При этом только с 1741 г. Гардемаринской ротой Академии стали ко-

мандовать морские офицеры.

В 1718 году в Морской академии был открыт отдельный геодезический класс на 30 человек для подготовки геодезистов, топографов и картографов с целью картирования побережья Российской империи. Выпускники этого класса И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин первыми были отправлены для составления карт Сибири и должны были следовать «…до Камчатки и далее, куда Вам приказано, и описать тамошние места, где сошлись ли Америка с Азией…». С этой первой, не широко известной экспедиции 1719 г. началось целеустремленное изучение дальневосточных морей.

Определенного срока обучения учеников в Академии не существовало, период пребывания в учебном заведении зависел от способностей каждого воспитанника, и главное — наличия свободных вакансий в списках Гардемаринской роты, а затем вакансий в офицерском составе флота. Общий срок обучения-службы в гардемаринской роте составлял 6 лет и 9 месяцев. Однако в отдельных случаях гардемарины производились в офицеры через 4—5 лет после попадания в Гардемаринскую роту, и в то же время нередки были случаи службы в гардемаринском звании по 15—20 и более лет. Известно, что в 1744 г. в отставку «по болезни и старости» был уволен гардемарин Академии Иван Трубников в возрасте 54 лет, безрезультатно проучившийся почти три десятилетия! За плохую службу в Гардемаринской роте и низкую успеваемость нередки были случаи обратного перевода гардемари-

нов в Академию на положение ученика или просто в матросы на флот.

Однако в XVIII веке существовала и практика, когда были назначения в Гардемаринскую роту Академии без предварительного в ней обучения. В основном это относилось к сыновьям флотских офицеров, которые получали соответствующее образование дома. В таких случаях отец, находившийся в одном из портовых городов, посылал соответствующее прошение в Адмиралтейств-коллегию с приложением перечня пройденных дисциплин и Свидетельств офицеров, подтверждающих уровень знаний недоросля на основе проведенной «экзаменации». Члены Коллегии иногда довольствовались подобным прошением и назначали недоросля в гардемарины, а иногда вызывали его в Академию для проведения «экзаменации» ее учителями. Если вновь определяющейся сделал с отцом несколько морских кампаний, то это служило лучшей рекомендацией. Сыновья заслуженных адмиралов, как исключения из общего правила, за заслуги отцов иногда поступали не только в гардемарины, но и непосредственно в мичмана, что по современным понятиям может быть охарактеризовано как незаконный протекционизм (блат).

При Петре I нередки были случаи отправления гардемаринов для обучения за границу на несколько лет, например, во Францию, Италию, Голландию, Испанию и другие страны. По возвращении гардемарины сдавали соответствующий экзамен для получения офицерского звания.

Принятие решения о переводе гардемарина в офицерское звание осуществлялось специальной Комиссией, члены которой назначались из флотских офицеров, в Санкт-Петербурге — самой Адмиралтейств-коллегией, а в портах — Главным командиром порта. Из портов специальные комиссии направляли в Адмиралтейств-коллегию количество баллов, набранных экзаменуемыми гардемаринами, после чего Коллегия принимала решение. При этом Коллегия следила за тем, чтобы к экзамену в мичмана представляли гардемаринов в порядке их служебного старшинства.

В 1731 году адмирал Сиверс сократил комплектность Академии с 330 единиц до 150, и хотя в 1732 году он был снят со своего поста и комплектность была признана недостаточной, но реальных действий по ее увеличению предпринято не было.

В 1732 году императрица Анна Иоанновна пожаловала для Академии каменный дом князя Алексея Долгорукова на углу набережной Большой Невы и 3-й линии *(ныне здесь здание Санкт-Петербургской Академии художеств)*, так как на старом месте Академии и окружающих участках решили строить Зимний дворец.

Переезд Академии в новое здание состоялся только в 1738 году. Новый дом был теснее предыдущего, и большинство учеников было отправлено для проживания в город. При этом переезд на Васильевский остров вызвал большие неудобства и лишние траты для учеников и гардемаринов

Академии. Так, окормлялись, то есть принимали пищу, ученики и гардемарины, не находившиеся в плаваниях и в других портах, в полотняной церкви Св. Николая Чудотворца *(на месте дома №67 у Синего моста)* на Морском полковом дворе Адмиралтейского острова, который в то время находился у Исаакиевской церкви, за Мойкой. После переезда на Васильевский остров обучающимся приходилось дважды в день перебираться на другую сторону Невы по наплавному мосту, переход через который был платным. В то же время для обучающихся в Сухопутном кадетском корпусе, давно уже существовавшем на Васильевском острове, переход был бесплатным. Все это приводило к тому, что в Морскую академию все меньше становилось желающих поступать. В последующем вопрос о строительстве надлежащего здания для Академии продолжал периодически подниматься Адмиралтейской коллегией перед императрицами Елизаветой и Екатериной II в 1741, 1744, 1747 годах, но безрезультатно.

15 декабря 1752 года Морская академия указом императрицы Елизаветы Петровны была преобразована в Морской шляхетный кадетский корпус. Данное переименование не повлекло за собой упразднение звания «гардемарин», но оно стало уже присваиваться ученикам старших курсов.

Всего за 1717—1752 гг. Академия подготовила свыше 750 моряков и геодезистов. Причем бывали случаи непосредственного производства в унтер-лейтенанты, а наиболее выдающихся по успехам выпускников — в лейтенанты. Из

Академии вышли известные мореплаватели и исследователи С. Г. Малыгин, И. М. Евреинов, Ф. Ф. Лужин, Д. Я. и Х. П. Лаптевы, С. И. Челюскин, М. С. Гвоздев, А. И. Чириков, А. И. Нагаев, Н. В. Головин; флотоводец В. Я. Чичагов и многие другие прославившие Россию офицеры. Воспитанники геодезического класса осуществляли съемку территории Российской империи, участвовали в издании Академией наук в 1745 г. первого географического атласа России. А. Нагаев составил первые карты Берингова моря, а также первый атлас с подробной лоцией Балтийского моря. Н. Головин командовал Балтийским флотом в ходе Русско-шведской войны (1741—1743). А. Чириков был помощником Витуса Беринга в период Первой и Второй (Великой Северной) Камчатских экспедиций, а в 1741 г. он первым из европейцев достиг западного побережья Северной Америки.

Одними из первых выпускников Морской академии, принявшими участие в картографическом описании России, а именно Обской губы Карского моря, сразу после выпуска в 1719 году стали Петр Чичагов и Иван Захаров в экспедиции майора лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Михайловича Лихарева.

Необходимо также подчеркнуть, что Морская академия до 1724 г. частично выполняла функции Академии наук России, пока не была образована Петербургская академия наук.

Морской шляхетный кадетский корпус (1752—1867)

Морской корпус в эпоху императрицы Елизаветы Петровны

С 1749 года Адмиралтейств-коллегия вела работу по преобразованию Морской академии в Морской кадетский корпус. Прошение императрице Елизавете Петровне подал генерал-кригскомиссар князь Михаил Андреевич Белосельский. В 1752 г. он сопровождал императрицу Елизавету Петровну в Москву и, состоя при ней докладчиком по делам Морского ведомства, имел все возможности донести данную идею до императрицы. К этому времени Сенат и Адмиралтейств-коллегия разработали проект военно-морского учебного заведения с содержанием его по примеру Сухопутного кадетского корпуса.

15 декабря 1752 года Проект о создании Морского шляхетного кадетского корпуса был утвержден указом императрицы. Слово «шляхетный» в названии подчеркивало, что поступить в данное учебное заведение могли только дети дворян. Воплощал проект в жизнь член Адмиралтейств-коллегии ответственный за гидрографию капитан 2-го ранга

Алексей Иванович Нагаев, бывший с 1744 г. одним из двух советников в Морской академии.

Штатное число обучаемых в Корпусе было установлено в 360 человек, включая 187 гардемаринов, уже проходящих к тому времени практику на флоте.

Вскоре после реформы 1752 г. был ликвидирован Геодезический класс, а затем был исключен и ряд дисциплин, направленных на подготовку гидрографов.

Для размещения нового военно-морского учебного заведения выделили бывший особняк генерал-фельдмаршала Б.-Х. Миниха на углу 12-й линии Васильевского острова и набережной Большой Невы, где оно находится и поныне. Сам Миних был отправлен в ссылку в Сибирь (*объявленную вместо смертной казни в последний момент на эшафоте*) взошедшей на трон в результате переворота царицей Елизаветой Петровной. Особняк состоял из трех типовых домов «для именитых»: дома Остермана, дома Ф. Матвеева и дома Д. Барятинского (вклейка 1.2). Весь декор особняка напоминал о том, что предыдущий хозяин был командующим армией в Русско-турецкой войне. Живопись в конференц-зале, прикрытая досками и штукатуркой, сохранялась до переделок 1843 г.

Работы по переделке и приспособлению дома поручили интенданту Апрелеву и архитектору С. И. Чевакинскому — бывшему ученику Московской навигацкой школы и сбежавшему кадету Морской академии. Счастливо избежав нака-

зания за побег из-за покровительства главного архитектора Москвы, С. И. Чевакинский в 1741 г. стал главным архитектором Адмиралтейств-коллегии (по 1767 г.), а в мае 1752 г. он представил в Адмиралтейств-коллегию проект Никольского собора в центре Морского полкового двора. Однако представленный им проект реконструкции здания для Морского корпуса признали слишком дорогостоящим, поэтому фактически Апрелев пристроил к особняку 7 деревянных флигелей незатейливой архитектуры (к 1772 г. они уже пришли в негодность), а еще поварню и хлебную. На время перестройки ученики жили по квартирам, а учились в старом здании Морской академии на 4-й линии Васильевского острова. Окончательно воспитанники переехали в новое здание только к 1756 г.

В строевом отношении Корпус был поделен на три роты по 120 воспитанников в каждой. 1-я рота (старшая) — гардемаринская. Из общего числа воспитанников 30 человек готовились к службе морскими артиллеристами, их после второго класса направляли для обучения в Артиллерийский и Инженерный корпус (в будущем — Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского), а засидевшихся отправляли на корабли как констапельских учеников. Отдельно решался вопрос о 30 геодезистах.

Учащимся был установлен мундир: кафтан и штаны зеленого цвета с белыми отворотами и пр. Количеством полос позумента на обшлагах, воротниках и шляпах обозначались

класс и звания: 1-й класс (на флоте 1-й всегда старший) — в три полосы и т. д., сержантам на обшлагах добавлялись четыре ряда, каптенармусам, подпрапорщикам и фурьерам — три, капралам — два ряда.

В офицеры Корпуса Адмиралтейская коллегия направила бывших выпускников Академии, проявивших свои незаурядные качества при службе на флоте: Петра Чаплина, Григория Спиридова, Харитона Лаптева, Евстафия Бестужева, Ивана Голенищева-Кутузова, Егора Ирецкого, Ивана Шишкова и других.

Учителями в Корпус перешли преподаватели Морской академии. Профессор математики и морских наук Дж. Ньюбери был выписан из Лондона, при нем состояли Кривов, Четвериков, подмастерья Расторгуев, Бельцов, Бухарин и Курганов. Артиллерию читал Красильников. Для русского языка выписаны знатоки из московской Славяно-греко-латинской академии. Географию, генеалогию и прочие науки читал немец Х. Гейльман.

В Корпусе изучалось 28 наук, по аналогии с бывшей Морской академией. Была расширена программа общего образования. Традиционно глубоким было изучение математики и навигации, для чего в штате были профессор и учителя с подмастерьями. Мореходную астрономию преподавали способные ученики «большой астрономии», артиллерию и фортификацию — сведущие офицеры. Поскольку будущим корабельным офицерам предстояло выполнять гидрографиче-

ские работы, то в Корпусе было два учителя рисования с подмастерьями, для этого же было рекомендовано образовать класс геодезии из 50 человек (впоследствии его передали в распоряжение Академии наук). Боцман обучал такелажному делу, для лучшего обучения было предписано иметь малый кораблик. В Корпусе преподавали русский язык и правописание, а также несколько иностранных языков: французский, английский, немецкий. В преддверии будущих войн 1760-х гг. дополнительно было заведено изучение датского и шведского языков, но, как оказалось в последующем, следовало учить еще и греческий, и турецкий. Специально для обучения танцам были заведены фехтмейстер и танцмейстер, причем танцевальная экзерциция считалась важнее фехтовальной.

Учебный курс был разделен на три класса (по-современному — курса). Первый — гардемаринский класс, второй — выше тригонометрии и третий — ниже тригонометрии. Обучавшихся во втором и третьем классе стали называть кадетами.

Учебный распорядок включал в себя: с 7.00 до 11.00 — теоретические предметы, с 14.00 до 18.00 — упражнения.

При переходе из класса в класс устраивались экзамены. Точного срока пребывания в каждом классе установлено опять не было, но дольше трех лет учиться не дозволялось. Таким образом, обучение воспитанника начиналось в 11 лет, а к 20-летнему возрасту ему надо было окончить учебу и пе-

рейти на службу, но дозволялось сделать это и раньше.

В 1760 году капитан 1-го ранга А. И. Нагаев сдал во временное управление Морской корпус капитану 1-го ранга А. М. Давыдову, а того вскоре сменил контр-адмирал Ф. С. Милославский. Федор Сергеевич энергично взялся за дело, ибо ему поручили «привести корпус в должный порядок», и составил план конкретных мероприятий. Однако при этом он поставил перед Адмиралтейств-коллегией единственное условие: упорядочить финансирование Корпуса, ибо отпускаемые на его содержание кредиты по непонятным причинам не только необоснованно резко занижались, но и выплачивались не полностью, отчего педагоги увольнялись из Корпуса, хозяйственная служба работала на пределе, а выпускники не могли должным образом экипироваться для прибытия на флот.

Морской корпус в эпоху императрицы Екатерины II

В 1762 году после прихода к власти Екатерины II директором Корпуса назначили хорошо образованного выпускника Морской академии капитана 2-го ранга Ивана Логгиновича Голенищева-Кутузова. Мичманом он два года занимался гидрографической съемкой Финского залива под началом А. И. Нагаева, затем командовал кораблями «Москва» и «Северный Орел». В 1761 г. капитан-лейтенант И. Л. Голени-

щев-Кутузов был назначен секунд-интендантом флота. Тогда же привлекался к преподаванию в Морском корпусе и по рапорту коллегии назначен с резолюцией императрицы: «Капитану II ранга Голенищеву-Кутузову быть в оном корпусе впредь до указу, вместо положенного по штату капитана I ранга и помянутому Кутузову от интенданта Давыдова Морской корпус принять».

В 1763 году Иван Логгинович был произведен в капитаны 1-го ранга и приставлен одновременно с сохранением должности в Морском корпусе к цесаревичу Павлу Петровичу преподавать морские науки. В результате этого ему легко удалось добиться увеличения денежных ассигнований на Корпус, что в значительной мере способствовало улучшению повседневной жизни кадетов, приумножить денежное содержание всех чинов учебного заведения и значительно увеличить численность преподавательского состава.

Стараниями директора в 1764 г. была учреждена должность главного инспектора классов. Первым на эту должность был назначен образованный и прогрессивный человек Г. А. Полетика. Вместе с ведущими педагогами Н. Г. Кургановым, профессором Академии наук С. К. Котельниковым им были разработаны новые программы, с более высоким уровнем образования: в них включили дифференциальное и интегральное исчисления, ввели новый предмет — корабельную архитектуру. По предложению Инспектора новый учебный год начинался одновременно для всех классов (кур-

сов) и был разделен на два полугодия, которые завершались экзаменом. Успешная сдача экзамена являлась основанием для перевода в следующий возраст (учились в каждом классе 3 года), а неуспевающие оставлялись на второй год. Регулярными стали самостоятельные занятия воспитанников учебного заведения.

Новый штат Корпуса был установлен в 1764 году. Согласно новому штату была предпринята попытка уравнять снабжение Морского корпуса с Сухопутным кадетским корпусом. При Корпусе стало числиться 180 рядовых кадет, 87 гардемаринов и 60 артиллерийских учеников (ранее — 30). Общая штатная численность Корпуса достигла 360 человек. Геодезический класс был увеличен с 30 до 50 человек. Увеличение числа артиллеристов до 60 человек было направлено на ликвидацию некомплекта артиллерийских офицеров на флоте (111 вакансий), чтобы не брать на корабли выпускников сухопутных Артиллерийского и Инженерного кадетских корпусов. Но из этих 60 человек часть (15—20 чел.) направлялась на формирование класса корабельных мастеров. В Корпусе организовали мастерскую для изготовления инструментов, предусмотренную прежним штатом, увеличили возможности типографии. Учебная программа осталась прежней, но вместо трех языков решено было оставить один — «хотя бы английский знали». Два раза в год на экзамены Адмиралтейств-коллегия направляла депутатов, а на выпускном экзамене присутствовала вся Коллегия.

Для практики учеников в июне 1766 г. был куплен трехмачтовый фрегат «Надежда», построенный на верфи Главного Адмиралтейства корабельным мастером Ямесом. Этот первый учебный корабль специальной постройки служил Морскому корпусу до 1774 г., после чего в Англии в 1787 г. закупили бриг «Феникс» и в 1798 г. решением Адмиралтейств-коллегии корпусу был передан построенный фрегат «Богоявление».

Произведенные изменения в штате Корпуса привели к росту престижа обучения в нем.

1 ноября 1771 года, после большого пожара на Васильевском острове в ночь с 23 на 24 мая между 7-й и 21-й линиями, уничтожившего и здание Корпуса *(остались одни капитальные стены и чудом сохранившийся позолоченный иконостас и некоторые реликвии, в том числе и первые корпусные знамена),* кадеты и гардемарины после вынужденного проживания в полевом лагере в Галерной гавани были переведены в Кронштадт в здание Итальянского дворца, принадлежавшего императорской семье (вклейка 2.1). Очередной набор кадетов в 1771 году был отменен.

Воспитанниками Корпуса в Кронштадте были представители разных исповеданий, поэтому 15 февраля 1772 г. в здании Итальянского дворца была освящена церковь во имя Св. Николая, а в 1797 г. директор Морского кадетского корпуса И. Л. Голенищев-Кутузов получил высочайшее разрешение на совершение католических богослужений.

Быстрый рост флота вызвал расширение Морского корпуса, штат которого в 1783 году расширили до 600 человек, а в 1791 году в нём фактически обучалось уже около тысячи человек.

После войны со Швецией в 1792 году военным штатом в Корпус были добавлены: учитель корабельной архитектуры, учитель нравственной философии, учитель права и учитель плавания. Капельмейстер обучал желающих игре на музыкальных инструментах. Война показала, что списывать гребной флот со счетов еще рано, поэтому старших обучающихся посылали для практики на гребную эскадру в финские шхеры и на озеро Сайма. Остальные воспитанники вывозились в лагерь к Петербургским воротам, где теперь находится Кронштадтский военно-морской госпиталь. Штатом было определено, что выпускники Корпуса должны были служить на флоте не менее 5 лет.

В Кронштадте, в Итальянском дворце, принадлежащем царской семье, Морской шляхетный кадетский корпус размещался до 1798 г., когда по указу Павла I вернулся в Санкт-Петербург в свое прежнее, но восстановленное и перестроенное здание.

Удаленность Кронштадта от Санкт-Петербурга привела к тому, что часть преподавателей была вынуждена оставить Корпус, поскольку они работали по совместительству в других учебных заведениях. От руководства кафедрой математических и навигационных наук освободили академика С.

К. Котельникова, прекратили занятия по астрономии с гардемаринами академики С. Я. Румовский и Ф. Эпинус. Из оставшихся при корпусе можно назвать Н. Г. Курганова, назначенного в 1771 г. инспектором корпуса. Большую пользу принес подполковник Прохор Игнатьевич Суворов, выпускник Оксфордского университета, ставший профессором математики, латинского языка и русской словесности, при этом владевший семью иностранными языками. В 1794 году Прохор Игнатьевич был назначен инспектором классов Морского корпуса. Нравы и быт воспитанников в Корпусе в кронштадтский период были очень суровыми, о чем без особой гордости сообщали потом его выпускники.

Морской корпус в эпоху императора Павла I

8 декабря 1796 г., на втором месяце правления, Павел I приказал директору Морского корпуса И. Л. Голенищеву-Кутузову немедленно начать переводить Корпус обратно в особняк Миниха в Петербург, в котором к этому времени успел обосноваться Корпус чужестранных единоверцев, выросший из Греческой гимназии, созданной для обучения русскому языку и другим дисциплинам детей Греции, Сербии и других средиземноморских православных стран. Небольшую часть воспитанников Корпуса перевели в Санкт-Петербург уже на третий день. На четвертый день Павел I

посетил их новое пристанище и дал распоряжение Адмиралтейств-коллегии провести до 1797 г. полную перестройку здания для нужд Морского кадетского корпуса.

19 января 1797 г. директор Корпуса уже докладывал императору, что здание и все строения от Греческой гимназии приняты, а 97 ее воспитанников приняты в Морской корпус *(52 были зачислены в кадеты, а остальные 45 — в гимназисты специальной Школы Корпуса для подготовки подмастерьев (ныне — ассистенты) для учителей*).

В мае 1797 г. в рамках реализации указания императора были приобретены соседние дома по 11-й линии: сахарный завод английского купца Конавана и дом майора Червинского *(на этом месте гораздо позднее будет построено здание Николаевской морской академии).* Следующий приобретенный участок принадлежал вице-адмиралу Вилиму Петровичу Фондезину, который в свое время присоединил к себе дом И. А. Борисова по 12-й линии, примыкающий к зданию Корпуса *(позднее это место займет корпус Столового (ныне Актового) зала, освященного 9 октября 1799 г.).* После этого в столицу переехала основная часть кадетов, в соседнем доме разместился сам директор корпуса И. Л. Голенищев-Кутузов.

На реставрацию бывшего дворца графа Б. Х. Миниха Павел I выделил 100 000 рублей, и 85 000 рублей субсидировала Адмиралтейств-коллегия. Вести строительные работы император поручил известному русскому архитектору и про-

фессору Академии художеств Федору Ивановичу Волкову.

Работы по перестройке здания Корпуса были закончены 8 декабря 1797 г. 11 декабря император посетил обновленное здание, которое приняло вид, близкий к современному. Необходимо отметить, что император Павел Петрович, имеющий воинское звание генерала-адмирала, любил Морской шляхетный кадетский корпус, знал нужды кадетов и гардемаринов, а иных устраивал в него за счет своего адмиральского жалования.

Павел I утвердил новую форму воспитанников: зеленые двубортные мундиры и штаны, зимою одноцветные с мундиром, летом — белые; ботфорты, треугольная шляпа и кортик. Прежние гренадерские шапки были заменены другими, подобными каскам Павловского полка.

Особенное значение в истории Морского корпуса приобрело освящение построенного в ней храма, построенного еще при Греческой гимназии, намеченного на 6 ноября 1796 г. — в день памяти святого Павла Исповедника. Однако в этот день скончалась императрица Екатерина II, поэтому вряд ли освящение в тот день состоялось. Освящение состоялось уже после возвращения в здание Морского корпуса 15 марта 1797 г., которое произвел преосвященный Иннокентий, архиепископ Псковский. Законоучитель в корпусе архимандрит Ксенофонт произнес проповедь.

Необходимо отметить, что после долгого периода закры-

тия храма (1918) в советский период, он был заново отремонтирован и открыт на своем историческом месте 28 марта 2010 года (протоиерей Александр (Паничкин Александр Филиппович). При этом к историческому названию храма в честь Святителя Павла Исповедника было добавлено «и в честь Святого праведного воина Федора Ушакова».

На следующий день (16 марта 1797 г.) директор Корпуса адмирал И. Л. Голенищев-Кутузов сообщил императору, что храм во имя Святого Исповедника Архиепископа Павла, коего память празднуется в день «всерадостнейшего восшествия» Павла на Всероссийский престол, освящен.

Тем не менее в истории Корпуса первоначально назначенную дату освящения храма 6 ноября оставили, и она стала и Днем Храмового праздника, и Днем самого Морского корпуса (Корпусной день). Этот день всегда отмечали торжественно. К праздничному обеду подавались традиционный гусь с яблоками и пломбир. Каждому воспитаннику индивидуально дарили конфеты в особой коробке с гербом Морского корпуса. Во время обеда в Столовом зале, где наряду с командным составом и гостями присутствовали и сами воспитанники, играл корпусной оркестр.

Однако, по отзывам выпускников, «стол в Корпусе был хорош, но не роскошен. Ржаной хлеб, квас, булки были всегда отличного качества, но бенефисы эконому в это время не переводились…» Рассказывали, что в Морском корпусе

воспитанники довольно агрессивно протестовали против попыток администрации «урезать» десерт. Как свидетельствует окончивший Корпус в 1825 году Д. И. Кузнецов, «…если 6 ноября в храмовый праздник не давали яблоков, то ночью били стекла, ломали на галереях балясины, так что вгоняли починку всего в цену дороже покупки яблоков…»

Дата 6 ноября стала также и общестоличной: в этот день после бала в Морском корпусе начинались балы по всему Санкт-Петербургу.

Историк флота Ф. Ф. Веселаго писал: «Царствование Императора Павла Петровича было для Морского Корпуса одним из самых счастливых годов его существования». К сожалению для Корпуса, в ночь с 11 на 12 марта (ст. стиля) 1801 года император Павел I был в результате заговора убит, и на престол взошел его сын Александр I.

С 1753 по 1802 гг., по данным историка Ф. Ф. Веселаго, Морским корпусом было выпущено 3036 офицеров. Среди воспитанников Морского корпуса данного этапа были адмиралы Фаддей Беллинсгаузен, Иван Крузенштерн, Павел Нахимов, Федор Ушаков, Александр Панфилов. Кроме этого, в нем учились композитор Николай Римский-Корсаков, писатель Владимир Даль, художник Василий Верещагин и многие другие, ставшие позже культурной элитой России.

Морской корпус в эпоху императора Александра I

В 1802 году из названия Корпуса исключили слово «шляхетный», но принцип комплектования Корпуса не изменился. Слово «шляхетный» (дворянский) изъяли неслучайно, так как еще при Екатерине II в Корпусе организовали обучение корабельных мастеров и штурманов, как правило, набираемых из разночинцев в специальной Школе. При этом обучающихся называли гимназистами. При учителях в Корпусе наряду с подмастерьями оставались ученики, тоже в основном разночинцы.

Директором Корпуса 30 апреля 1802 г. стал контр-адмирал Петр Кондратьевич Карцев, ветеран войн с Турцией и Швецией. Наиболее способные гардемарины стали отправляться волонтёрами на английский и французский флоты и, в частности, участвовали в Трафальгарском сражении (9 октября 1805 года). Директору П. К. Карцову 5 мая 1802 года удалось исходатайствовать разрешение и деньги на постройку нового каменного флигеля и исправление всего здания.

При управлении корпусом П. К. Карцевым содержание учебных программ определяли склонный к математике инспектор классов Платон Яковлевич Гамалея и его друг и соратник Марк Филиппович Горковенко.

В 1803 г. был утвержден новый штат Морского корпуса

и установлена новая форма: сюртук темно-зеленого цвета с золотой вышивкой по краю воротника и по обшлагам рукава (гардемаринам без вышивки), золотые погоны (для гардемаринов — зеленое сукно с вышитым желтым якорем), камзол и панталоны, черный шелковый галстук, шляпа с бантом и петлицей, серая шинель, кортик *(22 апреля 1811 г. форму одежды вновь изменили, ввели черные двубортные фраки с киверами)*.

На выпускном экзамене 1804 г. 13 лучших в науке гардемаринов были удостоены монарших подарков — секстанов английской работы. В числе награжденных были Г. С. Шишмарев и А. П. Лазарев, будущие адмиралы, и будущий министр народного просвещения (1850 г.) князь П. А. Ширинский-Шихматов.

В 1812 году Морской корпус произвёл два выпуска, флот пополнился 134 мичманами, многие из которых приняли участие в войне с наполеоновской Францией.

В 1816 г. в Корпусе случилось два пожара из-за плохого содержания дымоходов, в обоих случаях на пожарах присутствовал сам император. После наводнения в квартале Корпуса построили два каменных двухэтажных флигеля. На рисунке здания Корпуса 1816 года (вклейка 2.2) можно увидеть, что на месте современного Адмиральского (парадного) пешеходного входа были деревянные высокие ворота, через которые в учебное заведение на Парадный двор *(сохранился до сих пор)* прибывал на каретах император со свитой.

В 1817 году штат Корпуса предусматривал обучение 700 кадетов и гардемаринов, расходы на его содержание составляли более 460 тыс. руб. в год.

Морской корпус в эпоху императора Николая I

После воцарения на престоле после восстания декабристов в 1825 г. императора Николая I он взял Морской корпус под особый контроль, обусловленный тем, что 30 выпускников Корпуса активно участвовали в восстании.

В марте 1825 г. на должность директора Корпуса был назначен контр-адмирал П. М. Рожнов, его заместителем стал капитан 1-го ранга П. Ф. Качалов, бывший командир Гвардейского экипажа, пытавшийся привести экипаж к присяге новому императору Николаю I.

После первого посещения Корпуса в марте 1826 года Николай I составил собственноручную записку, в которой изложил свои взгляды на воспитание и образование кадетов и гардемаринов.

В ноябре 1826 г. Морское министерство провело полное инспектирование корпуса. В результате было утверждено новое Положение о Морском кадетском корпусе, а также утвержден новый штат корпуса. Корпус приравняли к Экипажу, аналогичному армейскому батальону. Командиром Экипажа стал заместитель директора Корпуса. Экипаж включал в се-

бя гардемаринскую, три кадетские и резервную роты. В кадетских ротах обучались мальчики от 10 до 16 лет, в гардемаринской — юноши 16—18 лет. Численный состав каждой роты — 101 человек, из них 8 назначались унтер-офицерами. Командир роты — капитан-лейтенант. Рота делилась на 4 отделения (в учебном отношении — классы), ими командовали два лейтенанта и два мичмана. На 400 штатных учеников приходилось 50 преподавателей и 220 человек обслуживающего персонала.

30 декабря 1826 года императором был утвержден новый штат Морского корпуса. Комплектное число воспитанников было увеличено до 505, а на содержание Корпуса было назначено 341 565 рублей в год.

В 1827 г. директором Корпуса был назначен контр-адмирал Иван Федорович Крузенштерн, выпускник Корпуса 1788 г., в 1803 г. совершивший первое российское кругосветное плавание на фрегате «Надежда», и который с 1811 г. был инспектором Корпуса. Историк флота Ф. Ф. Веселаго отмечает, что 15 лет его правления Корпусом (1827—1842 гг.) стали самыми блистательными в его истории. Ф. Ф. Веселаго называет Ивана Федоровича добрейшим стариком, который трогательно опекал воспитанников и упрекал офицеров за то, что «дети слишком устают», впрочем, сердоболие директора компенсировалось требовательностью батальонных командиров.

И. Ф. Крузенштерн, сам являясь ученым, собрал в Корпу-

се лучших преподавателей столицы. Лекции по математике читали академики М. В. Остроградский, В. Я. Буняковский, П. Н. Фус; физику преподавал Э. Х. Ленц, ставший впоследствии академиком и профессором Петербургского университета, основоположником теории электромагнетизма и основ электротехники. Преподавателями корпуса были историк Н. Г. Устрялов, корабельные инженеры А. А. Попов и С. О. Бурачёк, силами последнего была изготовлена модель фрегата «Наварин», простоявшая для занятий в Столовом зале Корпуса более 100 лет.

Привлечение опытных педагогов позволило подготовить к изданию несколько новых руководств по начертательной геометрии, географии, тактике, арифметике и алгебре. В фондах библиотеки насчитывалось 8 519 томов и 287 топографических и морских карт.

28 января 1827 года по инициативе И. Ф. Крузенштерна при Корпусе был открыт Офицерский класс для «усовершенствования некоторого числа отличнейших из вновь произведенных офицеров в высших частях наук, к морской службе потребных». Курс обучения был сначала двух-, а потом трёхлетний *(на основе Класса позже была образована Николаевская морская академия при Морском корпусе)*.

4 мая 1834 года контингент учащихся Морского корпуса в 505 воспитанников увеличили на 100 пансионеров, которые сами платили за обучение и содержание. Пансионеры должны были удовлетворять установленным правилам приема в

Морской корпус «относительно происхождения, возраста, и знаний принимаемых».

В обучении на первый план, как и в армии того времени, вышла строевая подготовка. Дисциплина поддерживалась строгими наказаниями. При этом император стремился приблизить к себе будущих офицеров, помня активное участие их предшественников в восстании декабристов. Так, каждый вновь принятый в Корпус воспитанник и выпускник представлялся лично императору, а кадеты и гардемарины часто приглашались во дворец.

По Официальному журналу посещений Корпуса императором видно, что тот посещал его в некоторые недели два или три раза, а случалось — и два дня подряд.

Для практического изучения морского дела для каждой кадетской роты было построено по фрегату, которые составили Корпусную эскадру. На кораблях эскадры кадеты ежегодно совершали практическое плавание под непосредственным надзором императора. Гардемарины частью расписывались по кораблям Балтийского флота, а частью ходили на отдельных фрегатах, составлявших отдельный отряд, созданных специально для этой цели. Подобные отряды, кроме посещения российских портов на Балтике, заходили и в соседние иностранные — датские и прусские — порты.

В целом же забота Николая I имела благотворное влияние на Корпус. В образцовое состояние были приведены внешний вид воспитанников и облик здания: учреждена новая

форма — однобортный мундир, а в здании впервые после времен Павла I произведен ремонт. Въезд в Корпус через ворота был устранен и на месте арки был устроен парадный пешеходный вход с парадной лестницей на второй этаж к кабинету директора Корпуса и в Звериный коридор *(ныне Адмиральский, где на стенах висят портреты выдающихся выпускников Корпуса, адмиралов и ученых).* Прежние помещения классов, состоявшие из проходных комнат, что было крайне неудобно для преподавания, в 1833 году были заменены двумя рядами отдельных комнат, между которыми проведен «светлый» коридор. Открытая холодная галерея по периметру Парадного двора, зимой заносимая снегом, была превращена в закрытую, теплую (1833—1834). В ротных помещениях был сделано много мелких частных улучшений, важнейшими из которых для здоровья кадетов явилось устройство «ватер-клозетов», то есть туалетов. Представляется, что до этого в туалет приходилось ходить во двор. Был переделан лазарет, как отмечает Ф. Ф. Веселаго — «отделан роскошным образом» (1839—1840).

Кроме этого, было куплено еще два дома: деревянный (Башуцкого) на Большом проспекте между 13 и 14 линиями и каменный адмирала Фон-Дезина, около Корпуса на 11 линии. Первый из них был отремонтирован, а второй — из небольшого двухэтажного превращен в большой трехэтажный, во дворе которого по периметру были построены казармы для размещения нижних чинов. Здесь же была установ-

лена паровая машина, которая подымала воду в резервуар, снабжавший водой все здание Корпуса, включая механическую прачечную для стирки кадетского белья. Кроме этого, в отдельном корпусном доме на 13-й линии, между набережной и Большим проспектом, была устроена для нижних чинов каменная трехэтажная казарма.

14 октября 1842 года преемником И. Ф. Крузенштерна на посту директора Корпуса, ушедшего из него в звании полного адмирала, стал заслуженный офицер контр-адмирал Николай Петрович Римский-Корсаков, много сделавший для Корпуса в области как налаживания быта, так и перестройки его зданий.

В 1843 году на пересечении Библиотечного, Медицинского и двух классных коридоров был построен круглый зал, перекрытый куполом и получивший название Компасного. В центре Компасного зала пол украсила большая картушка компаса, выполненная из ценных пород дерева. В центре картушки набрано число 1701 — год образования Навигацкой школы; это подтверждает, что уже в то время считалось, что Морской корпус берет свое начало от данной Школы. В нишах зала размещались круглые печи, а между ними бюсты великих философов.

В 1843 году был также утвержден Герб Морского корпуса: черный двуглавый орел, в средине его красный щит, окруженный голубою лентою, в лапах орла два якоря.

Корпус имел свои флаг и знамя.

Флаг: белый с синим Андреевским крестом, в средине красный овал и в нем скрещенные шпага, градшток и руль.

Знамя: белое с синим Андреевским крестом, в средине двуглавый орел в оранжевом овале, окруженном золотым венком. В клювах и лапах орел держит карты четырех морей: Балтийского, Черного, Каспийского и Белого. Внизу овала, на голубой ленте, года: 1752—1852. По углам креста вензелевые изображения имени «Николай» и гербы Корпуса золотые. 25 июня (ст. стиля) 1838 года на знамя Корпуса императором пожалована голубая лента с надписями годов основания Навигацкой школы (1701), Морской Академии (1715) и Морского Корпуса (1752).

31 октября (ст. стиля) 1848 года по кончине Н. П. Римского-Корсакова директором Корпуса был назначен командир Гвардейского экипажа вице-адмирал Николай Глебович Казин.

8 апреля 1851 года Н. Г. Казин был назначен членом Адмиралтейств-совета, а его помощник, инспектор классов М. Ф. Горковенко, успешно прослуживший к этому времени в Корпусе 53 года, был назначен в Генерал-аудиторат. Директором Морского корпуса был назначен флигель-адъютант императора Богдан Александрович Глазенап, а инспектором классов — исполнявший до этого должность старшего помощника инспектора капитан 2-го ранга Александр Ильич Зеленой.

С 1851 г. в российском флоте звание «юнкер» стало при-

свaиваться добровольцам преимущественно с высшим образованием и имеющим право на производство в обер-офицеры. Для этого при Корпусах стали создаваться Специальные юнкерские классы.

В целом же при императоре Николае I Морской корпус стал поистине Высшим учебным заведением, а его здание приняло свой современный вид (вклейка 3.1). На всю перестройку было затрачено 150 000 рублей, взятых «заимообразно» из Главного казначейства и в назначенные сроки возвращенных.

Морской корпус в эпоху императора Александра II

18 февраля 1855 г. на трон Российской державы взошел император Александр II (коронация прошла 26 августа 1856 г.).

27 марта 1855 г. новый император назначил директором Морского корпуса вице-адмирала Алексея Кузьмича Давыдова, который, изучив состояние дел в Корпусе, признал его не блестящим и начал свои преобразования. Однако на это у него не хватило ни сил, ни здоровья. Помощником у директора был инспектор классов (с 1838 г.) генерал-майор Арсений Михайлович Голенищев-Кутузов, который надзирал за преподаванием наук и производством экзаменов, а в случае отсутствия директора исполнял его обязанности (*в 1856 г.*

стал основателем и начальником Штурманского училища в Кронштадте).

В 1855 году преобразования на флоте были поручены брату императора генералу-адмиралу великому князю Константину Николаевичу.

В 1856 г. двухгодичный Специальный класс юнкеров флота был организован при Морском кадетском корпусе.

В 1857 году директором Корпуса был назначен контр-адмирал Сергей Степанович Нахимов (брат известнейшего адмирала П. С. Нахимова), исполнявший свою должность до 1861 года.

В декабре 1861 года исправляющим должность директора Корпуса был назначен капитан 1 ранга Воин Андреевич Римский-Корсаков, в 1865 году произведенный в чин контр-адмирала и назначенный уже директором Корпуса.

В 1861 году под патронажем великого князя Константина Николаевича были установлены новые правила приема в Морской корпус. В Корпус принимались юноши с хорошим здоровьем от 14 до 17 лет; кроме дворян, право на поступление имели также дети «почетных граждан», заслуженных армейских и флотских офицеров, гражданских чиновников. Телесные наказания были отменены, основной упор сделали на стремление выработать дисциплину, основанную на сознательном отношении к делу.

7 августа 1862 года на базе Офицерского класса (1827) Корпуса был создан Академический курс морских наук для

продолжения переподготовки офицеров флота. Курс имел двухлетний цикл переподготовки и три отделения: Гидрографическое, Кораблестроительное и Механическое. Для поступления на Курс требовалась предварительная служба в офицерском чине не менее двух лет. Вакансии распределялись между флотскими офицерами и офицерами корпусов Морского ведомства.

В сентябре 1862 г. Специальные юнкерские классы при Морском кадетском корпусе были упразднены. Обучаемым юнкерам было предложено жить по домам, а в Корпус приходить только для посещения лекций. Летом юнкера участвовали в плаваниях под руководством назначенных офицеров, а в гардемаринах им еще предстояло побывать и в заграничных плаваниях. Экзамены для всех юнкеров, посещавших классы и не посещавших, для перевода в звание гардемарин, а затем мичман проводились в Морском кадетском корпусе, поэтому данные юнкера считались его выпускниками.

В 1864 г. был расширен сословный ценз для поступающих. Начали проводиться приемные испытания: Закон Божий, русский, география, описание России, черчение карт, история, математика *(арифметика, алгебра до непрерывных дробей и логарифмов, геометрия)*, физика, зоология, ботаника, французский и немецкий — перевод. Также была введена оценка успеваемости по 12-бальной системе. Изъявившие желание поступать в Корпус допускались к пробному

2-месячному плаванию на судах Морского корпуса в мае—июне, то есть до экзаменов.

Морское училище (1867—1892)

Морское училище в эпоху императора Александра II

8 мая 1867 г. был утвержден новый Устав учебного заведения, на основе которого 2 июня Морской корпус был переименован в Морское училище. Целью Училища было дать специальное морское образование молодым людям, посвятившим себя службе на флоте. Вновь повышен приемный возраст для юношей — с 15 до 18 лет, а срок обучения был установлен в 4 года. Училище было отнесено к разряду высших учебных заведений специального профиля, хотя официально оно было признано таковым только в 1891 г.

Количественный состав Училища был уменьшен до 240 воспитанников с ежегодным приемом 60 человек. Были также определены правила содержания пансионеров, принимаемых за счет пожертвований.

Весь личный состав Училища был разделен на 4 роты из двух отделений (взводов). Воспитанники одного года обучения составляли класс (совр. — курс). Каждая рота размещалась отдельно. Произошло также изменение формы одежды: темно-зеленый цвет, мундир с шароварами, сапоги, башлык, стоячие воротнички на полукафтанах заменены на от-

ложные, кивера заменены на лакированные круглые шляпы с большими полями, на шелковой ленте вокруг тульи шляпы была надпись: «Морское училище». Позже шляпы заменили на темно-зеленые фуражки, с коленкоровым белым чехлом, на ленте — инициалы «М. У.». При этом Уставом было предписано ухаживание за формой производить по возможности без прислуги.

Уставом Морского училища предусматривались обязательные ежегодные переводные экзамены (в мае месяце) и фиксированные расписанием (с 25 мая по 25 августа) летние практические плавания на кораблях учебного отряда под адмиральским флагом начальника училища. К этому периоду времени состав кораблей учебного отряда пополнился винтовыми корветами и клиперами, имевшими вспомогательное парусное вооружение.

В Морском училище впервые учредили мраморные доски для занесения на них имен лучших выпускников.

Программа обучения в Училище отличалась от прошлых лет только введением курса «Пароходная механика», но непрерывно менялась сообразно изменениям в морском деле. На обучение отводилось три полуторачасовых занятия в день *(что сохраняется и в настоящее время)*. Вне класса производились астрономические наблюдения, черчение, артиллерийское учение, стрельба, фехтование, гимнастика, плавание и танцы. Рекомендовалось обучение портовым ремеслам.

Выпускники Училища сначала получали звание «гардемарин» и только после 2-летнего плавания производились в офицеры приказом по учебному заведению, что продолжалось до 1882 г.

Десять лет, с 1861 до 1871 г., сначала Корпусом, а затем Училищем командовал контр-адмирал В. А. Римский-Корсаков. После его кончины в Италии начальником Училища 8 ноября 1871 г. был назначен капитан 1-го ранга Алексей Павлович Епанчин. Представитель известной морской фамилии, он всю свою службу провел в Морском училище, вначале как преподаватель математики и морских наук, затем долгое время был инспектором классов. Воспитанники Училища его любили и дали прозвище «папаша». При А. П. Епанчине начался отход от преобразований 1860-х гг.

В 1873 г. в Училище приобрели планетарий, сконструированный изобретателем Носовым.

В 1875 г. (после ликвидации военно-морских гимназий в 1871 г.) было утверждено «Положение о приготовительных классах», согласно которому в качестве временной меры были устроены 2-летние приготовительные классы — старший и младший. В младший класс приемный возраст составлял 12—14 лет, а в старший класс — 13—15 лет. Дополнительно были введены предметы: французский язык, рисование, геометрическое черчение, чистописание. Воспитанникам приготовительных классов присваивалась особая форма (погоны были не обшиты галуном, не было петлиц на обшлагах и

пуговиц на клапанах воротников, белые погоны на рубахах заменялись двойным шнурком). С разрешения начальника Училища им дозволялось жить у родственников. Два приготовительных класса составляли 5-ю роту.

28 января 1877 года Академический курс морских наук Морского училища, созданный 7 августа 1862 года на базе Офицерского класса, был преобразован в Николаевскую морскую академию все так же в рамках Училища *(Академия только в 1910 году стала самостоятельным учебным заведением).* По новому положению об Академии она состояла из трёх отделений: Гидрографического, Кораблестроительного и Механического, а также Курса военно-морских наук. Продолжительность обучения на отделениях составляла 2 года, а на курсе — 1 год. Число штатных слушателей составляло 37, из них 15 обучалось на Курсе военно-морских наук, 6 — на Гидрографическом отделении и по 8 — на каждом из остальных двух отделений.

В 1878 году в младший приготовительный класс Училища был принят будущий академик кораблестроения Алексей Николаевич Крылов, по словам которого, кроме приготовительных, был один класс (курс) общий и три специальных. В общий класс допускались юноши от 15 до 18 лет, но большинству было 17 лет. Срок обучения соответственно был увеличен до 5 лет. *А. Н. Крылов был выпущен гардемарином в октябре 1884 г., а после экзаменов и плавания произведен в мичманы.*

1 марта 1881 г. (ст. стиля) император Александр II был убит террористами. В результате расследования было установлено, что по делу проходили 25 воспитанников Морского училища. Данное обстоятельство не могло не отразиться на руководстве Училища и порядке в нем.

Морское училище в эпоху императора Александра III

С осени 1882 г. начальником Училища был назначен контр-адмирал Свиты его величества Д. С. Арсеньев. Будучи воспитателем великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича, он привнес в училище «придворный» стиль, сделав главным предметом танцы, для чего был приглашен артист балета Гельцер. В результате воспитанники дали новому директору прозвище «шаркун».

Правление Д. С. Арсеньева отвечало духу времени Александра III — времени контрреформ. Он возглавлял училище в течение 14 лет, до коронования Николая II. По воспоминаниям А. Н. Крылова, «ему было предписано истребить в Морском училище дух „превратного толкования“, и он решил, что самый простой и верный способ — это истребить всякое толкование». По поводу назначения Д. С. Арсеньева директором Морского училища адмирал Дмитрий Захарович Головачёв в разговоре с коллегами довольно язвительно замечал, что «новый начальник имел под своим ведением

двух великих князей и двух придворных лакеев и поэтому ему дали воспитывать 700 кадет».

В 1885 г. на год понизили возраст поступающих. Училище в это время состояло из шести рот-курсов: гардемаринская рота, воспитанники которой назывались гардемаринами, четыре строевых роты и нестроевая рота — шестая, для малолетних. Прием в Училище производился лишь в шестую роту. Лишь отдельные личности, и то по особому разрешению, могли поступить в старшие роты. Кроме этого были отменены пробные плавания перед вступительным экзаменом, восстановлено звание «гардемарин» для учащихся специальных классов, от кадет они отличались якорями на погонах. Также было отменено строевое звание «гардемарин», присваиваемое выпускникам.

Тем не менее в этот же период был обеспечен высокий уровень преподавания, в чем заслугу приписывают инспектору классов капитану 1-го ранга П. П. Вальронду и его помощнику полковнику Я. И. Павлинову. По оценке А. Н. Крылова, все преподаватели были отличными. Математику преподавали: автор учебника Н. Н. Зыбин, капитан 2-го ранга А. А. Бартенев и А. Н. Страннолюбский (1839—1903), преподававший Великим князьям *(в 1868 г. он занимался с 18-летней Софьей Ковалевской)*, а с осени 1870 г. читавший лекции по математике на Аларчинских женских курсах. Из других лучших преподавателей вспоминают А. Д. Дмитриева с 40-летним стажем и П. К. Гейлера со стажем более 50

лет.

В конце 1880-х гг. в Училище преподавали А. Н. Крылов, а также Юлий Михайлович Шокальский *(внук Анны Петровны Керн, которой А. С. Пушкин посвятил стихотворение «Я помню чудное мгновенье…»)*, окончивший Училище в 1877 г. и преподававший затем математику, навигацию и физическую географию *(автор термина «Океанография» и «Мировой океан», впоследствии председатель Географического общества СССР).* Вместе с Ю. М. Шокальским окончил Училище и Григорий Иванович Шульгин, который также стал преподавать в Училище в 1884 г. и стал затем автором учебников по плоской и сферической тригонометрии, морской съемке, задачника по мореходной астрономии и других пособий *(в 1897 г. назначен помощником инспектора классов Морского кадетского корпуса, продолжая вести курс мореходной астрономии)*. Навигацию и астрономию преподавали штурманы П. К. Бубнов и М. М. Беспятов, автор нескольких учебников. Девиацию читали Я. И. Павлинов и А. Н. Кудинович. Лекторами по математике и теории корабля были В. М. Сухомель и А. М. Бригер, по артиллерии — И. А. Яцыно. В эти же годы в Морском училище начал работать Н. Л. Кладо, который сумел блестяще организовать преподавание курса Военно-морской истории, а впоследствии — Тактики флота. На выпускных экзаменах комиссия особо отметила прекрасные знания гардемаринов по предметам, относящимся к кораблевождению, астрономии, лоции, навигации и морской

съемке.

Николаевская морская академия к концу 80-х годов XIX века состояла из трех отделов: Гидрографического, Механического и Кораблестроительного. В академию принимались морские офицеры, прослужившие не менее двух лет в офицерских чинах и успешно выдержавшие вступительные экзамены. Комплект слушателей на каждом курсе был весьма небольшим: набор на Гидрографическое отделение составлял 10 человек, на два остальные — всего по 5 человек.

В 1891 г. Училищу, фактически перешедшему с 1885 г. на «Положение Морского кадетского корпуса» былых времен с общими и специальными классами, было возвращено его историческое название.

Морской кадетский корпус (1892—1916)

Морской кадетский корпус в эпоху императора Александра III

11 февраля 1891 года «Высочайшим повелением» состоялось переименование Морского училища в Морской кадетский корпус: «ИМЕНОВАТЬ ВПРЕДЬ МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ МОРСКИМ КАДЕТСКИМ КОРПУСОМ».

Новым Положением учебного заведения, утвержденным Морским министром, определялись цель и задачи Морского кадетского корпуса: «Дать воспитание и образование молодым людям, готовящим себя к службе морскими офицерами, и установить принадлежность Корпуса к разряду высших специальных учебных заведений Морского министерства. Непосредственное управление Морским кадетским корпусом поручить его директору, при котором учредить учебно-воспитательный совет и хозяйственный комитет».

По новому Положению, срок обучения составлял 6 лет, корпус делился на 6 рот, а в учебном плане — на 6 классов (три общих и три специальных). По утвержденному штату, в шести классах одновременно обучалось 320 человек. Позд-

нее (с 1896 г.) вторая по старшинству рота стала называться младшей гардемаринской.

Право поступления в Корпус, согласно новому Положению, предоставлялось «по первому разряду» — сыновьям флотских офицеров, а «по второму разряду» — сыновьям потомственных дворян, выдержавшим конкурсные вступительные экзамены.

В 1898 году число воспитанников увеличили до 600 человек.

По окончании обучения, при условии выполнения обязательного плавательного ценза и благополучно сданных выпускных экзаменах, гардемарины производились в первый офицерский чин — мичмана. Экзамены включали морскую практику, астрономию, навигацию, морскую артиллерию, минное искусство, теорию кораблевождения, пароходную механику и законоведение. Они традиционно принимались комиссией из числа опытных офицеров флота, назначенных приказом управляющего Морским министерством (Морским министром). Всем выпускникам выдавалось денежное пособие на обмундирование и экипировку в размере 225 рублей каждому.

Окончившие курс, но оказавшиеся неспособными к морской службе выпускались из Корпуса с присвоением им гражданских чинов.

19 июня 1894 года был утвержден новый Устав Морского кадетского корпуса, подготовленный комиссией Морского

министерства под председательством полного генерала Корпуса флотских штурманов Ф. Ф. Веселаго, историка флота и Корпуса. Нормативно-правовой документ определил предельный возраст кандидатов в младший класс корпуса — от 12 до 14 лет, обозначил основные принципы распределения воспитанников по строевым ротам и утвердил Положение о присвоении звания «гардемарин» учащимся старшего курса.

Параграфами нового Устава Морского кадетского корпуса были также регламентированы правила и порядок приема в учебное заведение на казенное содержание, «своекоштными» и «стипендиатами». Существовало 7 стипендий, на основании которых могли быть приняты в Корпус сыновья малообеспеченных флотских офицеров или потомственных дворян:

1. Ханькоусская (*в честь епископа Пекинской епархии Зарубежной церкви Ионы Ханькоусского*), имени Его Императорского величества великого князя генерал-адмирала Алексея Александровича;

2. Финляндская, имени великого княжества Финляндского;

3. Нахимовская, имени адмирала Нахимова;

4. Нахимовская и Корниловская, имени адмирала Нахимова и генерал-адъютанта вице-адмирала Корнилова;

5. Имени отставного капитан-лейтенанта Дурново;

6. Раненбургская, имени Раненбургского уездного дворянства;

7. Константиновская, имени Его Императорского величества великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича.

Среди выпускников данного периода «Гнезда Петрова» можно выделить будущих полярных исследователей — участников Русской полярной экспедиции Академии наук под руководством барона Э. Толля: Н. Н. Коломейцева (выпускник 1887 г.), А. В. Колчака (выпускник 1894 г., первый по успеваемости), Ф. А. Матисена (выпускник 1897 г.). При этом А. В. Колчак был в течении 7 месяцев в звании лейтенанта руководителем экспедиции Академии наук по поиску пропавшей части экспедиции барона Э. Толля в Северном Ледовитом океане и нашел ее следы на острове Беннетта.

Морской кадетский корпус в эпоху императора Николая II

20 октября 1894 года императором России стал Николай II *(хотя коронация состоялась только 14 мая 1896 года).*

24 января 1896 года император посетил Корпус в форме капитана 1 ранга. Вечером того же дня он записал в своем дневнике: «Везде чистота отличная. Замечательное симпатичное заведение!»

4 мая 1896 года директором Морского кадетского корпуса был назначен контр-адмирал Александр Христианович Кригер. По свидетельству современников, офицеров и воспитан-

ников, все 5 лет его руководства Морским кадетским корпусом прошли в основном под знаком дезорганизации учебно-воспитательной работы и резкого падения дисциплины. Выпускник Корпуса капитан 2-го ранга В. В. Романов через много лет вспоминал: «Воспитанники, при всем желании, не могут вспомнить о нем ничего ни хорошего, ни плохого. Они просто его не знали, а если изредка видели — то лишь на официальных парадах, либо в коляске на Островах или в Михайловском театре».

В конце XIX века при реализации программы «Для нужд Дальнего Востока» Морское министерство столкнулось с реальными трудностями при комплектовании новых кораблей офицерским составом. Поэтому, начиная с 1898 года, в Морской кадетский корпус был открыт дополнительный весенний прием. Высочайшим приказом в учрежденный младший класс (1-ю роту) теперь ежегодно дополнительно стали набирать 50 воспитанников из числа кандидатов, окончивших сухопутные кадетские корпуса, гимназии и реальные училища. Среди кандидатов, желавших поступить в 1-ю роту, были даже студенты младших курсов университетов.

Таким образом в 1898 году, при сохранении старых принципов организации учебного процесса, число воспитанников Морского кадетского корпуса было увеличено почти вдвое (до 600 человек). При этом 525 учащихся находились на полном государственном обеспечении, а 75 являлись так называемыми «своекоштными» или «стипендиата-

ми» тех или иных именных стипендий.

Каких-либо радикальных изменений в содержании учебных программ и отдельных дисциплин новым Уставом Морского кадетского корпуса произведено не было. Расписанием ежедневно предусматривалось 5 уроков. Для оценки знаний воспитанников была утверждена двенадцатибалльная система. Уставом подтверждены ранее существовавшие формы поощрения воспитанников: занесение на корпусные мраморные доски почета имен и фамилий гардемаринов, возглавлявших выпускной список, или присуждение именных денежных премий лучшим выпускникам (премия имени адмирала Нахимова, имени адмирала Краббе, имени адмирала Рикорда, имени тайного советника Менде, имени генерал-лейтенанта Мещерякова или премия вице-адмирала Назимова).

К концу XIX века бюджет Морского корпуса составлял 312 758 рублей в год.

В январе 1901 года в Петербурге был широко отмечен 200-летний юбилей Морского кадетского корпуса. В честь этой даты был учрежден особый нагрудный знак (на обложке книги в центре) с представлением права его ношения на левой стороне груди «…всем состоящим в Корпусе в день юбилея лицам в офицерских и классных чинах по учебному, административному и строевому составу Корпуса и священнослужителям; воспитанникам, состоящим в специальных классах Корпуса в день юбилея, но не ранее, как по окон-

чании ими курса в этом Корпусе и по производстве в офицеры». Основанием знака служила сложенная голубая знаменная лента ордена Святого Андрея Первозванного, завязанная внизу бантом, с выполненной на ней золотой надписью: «Навигацкая школа — Морской кадетский корпус — 1701—1901». В верхней части знака, под золотой императорской короной, закреплялись накладные римские цифры «СС» (200 лет) белой эмали, внутри которых располагались золотые вензеля основателя учебного заведения Петра Великого и царствующего императора Николая II. В центре знака — герб корпуса времен Николая I. Автором эскиза юбилейного знака был преподаватель Морского корпуса подполковник Н. В. Мешков.

13 января (ст. стиля) 1901 года, накануне юбилея, в Зимнем дворце в присутствии императора и его семьи состоялась торжественная церемония прибивки серебряными гвоздями к древку нового корпусного знамени, пожалованного Николаем II Корпусу по случаю его юбилея. Император лично привязал юбилейные ленты к древку, на одной из которых золотом было написано «Морской корпус 1701—1901», и, приняв молоток из рук директора Корпуса, вбил первый серебряный гвоздь. Остальные гвозди забили в древко императрица, великие князья, управляющий Морским министерством и директор Корпуса.

Интересен и, может быть, символичен был факт того, что новое корпусное знамя Николай II вручил лучшему вы-

пускнику Морского кадетского корпуса фельдфебелю Алексею Михайловичу Щастному — потомственному дворянину, но будущему командующему Военно-морскими силами Российской Социалистической республики, главному организатору знаменитого «ледового похода» — операции по перебазированию более чем 600 кораблей Балтийского флота из Ревеля, Гельсингфорса, Котки и Випури в Кронштадт с 17 февраля по 29 апреля 1918 года *(по приказу Льва Троцкого А. Щастного, который критиковал его за непрофессионализм, арестовали и расстреляли 22 июня 1918 года. Это был первый смертный приговор, вынесенный после Октябрьского переворота, в год, когда смертную казнь в советской России официально отменили…).*

14 января (ст. стиля), в день указа Петра I о создании Навигацкой школы 200 лет назад, состоялся торжественный молебен в домовой церкви Морского корпуса в честь Святителя Павла Исповедника (фото иконостаса на вклейке 3.2).

В честь юбилея была сделана фотография, на которой были кадеты, переодетые в форму всех периодов существования «Гнезда Петрова» (вклейка 4.1).

Весной 1901 года директором Корпуса назначается капитан I ранга Александр Михайлович Доможиров, имевший репутацию опытного морского офицера, знающего современные задачи и проблемы отечественного флота.

А. М. Доможиров сразу после вступления в должность приказал командирам кораблей Учебного отряда Корпуса

в течение всего периода плавания приучать воспитанников к несению вахтенной службы, выполняемой матросами, так как он считал, что воспитанники должны были усвоить правило: надо сперва самим научиться подчиняться, чтобы потом командовать. При этом новый директор не искал дешевой популярности. Благодаря своему громадному опыту строевого офицера флота он всегда внушал к себе не страх, а глубокое уважение и доверие как у преподавателей, так и у учащихся.

За один лишь год директор немало сделал по принятию действенных мер укрепления дисциплины и улучшению учебных программ. К сожалению, тяжелая болезнь и смерть не позволили ему завершить начатые преобразования. В марте 1902 года батальон гардемаринов Морского кадетского корпуса провожал своего директора на кладбище Александро-Невской лавры.

Временно, до назначения нового директора, Корпусом руководил начальник строевой и хозяйственной части генерал В. А. Давыдов, любимец воспитанников, «добрейший Василий», как его в своей среде окрестили кадеты и гардемарины.

Новым директором Корпуса в 1902 году был назначен контр-адмирал Григорий Павлович Чухнин, окончивший Морское училище в 1865 году. Адмирал имел репутацию образованного, но весьма «грозного» морского офицера. По воспоминаниям выпускника Морского корпуса Г. К. Графа: «И, действительно, все сразу же почувствовали, что слово

адмирала Чухнина не расходится с делом. Жесткая и требовательная рука директора не знала пощады по отношению к нарушителям воинской дисциплины. На корпусных построениях теперь регулярно зачитывались грозные приказы, заканчивавшиеся строгим выговором или отчислением из учебного заведения. Складывалось впечатление, что он сутками не покидал здание Морского корпуса. С утра до глубокой ночи его могли видеть во всех помещениях и углах Корпуса… Уже на второй учебный год стало заметно сказываться его влияние на Корпус. В лазарете стало больше порядка… Несколько улучшилась и пища воспитанников. Но по учебной части никаких коренных реформ не было».

Ежегодно в летние месяцы выпускники практиковались на кораблях Учебного отряда морских судов. Качество практики несколько снижалось ввиду устаревания корабельного состава отряда. Тем не менее качество специальной подготовки оставалось достаточно высоким благодаря углублённому изучению специальных дисциплин. В 1903 году срок обучения в специальных классах был увеличен ещё на один год.

В ночь на 27 января 1904 года Япония без объявления войны произвела атаку на стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада». В тот же день в корейском порту Чемульпо погибли в неравном бою с японской эскадрой крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец».

28 января 1904 года все 6 рот Морского корпуса построили в Столовом зале Корпуса. Николай II и императрица появились в сопровождении генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, управляющего Морским министерством адмирала Ф. К. Авелана и свиты. Император, призвав ласково воспитанников выйти из строя и подойти к нему, произнес: «Дерзкий враг напал на нас…»; далее он сказал, что Япония будет наказана и что храбрые русские воины сокрушат неприятеля.

В этот же день всех старших гардемаринов император торжественно и досрочно произвел в офицеры. Из этого выпуска, который был назван «Первым Царским», десять первых по выпуску (лучших) гардемаринов получили от Николая II согласие на прикомандирование к Тихоокеанской эскадре (Квантунский флотский экипаж) в Порт-Артуре. По прибытии в эскадру вновь испеченные офицеры героически сражались, при этом трое из них погибли в морских боях с японским флотом. Два гардемарина были направлены в Сибирский флотский экипаж (Владивосток), 75 — в Балтийские флотские экипажи, готовящиеся к переходу в Тихий океан в составе 2-й эскадры адмирала З. П. Рожественского *(23 мичмана из этого выпуска трагически погибли в Цусимском сражении),* 40 — в Черноморские экипажи и 1 — на Каспийскую флотилию.

Весной 1904 года директором Морского кадетского корпуса назначили контр-адмирала Николая Александровича

Римского-Корсакова (выпускника 1870 г.), как пишут историки, добродушного и интеллигентного человека, сердечно относившегося к воспитанникам, что ни в коей мере не способствовало снижению дисциплины, налаженной в Корпусе его грозным предшественником. На посту директора Николай Александрович оставался до 1906 года, когда 7 августа высочайшим указом его назначили товарищем (заместителем) Морского министра. По воспоминаниям воспитанников Корпуса, адмирал отличался редкой добротой, тактом и заботливостью о кадетах и гардемаринах, за что они дали ему прозвище «Апостол».

Представление о масштабах трагедии Тихоокеанского флота на Дальнем Востоке гардемарины Морского кадетского корпуса получили, прослушав лекцию капитана I ранга Н. О. фон Эссена *(выпускник Морского училища 1880 г.),* героя Порт-Артура и Георгиевского кавалера, в Главной морской библиотеке Адмиралтейства.

В конце февраля 1905 года состоялся второй досрочный «Царский выпуск» старших гардемаринов Корпуса, к середине февраля сдавших досрочно все экзамены. Высочайшим приказом по Морскому ведомству из Морского кадетского корпуса досрочно были выпущены 121 человек, получившие назначения на корабли, базировавшиеся во внутренних морях Российской империи. 21 февраля состоялось представление вновь испеченных офицеров императору в Царском селе.

В декабре 1906 года в Кронштадте после позорного поражения российского флота в Русско-японской войне состоялся военно-морской суд, признавший виновными в позорной капитуляции командующего отрядом Н. И. Небогатова и его офицеров В. В. Смирнова, С. И. Григорьева и Н. Г. Лишина. Их приговорили к смертной казни, замененной Николаем II десятилетним заключением в крепости. Вместе с ними также осудили старших офицеров, спустивших на своих броненосцах Андреевский флаг и поднявших на флагштоке флаг Японии. Часть печати позора легла и на Морской корпус, подготовивший большую часть данных офицеров.

Назначенный весной 1905 года Морским министром адмирал А. А. Бирилёв после изучения многочисленных предложений и проектов по реформированию Морского кадетского корпуса был вынужден дополнительно учредить Специальную комиссию для пересмотра всех учебных программ по подготовке офицеров флота. Ознакомившись с работой Морского корпуса, комиссия отметила слабую подготовку воспитанников по таким важным предметам, как теория корабля и корабельная архитектура, корабельная артиллерия, минное дело, электротехника, беспроволочный телеграф, законоведение, морская администрация и морская гигиена.

По распоряжению Морского министра в Морском корпусе в срочном порядке дополнительно оборудовали современные учебные кабинеты и лаборатории: электротехнический кабинет, химическая лаборатория; расширены и переосна-

щены были физический и минный кабинеты. Впервые в Корпусе были введены обязательные практические занятия по радиотелеграфу, проекционному черчению и морской гигиене.

Комиссия рекомендовала руководству Корпуса также обратить более серьезное внимание на изучение математики — основы важнейших учебных курсов: мореходной астрономии, теории девиации компасов, теории артиллерийской стрельбы и целого ряда других практических специальных морских дисциплин.

По рекомендации Комиссии традиционный порядок проведения учебных занятий в специальных гардемаринских классах заменили так называемой «репетиционной системой». Новая система обучения являлась достаточно прогрессивной и более эффективной. Теперь практические занятия и лекции у воспитанников специальных классов дополнялись обязательными «репетициями», предусматривавшими поэтапную сдачу преподавателям определенных разделов той или иной учебной дисциплины. Своеобразные зачеты («репетиции») проводились обычно после основных занятий, 2 раза в неделю (по вторникам и пятницам).

Распоряжением адмирала А. А. Бирилёва был обновлен практически весь преподавательский состав Корпуса. В 1905 году в Корпусе стали работать молодые способные преподаватели, такие как лейтенант А. Н. Щеглов — специалист по вопросам военно-морской истории, лейтенант А. И. Шей-

ковский — бывший штурман крейсера «Новик», возглавивший курс тактической навигации. Лейтенант В. Я. Павлинов возглавил курс теории девиации компасов. Подполковник А. П. Шершов стал во главе учебного курса корабельной архитектуры и теории корабля. Лейтенант С. И. Бубнов значительно улучшил преподавание вопросов морской тактики и стратегии на основе детального изучения боевых и технических средств потенциальных противников. Наряду с молодежью в корпусе продолжали работать и известные ученые, авторитеты с мировым именем: Ю. М. Шокальский, И. Б. Шпиндлер — авторы капитальных научных трудов и учебников по океанографии и метеорологии, полковники А. М. Бригер, В. М. Сухомель и многие другие.

17 апреля 1906 года на основе утверждения Государственным советом России проекта Морского министра об изменениях в Положении о Морском кадетском корпусе был значительно расширен круг лиц, имеющих право поступать в это учебное заведение: сыновья офицеров армии и всех классных чинов Морского ведомства, инженеров, корабельных механиков, врачей и гражданских чиновников этого ведомства. При этом было указано, что казеннокоштные (бюджетные) вакансии в Корпусе должны быть привилегией для сыновей морских офицеров, убитых в сражениях и умерших от ран. Было увеличено число воспитанников, а гардемаринов специальных классов приравняли к юнкерам военных училищ. Выпускники корпуса производились в корабельные

гардемарины, а после годичного плавания (4 месяца внутреннего и 8 месяцев заграничного) и сдачи соответствующего экзамена в Корпусе получали чин мичмана.

Многие выпускники периода Морского кадетского корпуса 1891—1906 гг. стали выдающимися офицерами как российского, так и потом советского Военно-морского флота. К таковым можно отнести Б. А. Вилькицкого *(руководителя экспедиции, совершившей последнее крупное географическое открытие в мире — архипелага Северная Земля),* уже ранее упоминавшегося А. М. Щастного, Г. К. Старка, Г. С. Пилсудского, Э. С. Панцержанского *(начальника Морских сил Республики*), В. Г. Антонова, Л. М. Галлера *(правнука декабриста П. Пестеля. Сына П. Пестеля отобрали у матери и отдали в пансион, дав ему имя Иванов Иван Иванович)*, А. Н. Щеглова, Е. А. Беренса, С. В. Зарубаева, А. П. Зеленого, Б. Б. Жерве, М. А. Петрова, В. М. Альфатера, А. В. Нимитца, П. В. Мессера, Н. Н. Зубова, И. Н. Дмитриева, А. П. Белоброва и многих других.

К сожалению, большинство выпускников, много сделавших для создания советских военно-морских сил, затем были незаконно репрессированы или расстреляны этой же советской властью…

Морской корпус (1906—1916)

17 апреля 1906 г. было утверждено новое Положение о Морском корпусе. Штат был увеличен до 740 человек. При этом Морской кадетский корпус стал называться Морским корпусом.

Вместе с переименованием Корпуса три его старшие роты теперь получили статус «гардемаринских», а гардемаринам младшего специального класса разрешили официально носить на погонах золотые якоря. Курс трех общих классов приравняли, по своему объему, к программам реальных училищ. Минимальный возраст воспитанников при поступлении в общие классы Корпуса стал составлять 14 лет.

7 августа 1906 года директором Морского корпуса был назначен капитан I ранга Степан Аркадьевич Воеводский, на чью долю выпало претворение в жизнь практических преобразований и мероприятий, предписанных актом Специальной комиссии под председательством Морского министра.

По свидетельству современников, опытному морскому офицеру директору Корпуса С. А. Воеводскому удалось успешно справиться с этой огромной работой. При нем воспитанники трех старших гардемаринских рот впервые стали приводиться к присяге. Ответственный воинский ритуал оказал на гардемаринов такое огромное психологическое воздействие, что некоторые из них, испугавшись суровой от-

ветственности за свои будущие проступки, поспешили уйти из Корпуса с аттестатом об окончании среднего учебного заведения.

6 ноября 1906 года, в день традиционного Корпусного праздника, все гардемаринские роты впервые приняли присягу в Столовом зале, перед огромным царским портретом. Директор Корпуса громким четким голосом медленно читал текст присяги, а гардемарины, подняв три пальца правой руки (за Веру, Царя и Отечество), внятно повторяли за ним слова воинской клятвы.

С 1906 по 1912 года обучение в Корпусе было пятилетним, начиная с 5-й роты. В 1913 г. приемный возраст снизили на год, прием стал производиться в 6-ю роту. Таким образом все вернулось на круги своя: общие кадетские классы — 3, специальные гардемаринские — 3. В младшие роты набирали 60 человек.

5 апреля 1907 года император Николай II произвел смотр батальону Морского корпуса в Царском Селе. За «блестящее состояние и военную выправку» воспитанники удостоились высочайшей благодарности, а С. А. Воеводского царь произвел в контр-адмиралы.

Среди воспитанников Морского корпуса новый директор пользовался уважением и популярностью. По их мнению, «он сумел возродить былое почтение к старейшему военно-морскому учебному заведению и его старым стенам».

Стараниями С. А. Воеводского Учебный отряд судов

Морского корпуса пополнился новыми кораблями. Теперь, кроме учебных судов «Минин», «Рында», «Верный», «Воин» и шхун «Моряк» и «Забава», в отряд передали крейсера I ранга «Аврора» и «Диана».

Новая программа учебных занятий в гардемаринских классах предусматривала довольно обширный перечень специальных морских дисциплин: Навигация (137 ч), Электротехника (75 ч), Кораблестроение (50 ч), Морская съемка (50 ч), Химия (75 ч), Физическая география (62 ч), Пароходная механика (75 ч), Морское дело (75 ч), Минное дело (75 ч), Девиация компасов (50 ч.), Военно-морская администрация (25 ч), Законоведение (75 ч), Артиллерия (150 ч), Теория корабля (50 ч), Фортификация (62 ч), История военно-морского искусства (50 ч), Мореходная астрономия (275 ч), Морская тактика (62 ч) и Морская гигиена (25 ч). Также были включены в число обязательных: французский язык (75 ч), английский язык (75 ч), русский язык (125 ч), Закон Божий (50 ч), Аналитическая геометрия (50 ч), Теоретическая механика (150 ч), Начала дифференциального и интегрального исчисления (100 ч).

Были введены обязательные практические и лабораторные занятия по химии, физике, минному делу, девиации компасов, лоции, электротехнике и астрономии, которые проводились в хорошо оснащенных кабинетах и лабораторных помещениях основного учебного Корпуса.

В 1908 году контр-адмирал С. А. Воеводский был назна-

чен заместителем Морского министра, а в начале 1909 года он занял пост Морского министра.

7 июля 1908 года новым директором Морского корпуса стал капитан I ранга Александр Иванович Русин *(выпускник Морского училища в 1878 г.)*, исполнявший до этого обязанности заместителя начальника Главного морского штаба.

При А. И. Русине Высочайшим волеизъявлением Морской корпус был признан «Старой Гвардией», в результате чего ему передали все старые корпусные знамена, ранее хранившиеся в Морском музее.

В 1910 г. из состава Морского корпуса была выведена Николаевская морская академия, которая стала самостоятельным образовательным и научным учреждением. Была введена отдельная должность начальника Николаевской морской академии в ранге вице-адмирала с непосредственным его подчинением непосредственно Морскому министру. В 1910 г. императором Николаем II были утверждены новые Устав и Положение о Морской академии. В первой статье Положения записано: «Николаевская морская академия принадлежит к разряду высших учебных заведений и имеет своим предназначением дать обучающимся в ней офицерам высшее военно-морское образование и высшее специальное техническое образование, соответствующее современным требованиям военно-морской службы». По этому положению, Академия включала четыре отдела: Военно-морской, Гидрографический, Механический и Кораблестроительный.

В 1912 году Морской министр утвердил новые, значительно расширенные штаты Морского корпуса.

В феврале 1912 года Николай II посетил Морской корпус и остался доволен увиденным. После посещения Корпуса император произвел А. И. Русина в вице-адмиралы, а спустя год он назначил его начальником Главного Морского штаба. По мнению выпускников Морского корпуса, их отношение к адмиралу А. И. Русину «было всегда и неизменно хорошее, как и его отношение к ним».

Преемником А. И. Русина на посту директора Морского корпуса стал капитан I ранга Виктор Андреевич Карцов с оставлением в должности командира учебного крейсера «Аврора». В. А. Карцев оставался в должности директора во время всего периода Первой мировой войны, вплоть до трагических дней крушения Российской империи. По существу, он стал последним директором «царского периода Гнезда Петрова» в Петрограде.

Как и в прежние годы, конкурсные экзамены перед Первой мировой войной проходили торжественно. В огромном Столовом зале *(одном из наибольших залов Санкт-Петербурга, потолок которого был подвешен на металлических цепях)* с бронзовым памятником Петру I, украшенным боевыми знаменами, расставляли 150 небольших столиков. Первым кандидаты сдавали письменный экзамен по алгебре. Каждый получал пронумерованный конверт с заданием и информировался о времени, отпущенном на его выполне-

ние. В это же время в Картинной галерее — широком коридоре второго этажа, идущем из Столового зала параллельно 12-й линии Васильевского острова, ожидали своих отпрысков родители и репетиторы. Письменный экзамен по русскому языку проводился уже по группам в зале третьего этажа, занимаемого 6-й кадетской ротой. Писали изложение рассказа К. М. Станюковича, выпускника Морского корпуса. И так в течение нескольких дней юные абитуриенты должны были последовательно сдать около 10 вступительных экзаменов. В 1913 году из 300 мальчиков, прошедших строгий медицинский отбор и допущенных к экзаменам, в Морской корпус приняли лишь 60 человек, при этом из них основная масса была потомками известных морских династий, прославивших Российский военный флот.

В результате целого ряда преобразований, проведенных в период руководства Корпусом В. А. Карцевым, качество подготовки будущих офицеров было признано достаточно высоким. Многие выпускники во время Первой мировой войны проявили себя тактически грамотными и решительными командирами. Однако учебное заведение тем не менее не решало проблему недокомплекта офицеров на кораблях флота. Директор Корпуса принял решение готовить и выпускать мичманов не в шесть лет, как это было раньше, а в пять. При этом основные учебные предметы и программы были полностью сохранены. Пришлось пожертвовать уроками танцев и частично гимнастики, хотя он ввел обязательные уроки

по плаванию в первом в России закрытом бассейне Корпуса *(длина всего 17,5 м; в нем довелось тренироваться и автору в 1976—1981 гг.).*

Весной 1914 года корабельные гардемарины Корпуса, расписанные по броненосным кораблям «Император Павел I», «Андрей Первозванный», «Цесаревич» и «Слава», крейсерам «Рюрик», «Адмирал Макаров», «Паллада» и «Баян», были радиограммами срочно вызваны в Санкт-Петербург. 16 июля, когда все собрались в Корпусе, их привезли в Петергоф, где, как пишет один из гардемаринов: «С теплыми и сердечными словами обратился к нам Государь, с невыразимой скорбью говоря о надвигающихся на мир событиях. Он поздравил нас с досрочным производством в мичманы. Каждого из нас представлял Государю наш директор и каждому император лично вручил погоны».

Видимо, императору своевременно доложили о неотвратимости начала войны, так как уже через три дня после вручения погон гардемаринам, в 2 часа ночи 20 июля 1914 года Германия объявила России войну. На следующий день был объявлен Высочайший манифест, в нем говорилось, что «… Россия вынуждена принять меры, чтобы оградить честь и достоинство государства и сохранить его положение среди великих держав…». После этого столицу России патриотично переименовали в Петроград.

3 августа 1914 года директор корпуса В. А. Карцов производится в контр-адмиралы.

С 8 октября 1914 г. гардемаринами стали называть воспитанников всех классов Морского корпуса, но в быту сохранялось деление на гардемаринов специальных классов и кадет.

6 ноября 1914 года Николай II лично принимал в стенах Морского корпуса парад и назначил его шефом своего 9-летнего наследника цесаревича Алексея. В результате этого шефства белые погоны воспитанников украсились царскими вензелями, а корпус с этого дня стал именоваться Морским его императорского высочества наследника цесаревича корпусом. На головных уборах воспитанников появилась золотая надпись: «Мор. Е. И. В. Н. Ц. Корпус», на белых погонах кадетов появились золотые накладные вензели в виде славянской буквы «А» с короной наверху, а у гардемаринов вензель был скомбинирован с золотым якорем. Тогда же император лично произвел в офицеры (мичманы) 188 корабельных гардемаринов.

В 1914 г. в Морском корпусе обучалось 756 кадетов и гардемаринов.

30 июля 1915 года, в день рождения цесаревича Алексея, воспитанников старшей гардемаринской роты произвели в мичманы. Традиционные летние плавания кораблей Учебного отряда корпуса из-за военных действий в Балтийском море отменили. 5-ю роту воспитанников разместили в летних лагерях на побережье Финского залива, вблизи Петергофа. Они занимались шлюпочными учениями, хождением на

веслах, под парусами и такелажными работами. 2-ю гардемаринскую роту для прохождения корабельной практики отправили специальным поездом по железной дороге во Владивосток в Сибирский полуэкипаж.

При поступлении в Морской корпус, несмотря на сделанные послабления для других сословий, все равно в основном попадали дети морских офицеров, по преимуществу дворян. Так, из принятых в Корпус в 1910—1915 гг. 1 128 человек потомственных дворян было 1 033, а детей личных дворян — 17.

Выпуск последних корабельных гардемаринов Морского корпуса состоялся в 1916 году в зале Морского министерства. После оглашения приказа Морской министр зачитал письмо императора, в котором Николай II высказывал свое огорчение невозможностью покинуть ставку на фронте и лично поздравить выпускников.

Морское училище (1916—1917)

В связи с тем, что в 1916 г. в Севастополе открылся Морской кадетский корпус, петроградский Морской корпус назвали Морским училищем. На ленточках вместо «Мор. Е. И. В. Н. Ц. Корпус» теперь было написано: «Морское Е. И. В. Н. Ц. Училище».

В столице в 1916 году началось активное революционное брожение, сведения о котором, естественно, доходили и до руководства Морского корпуса.

Летом 1916 года был произведен последний прием кадетов в 5-й класс Морского училища.

Сложившуюся революционную ситуацию на флоте, в столице и Гельсингфорсе (Хельсинки), а также среди воспитанников Морского училища хорошо описал бывший гардемарин Училища 1916 года Леонид Соболев в своей книге «Капитальный ремонт» (1932).

23 февраля 1917 года, в пятницу, директор Училища В. А. Карцов первым официально узнал о происходивших в городе беспорядках.

В 10 часов 28 февраля 1917 года огромная толпа народа и вооруженных солдат запасного лейб-гвардии Финляндского полка стала стучать и ломиться в парадные двери Морского училища, требуя выдачи им пулеметов и боеприпасов. Вышедшего к ним директора Училища, сказавшего, что пуле-

метов в здании нет, ударили прикладом по голове и увезли в Государственную думу, после чего ворвались в Училище и разграбили арсенал с винтовками.

2 марта 1917 года император Николай II отрекся от престола. Оставшееся после ареста вице-адмирала В. А. Карцова корпусное руководство приняло решение о роспуске воспитанников по домам до особого распоряжения.

С момента образования Временного правительства во главе Морского министерства встал член Государственного совета по выборам, член III Государственной Думы, сын купца 1-й гильдии, выпускник историко-филологического факультета Московского университета и прапорщик запаса армейской пехоты Александр Иванович Гучков. Первым его шагом в Морском министерстве стала замена лиц, стоявших во главе его, более свежими и непричастными к делам прежнего порядка людьми. Своим помощником он назначил молодого контр-адмирала М. А. Кедрова, участника обеих войн и обороны Порт-Артура, которому стали подчинены все центральные учреждения Морского ведомства, за исключением Морского Генерального штаба, находившегося в непосредственном подчинении А. И. Гучкова.

Начальником Главного Морского штаба А. И. Гучков назначил сына погибшего в Цусимском сражении командира крейсера «Аврора», 33-летнего капитана I ранга В. Е. Егорьева, которому подчинил все учебные военно-морские заведения, в том числе и Морское училище.

По мнению В. Е. Егорьева, Морское училище должно было быть отнесено к разряду высших учебных заведений с трехгодичным курсом специальных классов, но переведенных на время войны на двухгодичный срок обучения. Общеобразовательные классы Морского училища, временно оставленные при учебном заведении, подлежали по его распоряжению постепенному упразднению.

Директора Морского училища вице-адмирала В. А. Карцова в апреле 1917 года освободили из тюрьмы и распоряжением Временного правительства уволили в отставку. Исполняющий обязанности начальника Училища генерал-лейтенант флота А. М. Бригер, пытаясь предотвратить расформирование и закрытие учебного заведения, вынужден был согласиться выполнить все требования начальника Главного Морского штаба. В. Е. Егорьев требовал обновить весь штат преподавателей и офицеров-воспитателей, а также учебные программы и идеологию системы подготовки командных кадров для нового флота. По распоряжению В. Е. Егорьева директор Училища В. А. Бригер обратился к родителям всех воспитанников с циркулярным письмом, в котором родственникам сообщалось о коренном изменении в идеологии воспитания кадетов и гардемаринов. Родителям, не согласным с нововведениями в учебном процессе, предлагалось взять своих сыновей из Училища. Однако большинство родителей и воспитанников полагали, что это временные условия, поэтому после вынужденного месячного отпуска боль-

шая часть воспитанников 2 апреля 1917 года возвратилась в Морское училище. Разойдясь по ротным помещениям, они обнаружили, что их конторки и рундуки оказались разграбленными. Оставленные в феврале личные вещи, часы и фотографии пропали…

После Октябрьского вооруженного восстания 1917 года, решением Комиссии Управления морских учебных заведений всех офицеров, преподавателей, гардемаринов и кадетов отчислили из Морского училища. В его стенах временно остались лишь директор учебного заведения и технический персонал «для сбережения здания, материальной части и имущества». Только роту старших гардемаринов перевели в учебное заведение: Отдельные гардемаринские классы, созданные приказом по Морскому ведомству №267 от 16 августа 1914 г. на основе Временных куров юнкеров флота в Галерной гавани. Воспитанников Отдельных гардемаринских классов называли «черными» гардемаринами в отличие от «белых» Морского корпуса *(за черный цвет погон с желтыми якорями).*

В 1917—1918 учебном году в Училище находились два гардемаринских класса (набора 1912 и 1913 гг.) и два кадетских — 4-я и 5-я роты (набора 1915 и 1916 гг.). Всего насчитывалось около 450 воспитанников.

7 марта (по новому стилю) 1918 года с большим трудом удалось произвести последний выпуск гардемаринов из Морского училища, но офицерских званий выпускники не

получили, так как им не удалось пройти выпускного плавания.

8 марта 1918 года приказом Л. Троцкого Морское училище прекратило свое существование.

Отдельные гардемаринские классы во Владивостоке (1917—1918)

В середине июня 1917 года положение на фронтах Первой мировой войны вынудило администрацию Отдельных гардемаринских классов провести учебное плавание сводной роты гардемаринов, в состав которой вошли остатки Морского корпуса, не на Балтике, а на Дальнем Востоке. Руководителем морской практики назначили капитана I ранга М. А. Китицына, подводника Черноморского флота, офицера с героическим военным прошлым, награжденного за храбрость золотым оружием и Георгиевским крестом.

12 ноября 1917 года в учебное плавание из Владивостока ушли 280 гардемаринов, 20 офицеров и 300 матросов. Учебный отряд судов состоял из вспомогательного крейсера «Орел» и двух миноносцев — «Бойкий» и «Грозный». В отряде существовал свой Ревком (революционный комитет), фактически командовавший походом.

Известие об Октябрьском перевороте в Петрограде капитан I ранга М. А. Китицын получил в порту Гонконга. Среди матросов начались беспорядки и активная подготовка к захвату учебных судов. Офицеров практически отстранили от командования. Матросами исполнялись только приказы Су-

дового комитета, на чью сторону перешли гардемарины Петр Гуркало, Федор Дажин и Иван Кожанов.

Тем временем в Петрограде постановлением Верховной морской коллегии *(органом управления флота, созданным после прихода к власти большевиков)* от 28 ноября 1917 г. учебное заведение Отдельные гардемаринские классы было упразднено. *Выпуск оставшихся гардемаринов, не убывших на практику во Владивосток, состоялся 20 февраля 1918 г. без производства в офицеры, в результате чего большинство гардемаринов ушло в отставку.*

В это время в Гонконге, узнав о готовящемся восстании матросов на кораблях Учебного отряда, М. А. Китицын по радио доложил об этом русскому послу в Лондоне через военно-морского агента в Японии контр-адмирала Б. П. Дудорова и получил разрешение первому принять меры по его предотвращению.

Утром 25 января 1918 года корабли Учебного отряда были блокированы английскими крейсерами. На крейсер «Орел» прибыл русский консул В. Эйтинген. Посты у арсенала, складов и ружейных пирамид заняли 40 вооруженных гардемаринов, не подчинявшихся Ревкому. Команду построили на верхней палубе, и консул зачитал бумагу, по которой все революционные нововведения отменялись. Не желавшим подчиняться данному решению предложили вернуться во Владивосток на английском вспомогательном крейсере. Председатель судового комитета вынужден был сдать ко-

мандиру крейсера ключи от артпогребов и складских помещений с оружием. К вечеру этого же дня на трех кораблях Учебного отряда из личного состава нижних чинов остался только один матрос.

Тем не менее Учебный отряд со сводной ротой гардемаринов благополучно вернулся во Владивосток.

Морское училище во Владивостоке и переход в Бизерту (1918—1920)

3 ноября 1918 года вышло распоряжение прибывшего в Сибирь адмирала А. В. Колчака о направлении во Владивосток всех имеемых в наличии гардемаринов Морского корпуса, Отдельных гардемаринских классов, юнкеров флота и Морского инженерного училища. В городе, в помещении Шефнеровских казарм, в расположении Школы морских специалистов, было открыто Морское училище, его начальником назначили капитана I ранга М. А. Китицына.

В ноябре 1918 года во Владивосток стали стекаться гардемарины. Из Сайгона прибыла группа, состоявшая из 5 офицеров и 45 гардемаринов. Свыше 100 человек прибыло из Харбина, из них отчислили 20 человек, 10 человек ушли по собственному желанию. В результате тщательного отбора в Училище в совокупности осталось 129 человек. Но уже 2 декабря многих списали в Морскую роту и отправили воевать: одних к атаману Г. М. Семенову, а других на создаваемую Камскую речную флотилию под начальство старшего лейтенанта В. С. Макарова (сын адмирала С. О. Макарова) и мичмана Г. А. Мейрера, выпускника Морского корпуса 1917 г. Часть (среди них 26 гардемаринов Морского корпуса) направили в создаваемую сухопутную школу Нокса на Русском острове, в бывшие казармы 35-го Сибирского стрелкового

полка. Перед началом занятий после проведенных чисток в Училище осталось 129 гардемаринов.

Приказом командующего Сибирской флотилией от 16 декабря 1918 г. был объявлен временный штат Морского училища. Количество гардемаринов устанавливалось в 150 человек. В учебу принимались «молодые люди всех сословий и вероисповеданий, окончившие одно из средних учебных заведений и имеющие не менее 17 и не более 21 года от роду». В училище было два отделения: строевое и механическое. Обучение предполагалось трехлетнее, с присвоением по окончании звания мичмана

Распоряжением адмирала А. В. Колчака во Владивостоке был также сформирован Специальный учебный отряд кораблей Морского училища. В его состав входили канонерская лодка «Манджур», миноносец «Смелый», посыльное судно «Якут» и два ледокола — «Улисс» и «Диомид». В декабре того же года (1918) во Владивосток вернулись из-за границы миноносцы «Бойкий» и «Грозный», а также вспомогательный крейсер «Орел», которые сразу же были включены в состав судов Учебного отряда.

На первых порах в Морском училище занимались по конспектам, так как учебников не было. Позднее в Шанхае удалось наладить печатание некоторых учебников и таблиц логарифмов. Практические занятия проводились в богато оборудованных портовых мастерских.

Младшую роту Училища летом 1919 года отправили на

практические занятия на канонерской лодке «Манджур». Гардемарины старшей роты в начале лета 1919 г. после экзамена были произведены в старшие гардемарины и ушли в плавание на север на судах Учебного отряда. На посыльном судне «Якут» (командир старший лейтенант Корнеев, штурман лейтенант Рыбин) находились 45 человек, на ледоколе «Улисс» (командир старший лейтенант Винокуров, штурман лейтенант Цветков) и «Диомиде» (командир лейтенант Иванов, штурман мичман Троян) — по 35 человек, и 3 человека на шхуне «Тюлень», всего 118 человек.

В 1919—1920 учебном году был расширен штат Училища — образована 3-я рота. Набор состоял из кадетов сухопутных корпусов и нескольких кадетов Морского корпуса, находившихся в Сибири. Были приняты 25 чехов в качестве автономного отделения 2-й роты, в большинстве своем бывшие студенты, пожелавшие изучить морское дело для будущего отечественного флота.

Однако к середине января 1920 года революционная обстановка во Владивостоке значительно осложнилась. Ввиду создавшегося критического положения командование приняло оперативное решение — эвакуировать весь личный состав и воспитанников Морского училища из Владивостока на кораблях Учебного отряда в Севастополь. Командующий морскими силами контр-адмирал М. А. Беренс приказал начальнику учебного заведения капитану I ранга М. А. Китицину сформировать также Отряд судов особого назначения

из всех способных двигаться кораблей Сибирской флотилии. На кораблях созданного Отряда разместили около 500 морских офицеров Сибирской флотилии и членов их семей.

Однако союзники (США, Франция и Великобритания) противились уходу отряда гардемаринов из Владивостока. Американцы высказывались по этому поводу без дипломатических церемоний, заявляя, что откроют орудийный огонь, если русские суда станут уходить. Только смелое личное вмешательство в спор союзников японского флагмана вице-адмирала Кавахары позволило, наконец, адмиралу Беренсу решиться на эвакуацию воспитанников Морского училища из Владивостока. Город к этому времени практически находился под контролем большевистски настроенных матросов, солдат и рабочих.

В ночь с 30 на 31 января 1920 года контр-адмирал М. А. Беренс наконец-то прибыл на крейсер «Орел» и отдал приказ: «Сняться с якоря!» В 5 часов утра ледокол «Байкал», ломая прибрежный лед, начал медленно выводить корабли Отряда из бухты Золотой Рог. В этот момент американский крейсер «Бруклин» вместо традиционного прощального салюта вдруг демонстративно навел на корабли Отряда свои прожектора и орудия главного калибра, потребовав застопорить ход. Однако в ответ на это на японском броненосце «Миказа» была сыграна боевая тревога, и мощные орудия, в свою очередь, были наведены на крейсер «Бруклин». Воспользовавшись возникшей паузой, Отряд судов, увели-

чив ход, прошел мимо противодействовавших в этом конфликте кораблей союзников в открытое ото льда море. Ледокол «Байкал», пожелав судам Отряда счастливого плавания, вернулся во Владивосток.

На уходивших кораблях имелся запас свежей провизии, довольно много продовольствия (консервов) и приличное количество пресной питьевой воды и угля. Начальнику Морского училища М. А. Китицыну удалось обменять денежный запас учебного заведения на валюту, к ней прибавилась сумма в 10 000 иен — личный подарок японских морских офицеров с броненосца «Миказа».

По прибытии в японский порт Цуругу с кораблей Отряда сошли на берег вывезенные из города офицеры Сибирской флотилии, члены их семей, некоторые офицеры Морского училища и контр-адмирал М. А. Беренс. На берегу они были дружески приняты местными властями, получили необходимую материальную помощь и возможность выезда в различные государства на кораблях пассажирских линий.

Капитан I ранга М. А. Китицын, приняв от адмирала М. А. Беренса командование Отрядом, решил продолжить плавание в Севастополь, в котором, по сведениям японцев, Белая Добровольческая армия успешно развивала наступление в Крыму. Корабли и суда Отряда вскоре вышли в плавание по маршруту Моджи — Гонконг — Сингапур. В Сингапуре отряд Морского училища простоял около месяца (с 8 апреля по 5 мая 1920 года). За это время корабли были введе-

ны в местный док для профилактического осмотра и некоторых ремонтных работ. Пятинедельная стоянка судов отряда на рейде Сингапура использовалась руководством Морского училища для продолжения занятий с гардемаринами по совершенствованию теории и практики морского дела. В Сингапуре 1-я рота гардемаринов завершила сдачу выпускных экзаменов, начатых еще в походе.

11 апреля 1920 года, в день Святой Пасхи, 116 старших гардемаринов Училища были торжественно произведены в корабельные гардемарины, затем дополнительно было выпущено еще 15. В выпуске были и 25 чехов. Они несли службу наравне с русскими гардемаринами и после экзаменов, получив дипломы, сошли в Сингапуре на берег.

В Египте, в Порт-Саиде, Учебный отряд судов Морского училища задержался на довольно продолжительное время из-за претензий к командиру Отряда со стороны агента Добровольного флота, в категорической форме потребовавшего вернуть оба судна (раньше, до мобилизации, они являлись торговыми пароходами). Возмутившийся М. А. Китицын направил радиограмму в Штаб Добровольного флота о несогласии. Однако в ответ получил ультимативный приказ сдать все суда, сойти экипажам на берег и далее следовать в Севастополь.

Английский командор отказал М. А. Китицыну в просьбе обеспечить корабли углем, провизией и питьевой пресной водой. Мало того, он категорически запретил им выход за

пределы акватории Порт-Саида. Взбешенный наглостью союзных военных чиновников, капитан I ранга М. А. Китицын вынужден был явиться на прием к английскому комиссару в Египте и в ультимативной форме заявить ему, что если через 36 часов на русские корабли не поставят уголь, провизию и воду и не будет дано официальное разрешение на выход кораблей и судов в море, то он прикажет команде затопить военные корабли поперек Суэцкого канала и таким образом на долгое время перекроет по нему всякое регулярное судоходство.

Ответ англичан на ультиматум последовал незамедлительно. Ровно через 2 часа на кораблях началась погрузка угля, провизии и закачка в судовые цистерны пресной воды. Капитану I ранга М. А. Китицыну принесли «искренние» извинения и сожаления в связи с бюрократическими проволочками в его деле. Получив все необходимое, Отряд русских военных кораблей и судов продолжил свое плавание.

12 августа 1920 года крейсер «Орел» и транспорт «Якут» вошли в Адриатическое море и встали на якорь в бухте югославского курортного города Дубровник.

Связавшись по телефону со Штабом флота в Севастополе, капитан I ранга М. А. Китицын доложил о прибытии Отряда. Однако начальник штаба, одобрив решительные действия командира, посчитал все же необходимым возвратить Добровольному флоту крейсер «Орел», мобилизованный в начале Первой мировой войны, для получения денежной

компенсации за доставку корабля в полной сохранности и пригодности к дальнейшей эксплуатации. Полученные затем от Правления Добровольного флота денежные средства были израсходованы на погашение долга всем чинам Отряда, несколько месяцев не получавшим положенного им денежного содержания. Посыльному судну «Якут» было предписано следовать в Севастополь с обязательным заходом в Константинополь для погрузки на его борт военного снаряжения, предназначенного для Севастопольского гарнизона.

Югославский король Александр Сербский, организовавший в стране свое Морское училище, убедил нескольких российских морских офицеров и корабельных гардемаринов остаться поработать в Югославии в качестве преподавателей и воспитателей кадетов данного военно-морского учебного заведения. В Дубровнике 76 корабельных гардемаринов сошли на берег.

В результате 12 октября 1920 года в Севастополь судно «Якут» ушло со значительно поредевшим экипажем. На нем под командованием капитана I ранга М. А. Китицына ушли к родным берегам 49 корабельных гардемаринов, 47 гардемаринов 2-й роты и 15 гардемаринов 3-й роты. Офицеры, корабельные гардемарины и гардемарины Морского училища Владивостока, «отставшие» по разным причинам от кораблей Учебного отряда в различных портах, вначале числились в отпуске, а затем, после окончания Гражданской войны в России, получили статус политических беженцев и рассея-

лись по всему миру.

К сожалению, судно «Якут» с гардемаринами и кадетами на борту прибыло в Севастополь в ноябре 1920 года — в период разгрома войск Врангеля. Вице-адмирал М. А. Кедров, исполняющий обязанности командующего Черноморского флота, 10 ноября получил приказ Главкома Русской армии: «Срочно готовить все исправные корабли военного флота и суда торгового пароходства для ухода из Крыма». Общее число уходивших судов составляло около 160 единиц. В их число сразу же включили и пришедшее из Константинополя учебное судно «Якут» с командой корабельных гардемаринов и гардемаринов Владивостокского Морского училища. 14 ноября с Графской пристани на мятежном крейсере «Очаков», переименованном в «Генерала Корнилова», уходил из Севастополя Главнокомандующий Русской армии генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель. В его воззвании к войскам говорилось: «Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании исполненного долга…»

В ночь на 31 октября 1920 года вышли в море по направлению к Константинополю, а затем к Бизерте (французский Тунис) крейсер «Алмаз» с командой гардемаринов Севастопольского Морского корпуса и посыльное судно «Якут» с воспитанниками Владивостокского Морского училища. «Якут» принял дополнительно на борт 150 беженцев и 70 юнкеров Константиновского училища. Главнокоманду-

ющий Русской армии П. Н. Врангель произвел 49 корабельных гардемаринов из Владивостока в мичманы прямо в Черном море, при подходе кораблей к Константинополю.

27 декабря 1920 года с русской эскадрой на французскую военно-морскую базу Бизерта прибыл весь личный состав Севастопольского Морского кадетского корпуса, воспитанники Владивостокского Морского училища и служившие в морских частях Добровольческой армии Юга России кадеты и гардемарины Петроградского Морского корпуса *(17 офицеров-экстернов, 235 гардемаринов, 110 кадетов, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 членов семей офицеров)*.

Морской кадетский корпус в Бизерте (1920—1925)

В Бизерете было решено организовать Морской кадетский корпус из состава прибывших 345 кадетов и гардемаринов Петроградского, Владивостокского и Севастопольского Морских корпусов. Контр-адмирал Н. Н. Машуков провел переговоры с морским префектом Туниса адмиралом Варнеем и просил его оказать содействие в размещении на берегу Морского кадетского корпуса. Российские офицеры остановили свой выбор на двух военных объектах: воспитанников Морского корпуса разместили в помещениях форта Джебель-Кебир, а руководство, офицеров, педагогический персонал и склады — в казармах военного лагеря Сфаят, находящегося на расстоянии 1 км от форта.

С учетом степени подготовки и уровня полученных ранее знаний в разных учебных заведениях России гардемарины распределились по разным ротам. По настоянию бывшего директора Владивостокского Морского училища капитана I ранга М. А. Китицына 36 гардемаринов этого учебного заведения, вернувшихся из сложного дальнего океанского плавания (Владивосток — Севастополь), зачислили в 1-ю роту. Из ее состава назначили корпусных фельдфебелей и унтер-офицеров в кадетские роты. Ротным командиром стал старший лейтенант Брискорн, совмещавший эту должность

с обязанностями заместителя начальника Корпуса по строевой части. Севастопольская рота гардемаринов и младшие гардемарины Морского училища Владивостока, общей численностью 110 человек, стали считаться 2-й ротой. 2-я кадетская рота в количестве 90 человек состояла из воспитанников Севастопольского Морского кадетского корпуса и воспитанников сухопутных кадетских корпусов, ушедших из города на кораблях эскадры. Из детей офицеров эскадры и сирот были составлены 6-я и 7-я младшие роты.

Еще в Константинополе директором Морского корпуса был назначен вице-адмирал Александр Михайлович Герасимов. В Бизерте А. М. Герасимов провел реорганизацию Морского корпуса и реформировал учебные программы таким образом, чтобы без ущерба качеству общеобразовательной и профессиональной подготовки выпускать специалистов в более короткий срок. Начальником строевой части Корпуса был назначен капитан 1 ранга М. А. Китицын.

По инициативе капитана I ранга М. А. Китицына в Сфаяте организовали мастерскую по производству ученических тетрадей, бумагу для которых прислал из Парижа М. М. Федоров, выхлопотав необходимые ассигнования на ее покупку у Союза земств и городов.

Энергичными действиями инспектора классов капитана I ранга Александрова и его помощников лейтенантов Куфтина и Насонова в помещениях старого форта были обустроены специальные тематические учебные кабинеты и клас-

сы, оснащенные оборудованием и мебелью, переданными в Морской корпус с кораблей Русской эскадры.

Учебники и пособия в Корпусе отсутствовали, поэтому всем преподавателям пришлось в срочном порядке письменно подготовить необходимые пособия и руководства по основным предметам, предусмотренным программой офицеров флота. Учебники отпечатали в корпусной литографии, оборудованной в одной из казарм лагеря Сфаят. В ней же под редакцией капитана 2-го ранга Н. А. Монастырева стали периодически публиковать номера журнала «Морской сборник».

В летние дни из-за сильной жары администрация Корпуса обычно сокращала количество учебных часов с 8 до 3-х.

В Бизерте уборка корпусных помещений, стирка белья, заготовка и чистка овощей являлись непосредственной обязанностью кадетов и гардемаринов ввиду отсутствия обслуживающего персонала.

Подтверждением того, что вновь созданный Морской корпус стал правопреемником Петроградского Морского корпуса, было традиционное отмечание Корпусного праздника 6 ноября. Вот как описывал один из первых на чужбине корпусных праздников настоятель церкви Морского корпуса в Бизерте отец Георгий Спасский: «Какой блеск раньше — первый в сезоне бал всей столицы. А теперь форт, вместо горящего огнями огромного зала — ров и сверху моросит дождик. Но настроение у всех приподнятое… Гостей

очень много во главе с командующим контр-адмиралом Беренсом… Выходит командующий и принимает парад. Церемониальный марш. Под бодрящие звуки оркестра плывут мимо стройные ряды, первая, вторая рота… и в конце седьмая — дети без ружей. К горлу подступает комок… Обед во рву крепости на 600 человек. Традиционный гусь. Тосты. Громовое „ура!“ за любимого адмирала Кедрова. Он — защита и опора Корпуса в парижских сферах…»

Об учебе в Морском корпусе того времени можно судить по дошедшему до нас тексту письма гардемарина 3-й роты Давица, опубликованному в журнале «Годы»: «Мы страшно заняты и работаем положительно круглые сутки. Лекции 8 часов, рабочий труд самый правильный, масса нарядов по хозяйству, по службе, по роте… По вторникам и четвергам репетиции. Забываешь наше изгнание, вечно идет энергичная, кипучая работа. Сыт, одет, о завтрашнем дне не думаю, а учусь… Мы проходим очень хороший курс учения, подбор преподавателей великолепный, и мне так нравится этот русский кипучий муравейник с заветами старины, с традициями, с крепким военно-морским духом…»

Летом 1921 года состоялся первый выпуск Морского корпуса в Бизерте. После сдачи экзаменов 17 офицеров-экстернов бывшей сводной роты получили аттестаты об окончании полного курса Морского корпуса.

Морской кадетский корпус в Бизерте сделал 5 выпусков офицеров флота, служивших затем во Франции, Австралии

и на кораблях других держав. Благодаря энергичным хлопотам директора Морского кадетского корпуса вице-адмирала А. М. Герасимова дипломы, выдаваемые его выпускникам, официально приравняли к европейским документам о специальном морском образовании. Все постепенно налаживалось и стабилизировалось.

Однако в середине 1922 года французские власти внезапно распорядились сократить личный состав Русской эскадры и в течение второй половины года приступить к ликвидации гардемаринской роты в Корпусе. Офицерский и преподавательский состав стал после этого постепенно сокращаться. Корпус покинули энергичные и способные педагоги — инспектор классов капитан I ранга Александров, начальник строевой части капитан I ранга Китицын и многие другие. С этого периода в учебном заведении начались вынужденные и довольно частые перемещения должностных лиц, офицеров воспитателей и преподавателей, что, конечно, не способствовало налаживанию дисциплины и повышению качества преподавания. Тем не менее Правительство Франции дополнительно выделило для русских воспитанников Корпуса некоторое число мест в своем высшем Морском училище в Бресте.

После неоднократных унизительных просьб и ходатайств представителей русской стороны официальные лица Франции все же согласились в конце декабря 1922 года предоставить возможность кадетам Морского корпуса закончить в

Бизерте среднее образование, но при условии обязательного переименования Морского кадетского корпуса. Администрация учебного заведения согласилась на это требование.

1 января 1923 года Морской кадетский корпус был официально переименован в «Орфелинат» («Сиротский дом»).

17 июня 1923 года успешно сдали экзамены, получили аттестаты о среднем образовании и были произведены в гардемарины 33 кадета 4-й роты.

В начале октября 1924 года закончила обучение и произведена в гардемарины следующая кадетская рота, численностью 58 человек.

Оставшиеся две последние кадетские роты, к этому времени значительно поредевшие, перешли из помещений старого форта в бараки бывшего военного лагеря Сфаят. Последние кадеты Морского корпуса старой России стали очевидцами унизительной и позорной сцены спуска с гафелей кораблей Русской эскадры святых для всех моряков Андреевских флагов.

1 мая 1925 года, сочувствуя администрации и воспитанникам переименованного Морского корпуса, французский адмирал Эксельманс «на свой страх и риск» разрешил двум оставшимся ротам кадетов завершить учебный год. Последним выпускникам, произведенным в гардемарины, торжественно вручили аттестаты о законченном среднем образовании.

6 мая 1925 года для личного состава и выпускников рас-

формированного Морского кадетского корпуса на построении в лагере Сфаят прозвучала заключительная команда директора: «Разойтись!»

Всех выпускников вывезли из Туниса в Европу и распределили по родственникам, опекунам, знакомым и русским семьям. Воспитанникам сшили штатские костюмы из французского казенного сукна, выдали паспорта на свободный въезд во Францию до Марселя, бесплатные билеты на пароход и по 200 франков из казны Корпуса. Каждого кадета при отъезде из Корпуса снабдили двумя сменами платья.

В последнем приказе по Морскому кадетскому корпусу №51 от 25 мая 1925 года вице-адмирал Герасимов отмечал: «…25 мая 1925 года считаю днем окончательной ликвидации Морского корпуса, просуществовавшего в Бизерте четыре с половиной года. За этот период из него было выпущено 300 юношей, часть которых удалось устроить в Высшие учебные заведения Чехословакии, Франции и Бельгии…».

Так закончилась трагическая страница истории российского Морского кадетского корпуса в эмиграции.

Тем не менее в советской России на базе Морского училища в Петрограде в 1918 году была возобновлена подготовка офицеров для Рабоче-крестьянского Красного флота.

Курсы командного состава флота в Петрограде (1918—1919)

15 сентября 1918 года приказом по флоту и Морскому ведомству в Петрограде в помещениях бывшего Морского училища были организованы ускоренные 4-месячные Курсы командного состава флота.

Курсы предназначались, «чтобы готовить специалистов-техников, способных заменить на кораблях бывших судовых специальных офицеров». Первых слушателей собрали на бывшем учебном судне Морского корпуса «Петр Великий», переименованном в «Республиканец».

Обучающиеся на курсах должны были именоваться учащимися курсов или курсистами. В жизни же за ними сразу закрепилось звание «курсант», дожившее до настоящих дней.

В первых числах октября 1918 г., после подготовки помещений, слушателей перевели в здание бывшего Морского училища, а корабль был сдан в порт.

10 октября 1918 г. состоялось торжественное открытие Курсов подготовки командного состава флота. Учебу начали 338 (по штату 300) слушателей. В ноябре, в связи с наплывом, штат увеличили до 400, прибыло 518 — поступило 448. Из них 201 человек получали подготовку по специальностям, а 247 учились в общеобразовательных группах.

На 1 января 1919 года на Курсах осталось 326 слушателей.

Обучение шло на шести отделениях. Три из них: артиллерийское (В. А. Унковский), штурманское (П. Н. Вагнер) и минное (Р. Н. Фролов) — составляли Строевой отдел, а отделения: механическое, электротехническое и радиотелеграфное — составили Инженерный отдел.

Слушателям было разрешено жить на частных квартирах при их желании.

Значительное развитие получил подготовительный курс, возглавляемый начальником учебного отдела М. В. Никитиным (бывший преподаватель Морского корпуса, полковник по Адмиралтейству). Заведующим учебными пособиями на время стал преподаватель навигации Б. П. Хлюстин. Среди преподавателей Курсов также был А. В. Акимов, в будущем видный советский специалист в области создания паровых турбин.

Учебно-педагогической работой Курсов управлял Педагогический совет.

В соответствии с Положением о Курсах, органами их самоуправления являлись Курсовой совет и Общее собрание. В Курсовой совет входили начальник Курсов, 2 выборных члена от Педагогического совета и 2 — от учащихся, 1 человек избирался от всех служащих Курсов. Во главе Курсов стоял комиссар, назначаемый Главным комиссаром всех военно-учебных заведений. Он являлся руководителем политической и административной жизни курсов. Первым ко-

миссаром Курсов стал А. А. Костин.

Однако, не произведя ни единого выпуска, Курсы командного состава флота были преобразованы в Училище командного состава.

Училище командного состава (1919—1922)

Председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий на основании выводов комиссии под председательством начальника Морскими силами Республики (Начморси) Василия Михайловича Альтфатера *(выпускник Морского корпуса 1902 г., умер от сердечного приступа 20.04.1919)* приказал 16 марта 1919 г. ускоренные краткосрочные Курсы командного состава флота реорганизовать. Впервые в истории России двери высшего военно-морского учебного заведения открылись для матросов, выходцев из рабочих и крестьян. Однако было указано, что для слушателей Курсов необходимо устроить испытания и неспособных отчислить.

30 июня 1919 года, после возвращения слушателей с фронта, Курсы командного состава флота по приказу Начморси Евгения Андреевича Беренса *(выпускник Морского училища 1895 г.)* были реорганизованы в Училище командного состава на 320 слушателей, учебная программа которого должна была теперь составлять 3 года. Курсанты стали считаться слушателями Училища с июня 1919 года.

Однако занятия были возобновлены только 1 декабря 1919 г. Первым начальником училища стал Борис Борисович Жерве *(выпускник Морского училища 1898 г.)*, но в апреле 1920 г. он был уже назначен начальником Морской ака-

демии.

30 марта 1920 года в должность начальника Училища вступил бывший контр-адмирал, начальник Кронштадтской базы Н. И. Патон *(выпускник Морского училища 1889 г.)*.

8 июля 1920 года было утверждено «Положение о Училище командного состава». Согласно Положению, Училище должно было готовить военно-морских и технических специалистов, возраст поступающих из числа гражданской молодежи был установлен в 18 лет, а из числа военных моряков — до 26 лет.

В Училище были сформированы те же отделы, что и на Курсах подготовки командного состава флота. Военно-морской отдел включал в себя три отделения: штурманское, артиллерийское и минное, Технический отдел — механическое, электромеханическое и отделение радиотелеграфистов. Выпускник училища в должности младшего специалиста должен был уметь исполнять обязанности вахтенного начальника на ходу или стоять вахту каждый по своей специальности под наблюдением старшего специалиста.

Слушатели обучались в 32 учебных группах, которые были разбиты по годам обучения, названных курсами. Курсы составляли роты: подготовительный первый курс — 3-я рота, выпускная — 1-я рота.

В 1920 г. на первый курс было зачислено 244 человека, на двух специальных и подготовительном курсах обучалось 604 человека.

В 1921 г. на первый курс принят был 241 человек, а на специальных курсах обучались 374 человека.

В 1921 г. был произведен первый выпуск младших специалистов по шести специальностям.

С апреля по август 1922 года Училище возглавлял Вениамин-Петрович Римский-Корсаков *(выпускник Морского корпуса 1910 г., последний представитель старейшей морской династии офицеров флота России, «благодарно» расстрелянный советской властью в 1937 году…).* В его бытность было утверждено Положение о приеме в Училище, Перечень обязательных навыков и знаний его выпускников. При нем провели первый советский выпуск красных командиров флота.

С 9 сентября 1922 начальником Училища стал один из его преподавателей, бывший командир крейсера «Аврора», Евгений Францевич Винтер *(выпускник Морского корпуса 1910 г.).*

В 1922 г. из Училища были выделены Отделения общеобразовательного курса, а в сентябре выделен Технический отдел (212 курсантов) для создания отдельного Военно-морского инженерного училища. Все это создало предпосылки для формирования командного военно-морского училища как специального учебного заведения закрытого типа.

Военно-морское училище (1922—1926)

10 октября 1922 года Училище командного состава флота преобразовали в Военно-морское училище. Деление по специальностям упразднили, а училище стало готовить строевых офицеров: вахтенных начальников.

В преобразованном Военно-морском училище (ВМУ) осталось всего 390 слушателей. Из более 250 человек, призванных в 1919 г., окончило училище в 1923 г. только 32 человека.

30 октября 1922 года были утверждены «Положение о Военно-морском училище» и новый штат на 454 человека.

Согласно Положению, Военно-морское училище должно было воспитывать командира-единоначальника. На теоретическое обучение был отведен 41 месяц, а на практическое плавание на боевых кораблях — 13 месяцев (три 3-месячные учебные практики и летнее плавание после окончания теоретического курса сроком в 4 месяца).

В марте 1924 года, после внезапной смерти Е. Ф. Винтера, начальником Училища был назначен Николай Александрович Бологов *(выпускник Морского корпуса 1914 г.)*, командир линкора «Парижская коммуна», а комиссаром — Лазарь Моисеевич Шацкий *(расстрелян в 1937 г.)*. Начальником учебной части был назначен преподаватель Училища Борис

Павлович Хлюстин *(выпускник Морского корпуса 1904 г., будущий контр-адмирал и доктор наук)*, с 1912 года преподававший в Морском корпусе.

Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе (1926—1939)

31 октября 1925 года скончался после операции язвы желудка *(официальная версия)* председатель Реввоенсовета СССР и Нарком по военным и морским делам М. В. Фрунзе *(обратите внимание на некорректное название «военным и морским», как будто морские не являлись военными. Данная нелепость, к сожалению, была повторена и в 2012 году при очередном переименовании Училища)*, начавший в 1924 году масштабные реформы в Вооруженных силах по сокращению численности и реорганизации их штатной структуры.

2 ноября 1925 года на собрании слушателей Училища было решено ходатайствовать перед руководством страны о присвоении училищу имени М. В. Фрунзе, что и было сделано приказом №20 Реввоенсовета СССР от 7 января 1926 г.

1 мая 1926 года ВМУ им. М. В. Фрунзе перешло на новый штат, рассчитанный на 825 курсантов и 75 слушателей параллельных классов.

В августе 1926 года приказом Реввоенсовета СССР был введен 4-летний срок обучения в училищах с одногодичным подготовительным курсом.

Этим же приказом было расформировано Гидрографическое училище ВМФ, располагавшееся в здании Адмиралтейства, просуществовавшее 4 года и сделавшее 4 выпуска. Гид-

рографическое училище было преобразовано в Гидрографический отдел ВМУ им. М. В. Фрунзе, куда перешло 35 второкурсников. Уже в стенах ВМУ им. М. В. Фрунзе произошел пятый выпуск гидрографов в количестве 15 человек. Из этого выпуска наиболее известны имена вице-адмирала М. А. Воронцова, капитанов 1-го ранга В. В. Алексеева, О. А. Борщевского, А. А. Смирнова, А. И. Швейцарова-Швейцаренко, Д. В. Шинкова *(будущего начальника Северной гидрографической экспедиции, где много позже служил автор).*

В 1926 году без учета гидрографов было выпущено 110 человек, среди которых был будущий легендарный Нарком ВМФ адмирал флота Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов, будущий начальник этого же училища Семен Спиридонович Рамишвили и многие другие.

В Училище значительно повысилось качество учебной работы: были созданы новые лаборатории и кабинеты, вводились новые учебные планы, существенно изменялось содержание программ военно-морских дисциплин, были изданы новые учебники.

Летом 1927 году в Училище состоялся шестой выпуск — 109 командиров с основного и старшего специального курсов и 11 гидрографов.

В 1927 году прием курсантов на Гидрографический отдел Училища был прекращен и было принято решение готовить гидрографов на Специальных курсах командного состава флота после окончания ими ВМУ им. М. В. Фрунзе.

В 1928 г. осенью Училище отпраздновало свое 10-летие, подчеркнув свою преемственность от Курсов командного состава флота.

В наступившем учебном году были введены новые дисциплины: Электромеханические навигационные приборы, Военно-химическое дело (вместо общей химии), Проекционное черчение и Начертательная геометрия.

В 1928 г. из ВМУ им. М. В. Фрунзе были выпущены оставшиеся курсанты-гидрографы. Среди выпускников этого периода: контр-адмирал А. В. Солодунов, ставший начальником Гидрографической службы Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны, капитаны 1 ранга В. И. Алексеев, К. С. Галанин, В. Д. Куликов, Ю. В. Ладинский, С. М. Ламыкин, А. Я. Панов, много сделавшие для развития Гидрографической службы СССР.

В 1929 году в связи с переходом на 4-летний срок обучения в Училище выпуска не производилось.

21 октября 1930 года начальником и комиссаром Училища был назначен Алексей Николаевич Татаринов, достаточно быстро завоевавший заслуженный авторитет у курсантов и преподавателей. Уже со второго полугодия в Училище вновь началась раздельная подготовка курсантов по специальностям штурманской, артиллерийской и минно-торпедной.

Среди выпускников 1931 года: С. Г. Горшков, прошедший путь от курсанта до заместителя Министра обороны —

Главнокомандующего ВМФ СССР, а также будущий адмирал Военно-морского флота (ВМФ) В. А. Касатонов, в послевоенные годы командовавший Краснознаменными флотами: Балтийским, Черноморским и Северным. Среди выпускников 1931 года были также известные в последующем флотоводцы: А. Г. Чабаненко, командовавший Северным флотом, а затем ставший помощником начальника Генерального штаба ВС СССР по ВМФ, С. Е. Чурсин, командовавший после войны Черноморским флотом, И. И. Банков, командовавший Тихоокеанским флотом и Ленинградской ВМБ, Герой Советского Союза Н. П. Египко и др.

В 1932 году в результате преобразований численность Училища была доведена до 2 000 курсантов.

В 1933 г. одновременно проходили два процесса: переформирование отделов в сектора и выделение в особый сектор курсантов, отобранных для службы на подводных лодках. В ноябре отделы Училища были переформированы в 4 сектора: Надводный (К. Ю. Коренев), Подводный (Д. М. Вавилов), Гидрографический (А. П. Белобров), а вскоре был создан Авиационный (Н. И. Гуданец), готовивший специалистов для морской авиации.

Каждый сектор делился по специальностям на дивизионы. Дивизионы делились на учебные группы (по два класса в группе).

Первый курс был общим, все первокурсники получали одинаковую подготовку по общеобразовательным и воен-

но-морским дисциплинам. Спустя год курсантов распределяли по специальностям и секторам, где в течение двух лет велась подготовка по основной квалификации.

Курсанты-подводники подразделялись на два дивизиона: по штурманской и минной специальностям. По окончании основного курса будущие подводники должны были пройти дополнительную подготовку — изучить устройство подводных лодок, получив практику на них.

Надводный сектор состоял из трех дивизионов: штурманского, артиллерийского и минно-торпедного.

В 1933 году в Училище возродили Гидрографический отдел. Сначала сформировали Гидрографическое отделение, которое в 1934 году преобразовали в сектор, а затем — в отдел. Начальником Гидрографического сектора стал опытный гидрограф А. П. Белобров.

К началу 1934 г. обучение гидрографов, как и всех курсантов Училища, стало четырехгодичным.

В 1934 году из 119 командиров очередного выпуска 34 пошли на подводные лодки. В этом выпуске — будущие известные офицеры советского флота: Иван Тузов, Магомед Гаджиев и еще 10 героев, погибших в годы Великой Отечественной войны.

В сентябре 1936 г. Подводный сектор был расформирован, но выпуски в 1937 и 1938 гг. производились с сохранением подводного уклона.

С 1936 г. Училище вновь перешло на подготовку вахтен-

ных командиров, которая велась также по четырехлетней программе. В Училище сектора были переименованы в отделы: Штурманский, Артиллерийский, Минно-торпедный и Гидрографический.

Перемены в Училище и увеличение количества курсантов сопровождались расширением его площади. Была возведена двухэтажная надстройка «от Обсерватории в середине фасада до Морской академии… надстройка, где находился вход в баню и бассейн до академии… Над компасным залом в середине коридора было построено круглое помещение со сплошной стенкой — фонарь для дневного света в Компасном зале»

В 1936 году был отремонтирован Столовый зал Морского корпуса, названный в послереволюционное время Залом Революции. Были заменены поддерживающие потолок одного из крупнейших залов Петербурга-Ленинграда цепи. По приказанию начальника училища Г. А. Буриченкова из Зала почему-то была убрана модель брига «Наварин», простоявшая там более 100 лет.

В 1936 году состоялся первый выпуск курсантов, получивших вновь введенное звание «лейтенант».

В 1937—1939 годах происходило создание военно-морских училищ в Баку, Севастополе и Владивостоке. В результате многие преподаватели и курсанты ВМУ им. М. В. Фрунзе убыли в данные училища.

В августе 1938 года было выпущено 40 младших лейте-

нантов гидрографов, не закончивших последнего года обучения: Олег Лукин-Лебедев, Сухоручкин, Валентин Емельянов и др., а в 1939 г. был выпущен еще 101 гидрограф.

Постановлением Совнаркома СССР №683 от 19 мая 1939 г. Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе было отнесено к разряду высших учебных заведений 1-й категории, в результате чего в названии Училища добавилось слово «Высшее».

Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе (1939—1998)

В апреле 1939 г. стало известно о формировании снова отдельного Гидрографического училища. Приказами народного комиссара#ВМФ №0337 от 8 июля и №384 от 2 октября#1939 г. Гидрографический отдел ВВМУ им. М. В. был вновь преобразован в Высшее военно-морское гидрографическое училище. Таким образом из состава Училища был удален Гидрографический отдел.

В 1939 году Училище окончило 625 лейтенантов.

Авторитет Училища постоянно рос. Так, в 1940 году на 300 вакантных мест было подано 3 900 заявлений. В этом же году Училище окончило 404 лейтенанта.

В январе 1941 г. при начальнике Училища контр-адмирале Семене Спиридоновиче Рамишвили и Наркоме ВМФ Николае Герасимовиче Кузнецове *(оба выпускники ВМУ им. М. В. Фрунзе 1926 г.)* Училище отпраздновало свое 240-летие, подтвердив свою преемственность от созданной в Москве в 1701 году Навигацкой школы.

Начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года совпало с периодом практики у курсантов.

25 июня 1941 года состоялся досрочный выпуск 198 офицеров.

31 октября 1941 года состоялся второй досрочный вы-

пуск.

Курсанты 1 и 2 курсов в июле-августе 1941 года принимали участие в боях в составе 1-й Отдельной бригады морской пехоты.

В конце июля 1941 г. было принято решение перебазировать Высшее военно-морское гидрографическое училище им. Г. М. Орджоникидзе в Астрахань и на положении Гидрографического отдела вновь ввести в состав также начавшего эвакуироваться в этот город Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе. Тяжелую утрату понесло Училище в период перебазирования. 17 октября при переходе судов по Ладожскому озеру погибло 128 курсантов и 8 офицеров первой группы гидрографов, следовавших в Астрахань, и только 20-ти оставшимся в живых удалось прибыть к месту назначения.

В начале декабря 1941 года было принято решение об эвакуации оставшейся части курсантов ВВМУ им. М. В. Фрунзе из Ленинграда в Астрахань. Эвакуация Училища под руководством его начальника капитана 1 ранга Б. М. Жукова была закончена 10 января 1942 года.

В августе 1942 г. в результате сложившейся обстановки на Южном фронте Училище было перебазировано из Астрахани в Баку на учебных кораблях «Правда» и «Шаумян». В Баку, на базе бывшего Каспийского Военно-морского училища, продолжилась напряженная учеба и подготовка новых кадров.

С 1942 по 1944 годы начальником Училища был капитан 1 ранга К. Д. Сухиашвили, а его заместителем по учебной части — А. П. Белобров. Среди преподавателей Гидрографического отдела — В. И. Зефиров, М. Н. Кирпичников, А. И. Швейцаренко, Г. А. Гладышев, В. М. Никитин. Приходили в Училище и новые преподаватели, выпускники прошлых лет, получившие опыт боевых действий. Программы непрерывно обновлялись с учетом требований и боевого опыта флотов.

10 декабря 1942 г. в Баку уже в составе ВВМУ им. М. В. Фрунзе состоялся выпуск курсантов-гидрографов, поступивших на первый курс ВВМГУ им. Г. М. Орджоникидзе в 1939 г. В распоряжение Военных советов флотов и флотилий было направлено 94 офицера-гидрографа. Среди них С. И. Вартаньян, Н. Я. Дорохов, А. Г. Евланов, Е. А. Калинин, М. К. Калюжный, В. С. Нариманов, И. П. Нарышкин.

10 мая 1944 года состоялся последний выпуск Училища военного времени, включая офицеров-гидрографов. С этим выпуском ушли на фронт гидрографы ленинградского набора 1940 г. В их числе были И. Г. Евланов, Б. М. Землянов, А. Е. Колодяжный, Д. Н. Князев, А. И. Судзиловский, Я. И. Сукеник.

6 июля 1944 года первая партия курсантов и преподавателей во главе с начальником Училища контр-адмиралом В. Ю. Рыбалтовским вернулись в Ленинград.

Летом 1944 г. часть курсантов-гидрографов возвратилась в Ленинград из Баку, а осенью в здание училища им. М. В.

Фрунзе были переведены все курсы Гидрографического отдела, а также младшие курсы основного набора.

Осенью 1944 г. в Ленинграде Училище произвело свой очередной набор.

За время Войны 52 выпускника Училища были удостоены звания Героя Советского Союза.

Летом 1945 года Училище произвело первый послевоенный выпуск офицеров, включая гидрографов.

К осени 1945 г. в Училище было 3 основных курса по профилю «офицер корабельной службы» и 4 курса гидрографов. В декабре 1945 года Гидрографический отдел ВВМУ им. М. В. Фрунзе был преобразован в Гидрографический факультет. Начальником факультета был назначен Н. Н. Маркин, которого в 1950 г. сменил В. Д. Куликов.

В апреле 1947 года состоялся первый послевоенный выпуск.

3 июня 1947 г. начальником Училища был назначен контр-адмирал К. М. Кузнецов *(выпускник ВМУ им. М. В. Фрунзе, весной 1951 г. он стал начальником Училища подводного плавания им. Ленинского Комсомола).*

1 октября 1948 г. в Училище был открыт Инженерный минно-торпедный факультет со сроком обучения 5 лет 6 месяцев (начальник факультета капитан 1-го ранга А. Г. Свердлов). Командирами рот были назначены фронтовики: Г. Б. Коноплев, И. И. Осадчий, П. А. Михайловский и др. В 1951—1954 годах Училищем командовали контр-адмиралы А. Г.

Ванифатьев и Г. А. Коновалов *(позже назначен начальником Гидрографического училища).*

В 1952 г. очередной раз было воссоздано Высшее военно-морское гидрографическое училище. Начальником училища был назначен А. В. Солодунов, а его заместителем по учебной работе — В. Д. Куликов *(выпускники Училища 1927 г.).* Училище разместили сначала в дворцовых ансамблях Гатчины, а затем города Пушкина. Старшие курсы Гидрографического факультета в 1952—1953 гг. завершили учебу в ВВМУ им. М. В. Фрунзе. Среди выпускников 1952 г. А. И. Баранов, С. Е. Василенок, Г. Б. Грановский, К. М. Коротаев, И. М. Мирошников, А. К. Юняев.

С февраля 1954 по декабрь 1959 года Училищем командовал вице-адмирал В. Л. Богденко *(выпускник ВМУ им. М. В. Фрунзе 1926 г.).* С декабря 1959 по февраль 1967 года Училище возглавлял вице-адмирал А. Г. Ванифатьев *(выпускник ВМУ им. М. В. Фрунзе 1928 г.),* а с 1967 по 1974 годы — вице-адмирал В. А. Хренов *(выпускник Севастопольского ВМУ береговой обороны ВМС РККА 1935 г.).*

С 1959 по 1971 годы в Училище существовал Факультет политсостава, на базе которого в 1967 году было создано Киевское высшее военно-морское политическое училище.

В 1960 году, после расформирования Балтийского ВВМУ, в Училище вернулась подготовка гидрографов, которая стала вестись на Штурманско-гидрографическом факультете (по 2 класса штурманов и гидрографов).

К 1962 году завершился переход на 5-летний цикл обучения, было введено дипломное проектирование вместо 6 государственных выпускных экзаменов.

В 1967 году Ракетно-артиллерийский факультет училища был переведен в Калининград, где сначала был создан филиал Училища, а затем отдельное Калининградское ВВМУ.

В 1970 году в Училище был воссоздан самостоятельный Гидрографический факультет. До 1975 г. факультет возглавлял выпускник Училища 1941 г. И. И. Осадчий, а затем выпускник 1950 г. Б. Г. Зюбровский.

В 1975 году с учетом появления в составе ВМФ вертолетоносцев и авианосцев на Гидрографическом факультете был создан отдельный Гидрометеорологический класс *(автор стал выпускником (1981) данного класса второго набора в 1976 г.).*

1970—1980-е годы прошлого века были самыми продуктивными в советской истории Училища, с высоким уровнем подготовки курсантов. Начальниками училища в этот период были вице-адмирал В. А. Хренов, выпускники Училища вице-адмиралы В. В. Платонов *(автор застал этого высокого седовласого, подтянутого и интеллигентного офицера в 1976 г. и всех последующих)* и Н. К. Федоров *(получивший у курсантов прозвище «боцман» и «прославившийся» тем, что запретил продолжать исторические традиции по преемственности поколений; так, детей гидрографов записывал при приеме насильно в минеры*), контр-адмиралы А.

С. Ковальчук (*выпускник Училища 1959 г., первый командир атомного ракетного крейсера «Киров», честный корабельный офицер*) и выпускник Тихоокеанского ВВМУ им. С. О. Макарова Б. А. Попов *(высокообразованный, интеллигентный офицер, художник, создавший в училище велосипедную секцию с ежегодным проведением дальних велосипедных маршрутов под личным руководством).* Высокий авторитет училища базировался, в первую очередь, на огромном научном и педагогическом опыте, сложившейся педагогической школе и вековых традициях «Гнезда Петрова».

В Училище существовало 3 факультета:

1-й — Штурманский, на котором существовали кафедры Кораблевождения и Технических средств кораблевождения;

2-й — Гидрографический, с кафедрами Навигационно-гидрографического и гидрометеорологического обеспечения и Гидрографии;

3-й — Оружия, с кафедрами Противолодочного вооружения и Минно-трального оружия.

Кроме специальных кафедр, традиционно существовали общеучилищные кафедры: Высшей математики, Физики, Механики и Начертательной геометрии, Радиоэлектроники, Спецэлектротехники, Теории устройства и живучести корабля, Тактики ВМФ, Морской практики, Тактики Морской пехоты, Ракетно-артиллерийского вооружения *(остаток былого Артиллерийского факультета)*, Иностранного языка (английский и немецкий языки), Физической подго-

товки, Истории военно-морского искусства и пропагандистские кафедры.

В 1970-х — 1980-х годах в Училище набирали на первый курс по 5 классов штурманов (25—27 чел.), по 3 класса гидрографов (22—25 чел.), 1 классу гидрометеорологов (15 чел.), по 2 класса противолодочников (20—25 чел.) и 4 класса специалистов минно-трального оружия (22—24 чел.). Сдача вступительных экзаменов происходила в полевом лагере Училища в пос. Зеленая Роща, расположенном в 33 километрах за Зеленогорском в сторону Приморска, на берегу Финского залива, в июле. Абитуриенты, предварительно отобранные Приемной комиссией Училища (по 3—4 человека на одно место) из поданных через районные военкоматы городов заявлений *(конкурс достигал 10 человек на 1 место)*, прибывая в лагерь, жили за территорией лагеря в больших брезентовых палатках. Абитуриенты разбивались на роты и взводы, которыми командовали офицеры Училища и курсанты 3—4 курсов. На сдачу экзаменов и прием пищи абитуриенты, хотя и в гражданской одежде, ходили в лагерь строем поротно.

После успешного поступления абитуриенты становились курсантами и переезжали жить на территорию лагеря в деревянные домики цилиндрической формы, за что последние прозвали «бочками». В лагере в течение августа месяца проводился Курс молодого бойца, включающий в себя и прохождение морской практики на шестивесельных ялах (под

парусами и на веслах) на близлежащем озере Комонь, и строевую подготовку.

В сентябре на Марсовом поле или, при плохой погоде, в самом Училище происходил торжественный прием курсантами воинской присяги, после даты которой начинался отсчет военного стажа.

У курсантов, зачисленных в Училище сразу после окончания Ленинградского Нахимовского военно-морского училища (ЛНВМУ), которое оканчивал и автор в июне 1976 г., стаж начинался с момента выпуска их ЛНВМУ, что не освобождало их, однако, от повторного прохождения Курса молодого бойца в полевом лагере в пос. Зеленая Роща. Правда, большим плюсом было то, что нахимовцам, как и курсантам, поступившим в Училище с флотов, не брили заново голову наголо, в отличие от курсантов из абитуриентов. Стрижка наголо осталась как в Училище, так и на флоте и армии с давних времен, но тогда это было продиктовано требованиями гигиены (против вшей). В настоящее время в Институте отменена.

В этот период в Училище была организована качественная летняя практика курсантов.

После первого курса обязательно проводилась корабельная практика в течение месяца на артиллерийских крейсерах «Киров», «Октябрьская революция», «Ленинского комсомола» и других. После корабельной практики проводилась двухнедельная практика в полку Морской пехоты в п. Бал-

тийск, в период которой проводилась обкатка курсантов танками.

После второго курса обязательным был Дальний месячный поход с заходом в иностранный порт на учебных кораблях первого ранга «Гангут», «Перекоп», «Смольный» или «Хасан».

После третьего курса обязательной для всех курсантов была судоводительская практика на белоснежных учебных катерах Училища (на вклейке 4.2 на фоне здания Училища того времени виден один из таких катеров). После данной практики все курсанты получали Удостоверение на допуск к самостоятельному управлению маломерным судном. Также после третьего курса проводилась специальная практика уже отдельно для каждого факультета. У гидрографов это была геодезическая практика на полигоне в пос. Зеленая роща, а у гидрометеорологов (с 1978 г.) — на базовых гидрометеорологических станциях флотов.

После четвертого курса в течение двух месяцев уже проводилась только специальная практика на кораблях и в подразделениях, соответствующих профилю факультетов.

После первого полугодия на пятом курсе проводилась стажировка курсантов на флотах на отдельных офицерских должностях в течение 2—3 месяцев. После стажировки в течение двух месяцев осуществлялось дипломное проектирование, по окончании которого были защиты дипломных проектов перед комиссиями, возглавляемыми известными офи-

церами с флотов либо из научно-исследовательских военно-морских институтов.

Торжественный выпуск на флот лейтенантов традиционно при хорошей погоде проводился на улице около Училища, а при дожде — в Зале Революции (бывшем Столовом зале).

В процессе обучения в этот период в Училище неизбежно происходило отчисление курсантов по неуспеваемости на 1—3 курсах, а по дисциплине — на всех курсах. Тем не менее до выпуска доходило от 85 до 98% принятых.

Накануне распада СССР, в июне 1991 г. состоялся 68-й (за советское время) выпуск лейтенантов флота. Фамилии окончивших училище с Золотой медалью заносились *(и заносятся в настоящее время)* золотыми буквами на белые мраморные доски, установленные в Картинной галерее.

В 1991—1998 гг. в условиях экономического и политического кризиса в стране ситуация в Училище резко ухудшилась. Снизилось качество набора курсантов, так как крайне снизилось количество желающих поступать в него. Материально-техническое обеспечение учебного процесса, а также быта курсантов и денежного содержания офицеров было крайне низкое *(автору с 1985 по 1999 годы довелось служить в Училище в этих условиях, пройдя путь от адъюнкта до начальника кафедры Навигационно-гидрографического и гидрометеорологического обеспечения).* В результате сложившейся негативной ситуации резко возросло количество отчисляемых курсантов по неуспеваемости и дисципли-

не, а также «по собственному желанию», начиная с 4 курса. Дело доходило до того, что в отдельных классах факультетов выпускалось чуть ли не 20% от числа поступивших. Правда, необходимо отметить, что и число вакансий на флоте резко сократилось из-за начавшегося массового сокращения Вооруженных сил.

Санкт-Петербургский военно-морской институт — Морской корпус Петра Великого (1998—2012)

Сложившаяся негативная экономическая ситуация в стране привела к переменам в подготовке офицерских кадров для флота, происходившим на фоне сокращения корабельного состава и перехода ряда училищ СССР под юрисдикцию отделившихся стран, бывших социалистических республик. Поэтому одновременно с переименованием училищ на новый лад в институты происходило объединение некоторых родственных институтов, замещение потерянных специальностей и ликвидация излишних.

1 ноября 1998 г. во исполнение постановления Правительства Российской Федерации о Высшем военно-морском училище им. М. В. Фрунзе и Высшем военно-морском училище подводного плавания им. Ленинского Комсомола был создан Санкт-Петербургский военно-морской институт *(почему-то без всякого названия)*.

После объединения двух в прошлом славных училищ они тем не менее остались на своих исторических местах. Бывшее ВВМУ им. М. В. Фрунзе занимало первую площадку — военный городок №18, здесь же находилось командование

Института. Бывший ВВМУПП им. Ленинского Комсомола занимало военный городок №64.

На двух площадках были сохранены шесть факультетов: два Штурманских (надводных кораблей и подводных лодок), Гидрографический, Противолодочного и трального вооружения (надводных кораблей), Ракетного вооружения подводных лодок и Противолодочного, торпедного и минного вооружения подводных лодок.

С августа 1999 г. начальником института был назначен надводник контр-адмирал Н. А. Скок *(выпускник ВВМУ им. М. В. Фрунзе 1972 г.)*.

25 января 2001 года в связи с 300-летием военно-морского образования в России состоялось поистине историческое событие. Институту постановлением Правительства РФ было возвращено его историческое название: «Морской корпус Петра Великого — Санкт-Петербургский военно-морской институт».

Подготовка офицеров осуществлялась на 5 факультетах: Штурманском, Гидрографическом, Минно-трального и противолодочного вооружения, Крылатых и баллистических ракет подводных лодок и Специальных вооружений, по следующим специальностям:

— Кораблевождение надводных кораблей и подводных лодок;

— Корабельные автоматизированные комплексы и информационно-управляющие системы;

— Автоматизированные системы управления морской техникой;

— Гидрография и навигационное обеспечение судоходства;

— Электроника и автоматика физических установок.

Кроме этого, в Институте осуществлялась подготовка специалистов со средним профессиональным образованием (мичманов) по специальности «Автоматические системы управления».

В 2001 году был прекращен прием абитуриентов в Гидрометеорологический класс Гидрографического факультета, и в 2005 году состоялся последний выпуск офицеров-гидрометеорологов. Данное решение приведет со временем к тому, что в гидрометеорологические центры и станции флотов будут назначать не очень подготовленных в этом отношении офицеров-гидрографов, либо начнут, как в советское время до 1975 года, призывать на службу выпускников Российского государственного гидрометеорологического университета…

В дальнейшем начальниками Института были: с декабря 2002 г. — контр-адмирал О. Д. Демьянченко (выпускник Черноморского военно-морского училища им. П. С. Нахимова), с 2006 по 2012 гг. — контр-адмирал Ю. П. Еремин (выпускник ВВМУ им. М. В. Фрунзе 1978 г.).

В 2008 году Штурманский и Гидрографический факультеты ввиду сократившегося их количественного состава были объединены в Штурманско-гидрографический факуль-

тет. Та же судьба постигла и факультетские кафедры Гидрографического факультета, из двух кафедр была образована кафедра Навигационно-гидрографического и гидрометеорологического обеспечения, но объединение не затронуло двух кафедр Штурманского факультета.

В 2008 году в историческом помещении храма во имя Святителя Павла Исповедника (архиепископа Константинопольского) и Святого праведного воина Федора Ушакова под правым куполом Морского корпуса на 3-м этаже началось восстановление домовой церкви, а на самом куполе был восстановлен православный крест *(можно увидеть на фото здания, приведенном на заглавной странице книги).* Большую руководящую роль в воссоздании храма оказали выпускники Штурманского факультета — начальник Училища контр-адмирал кандидат военных наук Ю. П. Еремин (1978) и заместитель начальника по учебной и научной работе доктор военных наук капитан 1 ранга И. И. Малышев (1983) *(Иван Иванович, принявший в 1994 году от автора нештатную должность командира Знаменной группы училища, и в настоящее время проводит большую работу по возрождению исторических традиций «Гнезда Петрова»).*

Спонсировали ремонт храма Государственный навигационно-гидрографический научно-исследовательский институт ВМФ, возглавляемый выпускником с отличием Штурманского факультета 1972 года контр-адмиралом доктором технических наук С. П. Алексеевым, и ФГУНПП «Севмор-

гео», возглавляемое также выпускником Штурманского факультета 1978 года капитаном 1 ранга запаса кандидатом технических наук М. Ю. Шкатовым (*в это время автор был заместителем генерального директора этого морского геологического научно-производственного предприятия по геоэкологии).*

15 июля 2009 г. Морской корпус Петра Великого — Санкт-Петербургский военно-морской институт вошел в состав Военного учебно-научного центра (ВУНЦ) ВМФ «Военно-морская академия имени адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова» на правах филиала.

28 марта 2010 года в восстановленном храме Морского корпуса состоялся молебен, посвященный окончанию ремонтных работ и началу функционирования домовой церкви Санкт-Петербургской епархии (фото современного иконостаса храма на вклейке 5.1). Настоятелем храма стал протоиерей Александр (Паничкин Александр Филиппович).

Безликий Военный (военно-морской) институт ВУНЦ ВМФ (2012 — по наст. вр.)

Приказом Министра обороны *(«мебельщика» Сердюкова)* №545 от 12 марта 2012 года состоялось бездарное, без уважения к традициям «Гнезда Петрова», переименование филиала ВУНЦ ВМФ «Санкт-Петербургский военно-морской институт — Морской корпус Петра Великого» в безликое «Военный (военно-морской) институт».

Не тратя слов на «мебельщика» *(много чести для него)*, все же хочется узнать, что было в головах наших военно-морских начальников, некоторые из которых заканчивали ВВМУ им. М. В. Фрунзе, готовивших данный приказ? Слово «военный», стоящее на первом месте, что должно было подчеркнуть — что «военно-морской» это не значит военный? Почему было проявлено также неуважение не только к «Гнезду Петрову», но и к самому его основателю Петру I? Такое же неуважение было проявлено и к другим филиалам ВУНЦ, имевшим славные и широко известные имена, например, ВВМУРЭ им. А. С. Попова и другим. Где передача флотских традиций? Как можно воспитать любовь и уважение курсантов к своему учебному заведению? Это же типичный бездумный бюрократический подход, приводящий

к состоянию «Ивана, не помнящего родства»!

По моему мнению, в этом бездарном переименовании есть и доля вины Военно-морской академии, давно пытающейся «перетащить одеяло» первенства военно-морского образования на свою сторону. Напомню, что, как указывалось ранее, прообраз Академии был создан при Морском корпусе в 1827 году (Офицерский класс), и только в 1910 году Николаевская морская академия вышла из-под опеки Морского корпуса, став самостоятельным учебным заведением, но не для подготовки, а именно переподготовки офицеров. Кстати, почему-то Академия при образовании ВУНЦа оставила себе в своем названии имя легендарного главкома Н. Г. Кузнецова…

Безликость названия очевидна всем, но до настоящего времени исправление чудовищной ошибки не наблюдается, даже несмотря на то, что 20 марта 2014 года Президент РФ Владимир Путин по предложению министра обороны РФ подписал распоряжение о возрождении Черноморского высшего военно-морского ордена Красной Звезды училища имени П. С. Нахимова, а 11 мая того же года в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.05.2014 №771р филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» (г. Владивосток) переименован *(возвращено историческое название)* в Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С. О. Макарова с подчинением главнокомандующему ВМФ как самостоятельных военно-учебных

заведений. Спрашивается, где справедливость?

С 2012 по 2014 гг. Институтом командовал контр-адмирал Н. В. Марьясов *(выпускник ВВМУ им. М. В. Фрунзе 1983 г.)*.

С 2014 по 2018 гг. Институт возглавлял контр-адмирал В. Н. Соколов *(выпускник Калининградского ВВМУ 1985 г.)*.

С 2018 года по настоящее время Институт возглавляет контр-адмирал А. В. Щербицкий *(выпускник Черноморского ВВМУ им. П. С. Нахимова 1988 г.)*.

В настоящее время подготовка офицеров флота в Институте (фото здания на заглавной странице книги) по специальностям командно-инженерного профиля ведется на пяти факультетах:

1-й факультет — Штурманско-гидрографический и вооружения надводных кораблей (с 1.10.2020);

2-й факультет — Вооружения подводных лодок;

3-й факультет — Среднего профессионального образования;

4-й факультет — Специальный;

5-й факультет — Профессиональной подготовки военнослужащих, увольняемых с военной службы.

Подготовку будущих офицеров флота проводят высококвалифицированные кадры педагогов на 15 кафедрах, расположенных в двух военных городках. Среди педагогов 187 ученых, из них 53 — доктора наук и профессора, 134 — кандидаты наук и доценты.

На факультет Штурманско-гидрографический и вооружения надводных кораблей в настоящее время принимают штурманов в два класса по 30 человек, гидрографов — в один класс на 15 человек и противолодочников и специалистов минно-трального оружия — в 2 класса по 30 человек. На факультет Вооружения подводных лодок набирают курсантов в 3 класса.

Курсанты закрепляют теоретические знания во время корабельных практик и флотских стажировок, которые проводятся регулярно. Часть курсантов принимает участие в выполнении задач боевой подготовки на боевых кораблях и в дальних плаваниях океанографических исследовательских судов Гидрографической службы ВМФ. Так, с декабря 2019 по апрель 2020 года выпускной класс гидрографов Штурманско-гидрографического факультета Института находился в антарктическом кругосветном плавании на океанографическом исследовательском судне «Адмирал Владимирский» с заходом в январе в Антарктиду в честь 200-летия ее открытия, совершенного под руководством выпускников «Гнезда Петрова» Ф. Ф. Беллинсгаузена (выпуск 1797 г.) и М. П. Лазарева (выпуск 1808 г.) на шлюпах «Мирный» и «Восток».

В Институте с послевоенных времен существует Диссертационный совет, в котором производятся защиты докторских и кандидатских диссертаций не только офицерами, включая адъюнктов Института, но и соискателями ученой

степени из других военных и гражданских учебных и научных заведений России. В настоящее время Докторский диссертационный совет, состоящий из 23 членов (докторов наук, профессоров), возглавляет известный гидрограф, принявший от автора в 1999 году руководство кафедрой Навигационно-гидрографического и гидрометеорологического обеспечения, доктор военных наук, профессор Юрий Анатольевич Зубрицкий, выпускник Гидрографического факультета ВВМУ им. М. В. Фрунзе 1980 года.

В Институте функционирует Музей истории Морского Корпуса, созданный адмиралом И. Ф. Крузенштерном в бытность его директором Корпуса (1826—1842 гг.). Экспозиции музея повествуют об истории создания первого морского учебного заведения России, его выпускниках, содержат личные вещи гардемаринов конца XIX — начала XX в., фото и документы участников Гражданской и Отечественной войн, модели кораблей XVIII—XX вв. В состав экспозиции входят также знаменитая Картинная галерея и Голубая гостиная с картинами маринистов, среди которых подарки от профессора И. К. Айвазовского и от выпускника Морского корпуса 1841 года А. П. Боголюбова.

Автор все же лелеет надежду на то, что очевидная историческая и нравственная несправедливость в современном названии «Гнезда Петрова» будет исправлена!

Основные экспедиции Военно-морского флота по изучению Мирового океана и его побережья

Практически все выпускники «Гнезда Петрова», кроме защиты своей Отчизны, занимались и изучением Мирового океана *(термин введен во всемирный оборот выпускником Морского корпуса 1877 года Ю. М. Шокальским в начале XX века)* и его побережья. Данное изучение, в предыдущих веках называемое «описью», происходило в ходе как сухопутных, так и регулярных дальних плаваний боевых кораблей и специализированных судов российского флота в Атлантическом, Тихом, Индийском и Северном Ледовитом океанах, а также в кругосветных плаваниях.

История картографирования территории Российской империи, организованной Петром I, началась с картирования ее арктического побережья. Перед началом его картирования в распоряжении Петра I имелись схематические карты плаваний поморов, называемых «Мангазейский морской ход», «Новоземельский ход», «Енисейский ход», «Груманланский ход» и другие. Данные карты не имели географических координат и их нельзя было использовать для картосоставления.

При организации Петром I экспедиций использовалась

первая карта берегов Ледовитого океана и Московии, составленная думским дьяком Дмитрием Герасимовым в 1525 г. (сохранилась в копии Баттисты Аньезе), который же составил первый проект Северного морского пути. Кроме этого использовалась и географическая карта Северного полушария с концентрическими параллелями и меридианами Г. Меркатора 1595 года, изданная его сыном через год после смерти отца. На карте Европейской части России с невероятной для того времени точностью было обозначено российское побережье Северного Ледовитого океана с более крупными, чем в то время, островами, включая архипелаг с существующим и ныне названием «Nova Zemla». Откуда Д. Герасимов и Г. Меркатор получили данную географическую информацию, когда реформатор России Петр Первый даже еще не родился, остается загадкой и по сей день. Более того, на карте Меркатора был обозначен также Берингов пролив, подписанный тогда именем «El streto de Anian».

20 июня 1648 года 7 кочей вышли из устья реки Колыма на восток под руководством Федота Попова (Алексеева) и Семена Дежнева *(в «отписке» Дежнев называл себя именем Семейка)*. В сентябре, уже пройдя Берингов пролив, на мысу Большой каменный нос (ныне мыс Дежнева) коч С. Дежнева разбился, и далее он продолжил свой путь пешком. Летом 1649 г. он основал Анадырский острог, где оставался до 1662 года, после чего прибыл в Москву. Однако о сквозном плавании через пролив стало известно только через 98 лет — в

1736 году, когда описание похода С. Дежнева и Ф. Попова было случайно найдено в архивах Тобольска исследователем Г. Миллером при подготовке Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции Витуса Беринга.

В 1701 году тобольский картограф, историк и географ Семен Ремезов по результатам казацких экспедиций, на протяжении столетия собиравших дань с аборигенов, составил рукописную «Чертежную книгу Сибири». Однако данная книга с ориентировочными набросками береговой линии российской Арктики увидела свет только двести лет спустя, в 1901 году, поэтому современникам была малоизвестна.

Таким образом, у Петра I, собравшегося организовать экспедицию для отыскания пролива между Азией и Америкой, сведений о проходе там С. Дежнева в 1648 году не было.

Одними из первых выпускников Морской академии, принявшими участие в картографическом описании пока не побережья Арктики, а верховьев реки Иртыш в Сибири, сразу после выпуска в 1719 году стали Петр Гаврилович Чичагов (1694 — после 1756) и Иван Захаров (данные не найдены) в экспедиции майора лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Михайловича Лихарева. Карта («хартина»), составленная Петром Чичаговым, в отличие от предыдущих, была вычерчена в градусной сетке. Эта карта 1719 года с автографом П. Чичагова является старейшим памятником сибирской картографии, созданным на основе инструментальных съемок. Однако Петр I остался недоволен результатами экспедиции.

Относительно наличия Южного континента в XVIII и XIX веках в мире существовали различные мнения, хотя контуры этого континента были обнаружены еще в 1513 году на карте турецкого адмирала Пири Рейса. В 1775 году известный мореплаватель Д. Кук по итогам поисков Южного континента написал: «… я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы…». Однако даже эти слова великого мореплавателя не остановили российских военных моряков.

Далее в описаниях экспедиций часто используется термин «шлюп». Шлюп — класс судов, предназначенных для дальних плаваний, к которым относились и бриги, и фрегаты, и транспорта. История классических шлюпов закончилась в 1904 году с завершением строительства серии трёхмачтовых парусно-паровых судов.

Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга (1725—1729)

23 декабря 1724 года (3.01.1725) был издан указ Петра I об организации Первой Камчатской экспедиции. В инструкциях Петра I говорилось: «1. Надлежит на Камчатке или в другом тамож месте зделать один или два бота с палубами. 2. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на норд […] 3. И для того искать, где оная сошлася с Америкою, […] и взять на письмо, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды». Таким образом, основной целью экспедиции было доказать наличие пролива между Азией и Америкой.

Главой экспедиции был назначен датчанин капитан флота *(капитан 1 ранга)* Витус Беринг (1681—1741 гг.), поступивший на службу в России в 1704 году. Основным помощником В. Беринга стал выпускник Морской академии 1721 года лейтенант Алексей Ильич Чириков (1703—1748). Штурманом экспедиции был назначен выпускник Морской академии 1724 года Пётр Авраамович Чаплин (1699—1765).

В 1725 году, пока экспедиция В. Беринга в течение двух лет перевозила груз из Санкт-Петербурга на Тихий океан, Петр I с учетом результатов экспедиции И. М. Лихарева организовал Нижнеобскую экспедицию во главе с купцом и заводчиком П. Миллером (крестником Петра I). В задачу экс-

педиции входило выяснить возможности морского сообщения между Европейской Россией и Камчаткой. Таким образом, это была, наверное, первая попытка географического системного обследования Северного Морского пути. За геодезическую часть исследований отвечал опять П. Чичагов, который первым из выпускников Морской академии исследовал часть арктического побережья Северного Ледовитого океана: прошел с описью вдоль побережья Енисейского залива Карского моря до впадения р. Пясина (*этот 500-километровый участок впоследствии был назван Берегом Петра Чичагова*) и нанес на карту России контуры полуострова Таймыр в Карском море.

Только к августу 1727 года грузы экспедиции В. Беринга были доставлены в п. Охотск, и 22 августа экспедиция вышла из Охотска на судне «Фортуна» и старой ладье «Восток» на Камчатку. 4 сентября суда прибыли в Большерецкий острог на реке Большая — столицу Камчатки (1703—1928). В Большерецке было решено зазимовать, а часть груза была отправлена в Нижнекамчатский острог (1713—1968) по рекам Большой, Быстрой и Камчатке (зимой — на собаках). Корабельный мастер Федор Козлов в долине реки Камчатки близ урочища Ушки выбрал место для первой верфи на Камчатке. К моменту прибытия на место основных сил экспедиции верфь была готова, поэтому 4 апреля 1728 года состоялась торжественная церемония закладки бота, а 6 июля произошел его спуск на воду.

13 июля 1728 года бот «Св. Гавриил» вышел из устья р. Камчатка и направился прямо на север. 17 июля было совершено первое географическое открытие: остров Карагинский. На пути к предполагаемому проливу почти все время стоял туман, поэтому берегов не было видно. В результате «Св. Гавриил», совершенно случайно не налетев на берег или подводные скалы, прошел пролив между материками, не заметив этого, и оказался, по астрономическим счислениям, в Чукотском море Северного Ледовитого океана. Держа далее курс на север, судно дошло до 67°18'48»» с. ш., но земля так и не была обнаружена. Плавание продолжалось уже 34 дня. А. Чириков предложил В. Берингу направиться далее на запад, до устья реки Колыма в Восточно-Сибирском море. Однако В. Беринг ответил, что он выполнил второй пункт инструкции Петра I, доказав, что Азия и Америка разделены проливом, и 15 августа 1728 года развернул «Св. Гавриила» на обратный курс. На обратном пути экспедиция открыла остров Святого Диомида в центре Берингова пролива, и 3 сентября судно вернулось в устье реки Камчатка, встав на якорь для зимовки (*в 1731 году на берегу было образовано поселение Усть-Приморск, с 1918 г. п. Усть-Камчатск*).

5 июня 1729 года, после зимовки, бот «Св. Гавриил» с экспедицией В. Беринга вышел в море для следования в п. Охотск для завершения экспедиции. По пути В. Беринг решил обследовать прилегающую к полуострову Камчатка часть Тихого океана с целью поиска островов, о которых рас-

сказывали местные аборигены. 6 июня по счислению судно находилось в 30 милях от острова, получившего в дальнейшем имя «Остров Беринга», но из-за постоянно висевшего над морем тумана не увидели его. До 1 июля экспедиция продолжала в основном перпендикулярными береговой черте галсами исследовать прибрежные воды Тихого океана в поисках новых островов и описывать побережье полуострова. 2 июля 1729 г. был картографирован пролив между южной частью Камчатки и островами Курильской гряды. В этот же день была завершена опись первых трех северных Курильских островов.

23 июля 1729 года судно «Св. Гавриил» прибыло в п. Охотск. Таким образом, Первая Камчатская экспедиция была успешно завершена, подтвердив наличие пролива между материками Азия и Америка, позже названного в честь командора Беринговым. Впервые инструментально было определено положение южной оконечности полуострова Камчатка и произведена опись и картографирование первых трех северных островов Курильской гряды и проливов между ними.

После окончания Первой Камчатской экспедиции В. Беринг предложил в Адмиралтейств-коллегию проект новой экспедиции к берегам Северной Америки и Японии. Кроме всего прочего, его проект предусматривал описание арктического побережья Сибири.

Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция Витуса Беринга (1733—1743)

2 мая 1732 года императрица Анна Иоанновна подписала представленный Сенатом указ №6042 «Об отправлении капитан-командора Беринга на морских судах для проведывания новых земель, лежащих между Америкою и Камчаткою».

Экспедиция получила название Второй Камчатской экспедиции или Великой Северной (Сибирской) экспедиции и проводилась в 1733—1743 годах *(маршруты экспедиции на вклейке 5.2)*.

Экспедиция включала в себя восемь отдельных отрядов:

1. Двинско-Обский отряд.
2. Обско-Енисейский отряд.
3. Ленско-Енисейский отряд.
4. Ленско-Колымский отряд.
5. Отряд Беринга—Чирикова (поиск пути в Северную Америку).
6. Южный отряд (поиск дороги в Японию. Командир — капитан 1 ранга Мартын Шпанберг (участник Первой Камчатской экспедиции).

7. Академический отряд (сухопутный, Восточная Сибирь, Камчатка, состоял из членов Академии наук во главе с Г. Ф. Миллером, который и обнаружил в архивах Тобольска «Отписку» С. Дежнева, в которой был зафиксирован его проход проливом между Азией и Америкой).

8. Верхнеудинско-Охотская экспедиция (сухопутная, Камчатка, Сахалин).

Побережье Северного Ледовитого океана было разбито на пять участков:

— самый западный участок побережья от р. Печора до р. Оби должен был исследовать отряд под командованием выпускника Морской академии лейтенанта Степана Воиновича Муравьёва *(позже его сменил лейтенант Степан Гаврилович Малыгин, окончивший в 1717 г. Навигацкую школу в Москве),* подчинявшийся непосредственно Адмиралтейств-коллегии. Все остальные отряды находились под общим руководством Витуса Беринга;

— участок арктического побережья от р. Обь до р. Енисей обследовал отряд выпускника Морской академии 1725 г. лейтенанта Дмитрия Леонтьевича Овцына (1708—1757, *в 1738 году выехал в Санкт-Петербург с отчётами об экспедиции, но в дороге был арестован и предан суду за связь с находившимся в Берёзове ссыльным семейством князей Долгоруковых. По решению суда был разжалован в матросы и отправлен в Охотск под начало капитан-командора В. Берин-*

га. В 1741 году ходил под его руководством к Северной Америке и по возвращению ему был возвращён чин лейтенанта);

— восточнее р. Енисей работал отряд штурмана Федора Алексеевича Минина, выпускника Морской академии 1726 г.;

— участок побережья к западу от р. Лена был поручен отряду, возглавляемому последовательно выпускниками Морской академии 1718 года Василием Васильевичем Прончищевым, Харитоном Прокофьевичем Лаптевым и Семеном Ивановичем Челюскиным;

— участок побережья к востоку от устья р. Лена до устья р. Колыма обследовал отряд лейтенанта майорского ранга Питера Лассиниуса (швед, с 1725 г. на службе в России) и выпускника Морской академии 1721 г. Дмитрия Яковлевича Лаптева.

Таким образом экспедицией не был обследован Чукотский полуостров от устья р. Колыма и далее на восток.

В результате 10-летней деятельности Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции впервые была произведена опись отдельных участков побережья Северного Ледовитого океана, открыт американский берег в заливе Аляска, открыты и нанесены на карту Южные Курильские острова, доказано отсутствие каких-либо земель между Камчаткой и Северной Америкой, обследованы побережья Камчатки, Охотского моря и отдельные участки побережья Японии. В 1745 году на основе результатов Второй Камчатской экспедиции

была составлена Карта Российской империи.

С 1746 года все дела по гидрографии Адмиралтейств-коллегия стало поручать наиболее профессиональному в этом отношении капитану флота Алексею Ивановичу Нагаеву (1704—1781), выпускнику Морской академии 1721 года.

Секретные экспедиции В. Я. Чичагова по «отысканию Северо-Восточного морского прохода» на Камчатку (1764—1766)

В 1763 году академик Михаил Васильевич Ломоносов закончил свой трактат «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Этот труд в силу важности для государства М. В. Ломоносов считал секретным, поэтому академик добился аудиенции у императрицы Екатерины II. На ней М. Ломоносов ознакомил императрицу со своим трактатом, которая сразу оценила суть идеи: отыскать северный путь через полярные воды в Тихий океан с последующей организацией торговли с восточными странами.

14 мая 1764 года Екатерина II подписала секретный указ о снаряжении экспедиции по отысканию Северо-Восточного морского прохода: «Для пользы мореплавания и купечества на восток наших верных подданных, за благо избрали мы учинить поиск морского проходу Северным океаном на Камчатку и далее» (Указ держали в тайне даже от сенаторов).

Руководство «Секретными экспедициями» было поруче-

но выпускнику Школы математических и навигацких наук и Морской академии (1745) Василию Яковлевичу Чичагову (1726—1809) (однофамильцу П. Чичагова).

По указанию императрицы, назначенные в экспедицию суда назвали по фамилиям их командиров *(выпускников Морской академии):* «Чичагов» (капитан 1 ранга), «Бабаев» (капитан-лейтенант Василий Бабаев) и «Панов» (капитан-лейтенант Никифор Панов). В помощь им были назначены три флотских лейтенанта: П. Поярков, П. Борноволоков и Ф. Озеров.

Необходимо отметить, что в то время представления о расположении континентов в Северном приполюсном районе Земли и состоянии льдов в океане были крайне скудными. В результате этого задачей экспедиции был поиск альтернативного пути на Камчатку не вдоль обследованного Великой Северной экспедицией арктического побережья Сибири, а через Баренцево море и далее вдоль канадского арктического побережья. Таким образом предполагалось, оставив архипелаг Шпицберген (тогда Грумант) с востока, затем идти вдоль Гренландии, далее вдоль островов Канадского арктического архипелага, побережья Аляски войти в Берингов пролив и далее прийти в Охотск. По картам того времени, видимо, этот путь казался короче, чем вдоль арктического побережья России *(плановый и фактический маршруты экспедиции на вклейке 6.1).*

Баренцево море

Баренцево море до 1853 года называлось в России Мурманским, Русским, Московским, Сиверским, Северным и Ледовитым морем, а за рубежом на картах, кроме названия Мурманское, существовали также названия как Норвежское и Датское. И только в 1853 году на карте немецкого географа А. Питермана появилось имя голландского мореплавателя Виллема Баренца, который в 1594—1597 годах организовал три экспедиции в это море, однако умер от цинги в ходе последней и был похоронен на западном берегу архипелага Новая Земля. В Советском Союзе данное название было узаконено только в 1935 году постановлением Центрального исполнительного комитета СССР от 27 июня 1935 года «Об единых географических наименованиях частей Северного Ледовитого океана».

Выдающийся гидрограф вице-адмирал А. И. Нагаев *(в 1752—1762 директор Морского корпуса)*, будучи в это время главным командиром Кронштадтского порта, составил для экспедиции В. Я. Чичагова «Наставление мореплавателям» для ведения счисления и морской съёмки.

Академик М. В. Ломоносов в свою очередь составил для экспедиции обширную «Примерную инструкцию», в которой предлагалось производить метеорологические и астрономические наблюдения, измерять глубины моря, брать пробы воды, записывать склонения компаса, изучать животный

мир, собирать образцы минералов и вести этнографические наблюдения. Михаил Васильевич рекомендовал вести корабельные журналы и астрономические наблюдения, даже когда все три судна пойдут вместе, чтобы затем можно было, сверив их, установить правильность счисления. Он говорил: «Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может российская слава» *(умер 4 (15) апреля 1765 года, не дождавшись результатов миссии В. Чичагова, опровергнувших его предположение о возможности прохода Северным путем)*.

Для запланированной экспедиции летом 1764 года в Архангельске стали строить суда специальной конструкции под контролем главного командира Архангельского порта капитан-командора П. Чаплина *(участника экспедиции В. Беринга)* и его помощника В. Чичагова.

Пока перечисленные корабли строились, из Архангельска 6 июня 1764 года вышла флотилия под командованием лейтенанта Михаила Немтинова, состоящая из транспорта «Слон» и четырех нанятых поморских судов (гукоров) «Св. Николай», «Св. Наталья», «Св. Иоанн» и «Св. Михаил». Суда везли на своем борту на Шпицберген провиант для будущей экспедиции В. Чичагова, а также разобранные избы, баню, лес и другие материалы для организации зимовки. В начале августа флотилия достигла бухты Клокбай на западном побережье Шпицбергена, где и осуществила плановую выгрузку. Оставив на берегу группу обеспечения из 16 чело-

век под руководством лейтенанта Моисея Рындина для обустройства зимовья, флотилия вернулась в Архангельск.

1 сентября 1764 года экспедиция В. Чичагова вышла из Архангельска и без потерь достигла Кольского полуострова, где расположилась на зимовку в Кольском заливе в Корабельной гавани, которую Василий Яковлевич тогда же переименовал в Екатерининскую, в честь императрицы, отправившей экспедицию.

9 мая 1765 года суда вышли уже из Екатерининской гавани и двинулись на север. Уже 16 мая суда миновали остров Медвежий, за которым их встретили дрейфующие льды.

23 июля экспедиция достигла 80°26» северной широты в Гренландском море, превзойдя рекорд англичанина Генри Гудзона 1607 года, но дальше суда пройти не смогли из-за сплошных мощных дрейфующих льдов. В результате В. Чичагов принял решение возвращаться в Архангельск.

Вторая экспедиция была предпринята в следующем году. 19 мая 1766 года суда вышли из Архангельска с задачей реабилитировать саму идею Северо-Восточного прохода. Корабли подремонтировали и обили железом по форштевням, чтобы предотвратить негативное воздействие морских льдов.

16 июля 1766 года суда с трудом пробились к северной оконечности Шпицбергена, где тяжелые льды опять преградили дальнейший путь на север. В. Чичагов, поняв, что пройти дальше невозможно, опять был вынужден принять

решение о возвращении судов в Архангельск. На обратном пути 30 июля он зашел в бухту Клокбай и взял на борт партию М. Рындина, в которой к этому времени восемь человек умерло от цинги.

10 сентября 1766 года экспедиция В. Чичагова вернулась в Архангельск.

В рапорте («Оправдательной записке») Адмиралтейств-коллегии В. Чичагов сделал заключение о невозможности пройти Северным проходом, указав, что предположение о чистом ото льда море севернее Шпицбергена не оправдалось. Кроме установления данного факта, В. Чичагов сделал другое важное географическое открытие, отметив в своем рапорте, что льды севернее архипелага Шпицберген дрейфуют с востока на запад.

Тем не менее в рескрипте императрицы Екатерины по поводу экспедиции было высказано недовольство: «достигнуть бы до Гренландии было можно… новые и неведомые берега Гренландии, может быть, открыты б были». В результате императрица приказала завершить попытки поиска Северного прохода. В то же время, отдавая дань уважения членам экспедиции, она 22 декабря 1766 года подписала указ, согласно которому В. Чичагов и все его отличившиеся офицеры стали получать пожизненный пенсион в половину оклада, который они получали во время экспедиции.

Северо-Восточная секретная экспедиция Биллингса—Сарычева по описанию Чукотки (1786—1792)

В 1786 году на основании указа Екатерины II от 8.08.1785 Адмиралтейств-коллегия для завершения обследования и картографического описания арктического побережья в Северном Ледовитом океане от устья реки Колыма до выхода в Тихий океан вокруг Чукотского полуострова, не выполненного Великой Северной экспедицией, была организована Северо-Восточная секретная географическая и астрономическая экспедиция под командованием капитан-поручика флота Иосифа Биллингса (*англичанин, участник последней экспедиции Д. Кука, в 1783 г. принят лейтенантом в Российский флот)*. Помощником И. Биллингса был назначен капитан флота Гавриил Андреевич Сарычев *(выпускник Морского корпуса 1778 года).* Также в состав экспедиции были включены лейтенанты Роберт Галл *(англичанин, принят на российский флот в 1774 году гардемарином)* и Христиан Беринг *(внук В. Беринга, выпускник Морского кадетского корпуса 1782 года).*

Необходимо отметить, что еще в 1746 году майор Дмитрий Павлуцкий, решая задачи по усмирению местных чукч,

поднялся к истокам Анадыря, перевалил Илирнейский кряж, вышел к Чаунской губе, далее прошел к Шелагскому мысу, где заметил остров Айон и, пройдя немного восточнее, повернул назад. В течение трех походов велись съемки протяженностью более 1 500 километров побережья Чукотского полуострова, и были сформированы карты Чукотского полуострова. В 1747 году чукчи напали и разгромили отряд казаков, убив и самого майора. В 1763 году новый комендант Анадырского острога убедил сенат ликвидировать Анадырскую партию по причине невыгодности. Видимо, это было также одной из причин организации экспедиции И. Биллингса.

Экспедиция, как и все северные и северо-восточные экспедиции того времени, была объявлена секретной из-за увеличившейся активности, проявляемой Англией и другими странами. Был установлен строгий порядок хранения ее материалов и доставки их в Адмиралтейство.

Экспедиция была снабжена метеорологическими, астрономическими и другими инструментами, морскими и сухопутными картами и выписками из журналов путешественников в данном районе с 1724 по 1779 годы.

Экспедиция прибыла в Нижне-Колымск в 1786 году и организовала там постройку двух судов: «Паллас» и «Ясачная».

В июле 1787 г. И. Биллингс на «Палласе», а Г. Сарычев на «Ясачной» вышли из устья Колымы в Северный Ледовитый

океан и взяли курс на восток. Но обогнуть Чукотский полуостров и выйти в Берингов пролив не удалось. По приказу И. Биллингса из-за сплошного тумана и льдов корабли вернулись от Баранова камня обратно. Г. Сарычев же настаивал на продолжении плавания в Тихий океан и разведывании пути сквозь льды на байдарках. В результате удалось лишь произвести первую сравнительно точную опись побережья между Колымой и островом Айон (300 километров).

Осознав, что с запада невозможно пройти через Берингов пролив, И. Биллингс решил штурмовать пролив с востока — из Берингова моря.

Для решения поставленной задачи в Охотске в 1789 году были специально построены суда «Слава России» и «Доброе Намерение». Однако 8—9 января 1789 г. при первом же выходе в море из устья реки Охота судно «Доброе Намерение» было выброшено ветром на берег и погибло. Экипаж судна был спасен.

22 сентября 1789 года при продолжении похода к Берингову проливу лишь на одном судне был открыт остров Св. Ионы — единственный удаленный от берегов остров Охотского моря. Обогнув Камчатку, «Слава России» 5 октября 1789 г. вошла в Петропавловскую гавань Авачинского залива.

9 мая 1790 года «Слава России», проведя зимовку, вышла из Петропавловска к берегам Америки. На Алеутских островах Г. Сарычев на байдарах описал крупнейшие заливы

острова Уналашка: Бобровую бухту и Капитанскую гавань, на острове Кадьяк — залив Ляхик в гавани Трех Святителей, побывал в Чугацком заливе на коренном берегу Америки между полуостровом Кенайским и устьем реки Атна (Медная). Во время этого плавания Г. Сарычев постоянно проводил опись увиденных с борта судна островов.

13 октября 1790 года из-за недостатка провизии «Слава России» была вынуждена вернуться в Петропавловск.

19 мая 1791 года, осуществив очередную зимовку, «Слава России» снова вышла из Петропавловска и задержалась на некоторое время у острова Беринга в ожидании капитана Галла, который должен был за зиму построить на Камчатке новое судно. Во время плавания у острова Медного произошел характерный случай. Биллингс, предпочитая русским картам карты англичанина Кука, хотел идти курсом, на котором по русским картам были подводные камни. Только благодаря решительным настояниям Г. Сарычева курс был надлежащим образом изменен.

В конце июня «Слава России» подошла к Алеутским островам и, обойдя их с севера, 25 июня стала на якорь у острова Уналашка.

8 июля «Слава России» вышла в море и прошла мимо островов Прибылова и Св. Лаврентия к Берингову проливу.

После плавания в Беринговом море «Слава России» 4 августа зашла в губу Св. Лаврентия (залив Лаврентия). 5 августа на 12 больших чукотских байдарах приехали толмач

Николай Дауркин и казачий сотник Иван Кобелев, которые предупредили о невозможности пройти через Берингов пролив из-за нагромождения там льдов.

В результате И. Биллингс со спутниками доктором Михаилом Робэком и рисовальщиком Лукой Ворониным *(Г. А. Сарычев был оставлен на судне)* на оленях пересёк зимой 1791—92 года Чукотский полуостров до Нижне-Колымска. Посланный им сержант геодезии Гилев произвел на байдаре съемку берегов Чукотки только от мыса Дежнева на запад почти до Колючинской губы. Путь самого И. Биллингса от Мэчигмэнской губы до Нижне-Колымска пролегал на значительном удалении от берегов. Таким образом, экспедиция, хотя и собрала обширные сведения о жизни чукчей, одну из основных своих задач — опись северо-восточного побережья Азии — не выполнила.

2 сентября 1791 года капитан Галл привел на остров Уналашку вновь построенный катер «Черный Орел» и, как старший в чине, вступил в командование судном «Слава России». Г. Сарычев вступил в командование «Черным Орлом».

В феврале 1792 года Г. Сарычев занялся описью острова Уналашка. В продолжение 40 дней на трехместной байдаре в сопровождении нескольких алеутов он обошел вокруг острова, посетил ряд поселений алеутов и собрал ценнейшие сведения о природе этого крупнейшего острова Алеутской гряды и о быте его жителей. Названия многих мысов и бухт, появившиеся на карте Г. Сарычева, в частности Капитанская

гавань, названная так в честь предшественника Г. Сарычева капитана Левашова, сохранились до сих пор.

24 марта 1792 года Г. Сарычев вернулся к месту зимовки судов в Петропавловск. В середине апреля туда же прибыл геодезии сержант О. Худяков, производивший по поручению Г. Сарычева опись островов Унимак, Санак и юго-западной оконечности полуострова Аляски и открывший у северного берега Аляски группу небольших островов, названных его именем (острова Худякова).

14 июля 1793 года Г. Сарычев выехал из Охотска и в апреле 1794 года вернулся в Петербург.

После возвращения с Дальнего Востока Г. Сарычев усердно работал над книгой «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет при географической и астрономической экспедиции, бывшей под началом флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 г.». Книга эта была издана в 1802 г., а вскоре была переведена и издана в Германии, Франции и Голландии.

В 1811 году вышел другой труд Г. Сарычева «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне „Черный Орел“ по Северо-восточному океану в 1791 г. с приложением словаря двенадцати наречий диких народов, наблюдений над стужею в Верхнеколымском остроге и наставления, данного капитану Биллингсу из Го-

сударственной Адмиралтейств-коллегии».

В 1826 году был опубликован «Атлас северной части Восточного океана, составленный в чертежной Гос. Адмиралтейства Департамента с новейших описей и карт под руководством вице-адмирала и гидрографа Сарычева». Карты Г. Сарычева, помещенные в этом Атласе, были долгое время единственными для северной части Тихого океана не только в России, но и в Англии, и в Америке, где они были известны главным образом в копиях. Зарисовки Алеутских островов, сделанные Г. Сарычевым, стоят на первом месте не только в отечественных лоциях, но и в английской лоции 1940 г.

Первое кругосветное плавание И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева» (1803—1806)

Необходимо отметить, что все же первая кругосветная экспедиция российского флота была запланирована еще в конце XVIII века при императрице Екатерине II.

22 декабря 1786 года последовал Указ Екатерины II об организации кругосветной экспедиции, на основе которого Адмиралтейств-коллегия 17 апреля 1787 года издала Наставление начальнику предстоящей первой русской кругосветной экспедиции. Перечень задач экспедиции включал различные цели: военные, экономические, политические, научные. После обсуждения различных кандидатур начальником экспедиции был назначен 29-летний капитан 1-го ранга Григорий Иванович Муловский (выпускник Морского кадетского корпуса 1872 г., внебрачный сын вице-президента Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышева).

В эскадру Г. Муловского были включены пять судов: «Холмогор» («Колмагор») водоизмещением в 600 тонн, «Соловки» — 530 тонн, «Сокол» и «Турухан» («Турухтан») — по 450 тонн и транспортное судно «Смелый». Была прове-

дена большая работа по подготовке данных судов к кругосветному плаванию.

Однако когда 4 октября 1787 года суда экспедиции были готовы к отплытию из Кронштадта, а русским министром-послом в Англии уже были заказаны лоцманы для проводки эскадры из Копенгагена в Портсмут, поступила срочная депеша из Константинополя о начале войны с Турцией, что перечеркнуло все планы. Императрица распорядилась суда передать в Средиземноморскую эскадру для участия в боевых действиях.

С отменой экспедиции и начавшейся войны уже и со Швецией, Г. Муловский был назначен командиром корабля «Мстислав», на котором в 1788 году он участвовал в сражении при острове Гогланд. В 1789 году, в чине капитана бригадирского ранга, Г. Муловский участвовал в сражении у острова Эланд, во время которого был убит. Со смертью Г. И. Муловского Адмиралтейств-коллегия отказалась от плана кругосветного путешествия.

Иван Федорович (Адам Йохан) Крузенштерн *(выпускник Морского кадетского корпуса 1788 г.)* начинал свою службу на флоте под началом Г. И. Муловского и, вероятно, был осведомлён о его планах. В период своей стажировки на английском торговом флоте в 1793—1799 гг. И. Крузенштерн вынашивал план новой кругосветной экспедиции. В 1799 г. он направил один из своих проектов на французском язы-

ке из Калькутты на имя президента Коммерц-коллегии П. А. Соймонова, выдвигая на первый план снабжение Русской Америки и открытие пушной торговли с Китаем. Однако начало войны с Францией вновь остановило продвижение данного проекта

Очередной проект И. Крузенштерна, уже на русском языке, в 26 листов, датированный 1 января 1802 года, попал к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Н. С. Мордвинову как раз во время разработки проекта морской экспедиции на Камчатку.

26 июля (7 августа) 1802 года император Александр I лично утвердил проект И. Крузенштерна, предоставив ему право его осуществления.

Однако 29 июля, то есть через 3 дня после решения императора, министр коммерции Н. П. Румянцев и Н. П. Резанов от имени Главного правления Российско-Американской компании подали очень похожий проект, в котором они ссылались на проект И. Крузенштерна 1799 года. Главным в проекте было следующее: доставка в Русскую Америку требуемых товаров, освобождение жителей Якутской области от тяжёлых перевозок, усиление российского присутствия на Тихом океане, открытие торга в Китае. Со ссылкой на И. Крузенштерна предлагалось заселить остров Уруп и начать торговлю с Японией через посредничество айнов. В результате наличия двух проектов Правительство России приняло все же проект Российско-Американской компании (РАК).

7 августа 1802 года с большими проволочками И. Крузенштерн был официально назначен руководителем Первой русской кругосветной экспедиции. Юрий Федорович Лисянский *(выпускник Морского кадетского корпуса 1789 г., в котором подружился с И. Крузенштерном)* 21 августа также был принят на службу в РАК.

Из-за финансовых трудностей, возникших в РАК, снаряжение экспедиции было взято на баланс государства, а задачи экспедиции были сильно расширены в политическом плане: предстояло обследовать Сахалин и Курильские острова, наладить дипломатические отношения с Японией и открыть рынок Китая для торговли русскими мехами. Китайский этап экспедиции был привязан к посольству графа Ю. А. Головкина. Посольство в Японию должен был возглавить граф Н. П. Резанов.

24 сентября 1802 года Ю. Лисянский и корабельный мастер И. С. Разумов для покупки судов для экспедиции выехали в Гамбург, где не нашли необходимых судов. Далее они переехали в Англию, где и приобрели два шлюпа: 16-пушечный 450-тонный «Леандр», переименованный в «Надежду», и 14-пушечную 370-тонную «Темзу», перекрещённую в «Неву». По свидетельствам офицеров, суда были не готовы для кругосветного плавания в силу их старости и последствий участия в сражениях. До сих пор остается загадкой, почему РАК решило покупать суда за границей, а не использовать имеемые в России корабли, которых, по свиде-

тельству очевидцев, было не менее десяти *(видимо, как всегда — коррупция…).*

Негодность шлюпов стала очевидна сразу после их прибытия в Кронштадт 5 июня 1803 года. Судя по журналу штурмана «Невы» Д. Калинина и переписке Н. П. Румянцева, Н. П. Резанова, И. Ф. Крузенштерна и директоров РАК между собой, в особенно плачевном состоянии находилась «Надежда».

По документам экспедиции, на борту обоих шлюпов необходимо было разместить 129 человек, из которых 84 — на борту шлюпа «Надежда». Помимо офицеров, унтер-офицеров и матросов, в экспедиции участвовала еще и свита посла Н. П. Резанова с обслуживающим персоналом, сотрудники РАК, а также пятеро японцев, возвращаемых на родину. Офицеры на период экспедиции получали отпуск с военной службы и заключали контракты с РАК, однако время плавания входило в стаж службы и морской ценз *(пять офицеров и унтеров получили очередные звания во время путешествия)* .

Командиры шлюпов оказались разными по обращению с подчиненными: И. Крузенштерн *(командир шлюпа «Надежда»)* считал, что необходимо относиться к команде мягко, а Ю. Лисянский, напротив, ввёл на шлюпе «Нева» суровую дисциплину и активно применял телесные наказания *(впоследствии был уволен со службы).* Кроме этого, в нарушение инструкций Адмиралтейств-коллегии, Ю. Лисянский стремился действовать самостоятельно от шлюпа «Надежда».

Несмотря на то, что РАК не предусматривала для экспедиции научных целей, И. Крузенштерн все же обратился к Академии наук *(членом-корреспондентом которой был избран 25 апреля 1803 года)* и собрал «учёный факультет». В качестве астронома был зачислен швейцарец Иоганн Горнер, а ботаником и зоологом — Вильгельм Тилезиус, ставший также главным художником экспедиции. Ботаником экспедиции был зачислен русский естествоиспытатель Ф. П. Брыкин. Академия наук также предоставила для учёных экспедиции некоторые инструкции. Так, В. М. Севергин составил особую инструкцию по изучению минералов и «Теории Земли», инструкция по ботанике была составлена профессором Т. А. Смеловским, а по зоологии — академиком А. Ф. Севостьяновым.

Для определения географических координат в экспедицию были взяты хронометры, для метеорологических наблюдений — барометр и термометры, при этом температура на «Надежде» измерялась в градусах Реомюра, а на «Неве» — по шкале Фаренгейта. Для измерения температуры воды по глубине были взяты «Гельсовы машины» — примитивные батометры.

Экспедиция вышла из Кронштадта 26 июля (7 августа) 1803 года, при этом император Александр I перед отправлением шлюпов лично осмотрел их и разрешил поднять на них военно-морские флаги Российской империи. Содержание одного из кораблей император принял на свой счет, а

расходы по эксплуатации другого взяла на себя РАК.

Маршрут первой русской кругосветной экспедиции был весьма сложен: Кронштадт — Копенгаген — английский Фалмут — Канарские острова — Флорианополис в Бразилии — обход мыса Горн — остров Пасхи — Маркизские острова — Гонолулу на Гавайях — Петропавловск-Камчатский — Япония — Сахалин — острова Ситка и Кадьяк у побережья Аляски — китайский Гуанчжоу — Макао — остров Святой Елены — вокруг мыса Доброй надежды к Азорским островам — английский Портсмут — Кронштадт *(маршрут на вклейке 6.2)*.

14 ноября 1803 года по меридиану 24°20» западной долготы экспедиция пересекла экватор, что было первым случаем, когда корабли под российским флагом вошли в Южное полушарие. По этому поводу на судах провели праздник пересечения экватора. Так возникла знаменитая ныне корабельная традиция праздников Нептуна при пересечении экватора.

9 декабря шлюпы пришли к острову Св. Екатерины (у берегов Бразилии) и здесь задержались до 23 января 1804 г., чтобы переменить на «Неве» фок- и грот-мачты, о хилости которых было известно еще при покупке.

Обогнув мыс Горн, корабли 12 марта во время шторма разлучились.

25 апреля шлюп «Надежда» прибыл и встал на якорь у острова Нуку-Хива Маркизских островов, 27 апреля туда же

прибыл шлюп «Нева». У острова Нуку-Хива корабли пробыли до 7 мая. За это время была найдена и описана удобная якорная стоянка, названная портом Чичагова, и определены широты и долготы нескольких островов и пунктов.

27 мая шлюпы достигли берегов Гавайских островов, где, не получив ожидаемой заправки продовольствием, «Надежда» с русским посольством на борту пошла в Петропавловск-Камчатский, куда и прибыла 3 июля. «Нева» же по плану пошла в Русскую Америку к острову Кадьяк.

Плавание шлюпа «Надежда»

27 августа «Надежда» вышла из Петропавловска-Камчатского и 26 сентября встала на якорь в Нагасаки (Япония). Русское посольство во главе с Н. П. Резановым сошло на берег. Однако переговоры с правительством Японии не увенчались успехом. Японцы не только не согласились на какой-либо договор с Россией, но даже не приняли подарков, предназначенных японскому императору. Несолоно хлебавши посольство вернулось на борт шлюпа.

5 апреля 1805 года «Надежда» покинула Нагасаки и прошла через Корейский пролив; на карту при помощи астрономических наблюдений были нанесены неизвестные до того времени европейцам многие приметные пункты западного побережья Японии.

1 мая «Надежда» прошла через пролив Лаперуза из Япон-

ского моря в Охотское, где были произведены некоторые гидрографические работы, и 23 мая вернулась в Петропавловск-Камчатский, где посольство Н. П. Резанова покинуло шлюп.

Примечательно, что император назначил Н. П. Резанова соруководителем экспедиции, но об этом И. Ф. Крузенштерна не уведомил. По прибытии на судно Н. П. Резанов о своих полномочиях не заявил, поскольку боялся, что И. Ф. Крузенштерн откажется выйти из Кронштадта. В период плавания Н. П. Резанов делил с И. Ф. Крузенштерном одну каюту, но в ходе экспедиции между ними возник такой конфликт, что начальники общались между собой записками. По прибытии на Камчатку Н. П. Резанов написал донос и потребовал наказания экипажа и суда над И. Ф. Крузенштерном. Их едва помирили, причем обстоятельства примирения, описанные в письмах и мемуарах враждующих сторон, разительно не сходятся.

С 23 июня по 19 августа 1805 года И. Ф. Крузенштерн организовывал гидрографические работы в Охотском море.

23 сентября 1805 года «Надежда» после перегрузки трюмов и пополнения запасов провизии вышла из Петропавловска в обратное плавание в Кронштадт. Через пролив Баши она проследовала в Южно-Китайское море и 8 ноября бросила якорь в Макао (португальской колонии в Китае).

Плавание шлюпа «Нева»

1 июля 1804 года, расставшись с «Надеждой» на Гавайских островах, шлюп «Нева» под командованием Ю. Ф. Лисянского встал на якорь в Павловской гавани острова Кадьяк на Аляске в Русской Америке. Выполнив данные ему поручения, произведя некоторые гидрографические работы у берегов Русской Америки и приняв меха Российско-американской компании, «Нева» 15 августа 1805 г. вышла из Ново-Архангельска, взяв курс на Макао, как это было заранее условлено с И. Ф. Крузенштерном. На борт шлюпа были взяты три мальчика из креолов (отец русский, мать алеутка) для того, чтобы те получили в России специальное образование, и затем вернулись в Русскую Америку.

3 октября на пути в Кантон «Нева» села на коралловую мель. На рассвете исследователи увидели, что шлюп находится вблизи небольшого острова. С трудом «Нева» снялась с мели 7 октября, опуская за борт на канатах пушки для облегчения корпуса. Остров в честь командира шлюпа получил название острова Лисянского, а риф, на который «Нева» села на мель, — рифом Невы.

11 октября вблизи «Невы» был замечен еще один бурун, названный рифом Крузенштерна.

На дальнейшем пути в Кантон «Нева» попала в жесточайший тайфун, во время которого получила некоторые по-

вреждения. Значительное количество пушных товаров было подмочено, и в результате они были выброшены в море.

16 ноября, обогнув с юга остров Формозу, «Нева» вошла в Южно-Китайское море и 21 ноября бросила якорь в Макао, где в это время уже стояла «Надежда».

Возвращение шлюпов на Родину

Продажа мехов задержала «Надежду» и «Неву», и только 31 января 1806 г. оба шлюпа оставили китайские воды. В дальнейшем суда прошли через Зондский пролив и 21 февраля вошли в Индийский океан.

3 апреля, находясь около мыса Доброй Надежды, при пасмурной погоде с дождем, шлюпы разлучились. И. Ф. Крузенштерн записал в своем дневнике: «14-го апреля увидели мы два корабля, один на NW, а другой на NO. Первый признали мы „Невою“, но как „Надежда“ ходила хуже, то скоро „Нева“ опять ушла из виду, и мы ее уже не видели до нашего прибытия в Кронштадт».

Местом встречи на такой случай И. Ф. Крузенштерн назначал остров Св. Елены, куда «Надежда» и прибыла 21 апреля. На острове И. Ф. Крузенштерн узнал о разрыве отношений между Россией и Францией. 26 апреля, во избежание встречи с французскими крейсерами, «Надежда» покинула стоянку у острова, и И. Ф. Крузенштерн избрал путь в Балтийское море не через Ла-Манш, как обычно, а к северу от

Британских островов.

7 августа 1806 года, после 1108-дневного плавания, шлюп «Надежда» вернулся в Кронштадт. За время плавания шлюп провел под парусами 445 дней (более 40% времени). Самый длительный переход был от острова Св. Елены до Хельсингёра (Дания), который продолжался 83 дня.

«Нева» после расставания с «Надеждой» не зашла на полагаемый инструкцией И. Ф. Крузенштерна остров Св. Елены, а прошла прямо в Портсмут (Англия), где простояла с 16 июня по 1 июля.

22 июля 1806 года шлюп «Нева» прибыл в Кронштадт, пробыв в плавании 1090 дней, из них под парусами 462 дня (более 42% времени). Самым длительным был переход от Макао до Портсмута, продолжавшийся 142 дня, что стало рекордом для российских кораблей того времени.

Здоровье команд на обоих кораблях по меркам того времени было отличное. На «Надежде» умерло только два человека: повар посланника Н. П. Резанова, болевший туберкулезом еще при поступлении на судно, и лейтенант Головачев, застрелившийся по неизвестной причине во время стоянки у острова Св. Елены. На «Неве» в период плавания один матрос упал в море и утонул, три человека были убиты во время военной стычки с аборигенами в Русской Америке у города Ново-Архангельска, и два матроса умерли от случайных болезней.

30 августа 1806 года шлюп «Надежда» посетил импера-

тор Александр I. Все офицеры экспедиции были пожалованы чинами и пенсиями. И. Ф. Крузенштерн был удостоен ордена Св. Владимира 3 степени и был избран почётным членом Академии наук. Матросы шлюпов «Надежда» и «Нева» получили отставку с пенсионом в 50 рублей в год.

К географическим достижениям первой российской кругосветной экспедиции можно отнести следующие ее результаты. В период плавания широко применялись астрономические определения географических пунктов. Так, во время плавания «Надежды» в Японском и Охотском морях было выполнено более ста астрономических пунктов. Частые определения географических координат пунктов, посещенных или увиденных участниками экспедиции, являются большим вкладом в географическую науку.

На пути из Японии к Камчатке И. Ф. Крузенштерн проследовал Восточным проходом в Японское море и заснял западный берег Хоккайдо, а также южный берег острова Кюсю и Вандименов пролив, острова Цусима и Гото, северо-западный берег Хонсю, вход в Сангарский пролив и ряд других прилегающих к Японии островов. Был обнаружен небольшой залив Мордвинова, описаны берега залива Терпения. Данные им названия сохранились на картах нашего времени (например, мысы Сенявина и Соймонова). Пройдя острова Курильской гряды проливом, ныне носящим его имя, И. Ф. Крузенштерн открыл четыре острова. Далее, пройдя Проливом Надежды, команда И. Ф. Крузенштерна вышла к

сахалинскому Мысу Терпения и вела съёмки до мыса Левенштерна, описав более 900 км побережья. Далее на Сахалине был открыт Северный залив, входной и выходной мысы которого получили имена Елизаветы и Марии. У северного входа в Амурский лиман глубины оказались незначительными, и И. Ф. Крузенштерн пришёл к «не оставляющему ни малейшего сомнения выводу», что Сахалин — полуостров *(что было исправлено позже экспедицией Г. И. Невельского)*. Во время своего плавания в заграничных водах И. Ф. Крузенштерн также описал южный берег острова Нуку-Хива.

Ю. Ф. Лисянский вместе со штурманом «Невы» Д. В. Калининым описал в заливе Аляска остров Кадьяк, а также часть архипелага Александра. При этом западнее острова Ситки Д. Калинин обнаружил остров Крузова, считавшийся ранее полуостровом. Крупный остров к северу от Ситки Ю. Лисянский назвал именем В. Я. Чичагова. По пути с острова Кадьяк в Макао были открыты необитаемый остров Лисянского и риф Нева, причисляемые к Гавайскому архипелагу, а к юго-западу от них — риф Крузенштерна. Также Ю. Ф. Лисянский описал остров Пасхи.

Участники первого российского кругосветного плавания выполнили разнообразные океанологические наблюдения: они открыли Межпассатные противотечения в Атлантике и Тихом океане; впервые в мире провели измерения температуры воды на глубинах в девяти местах, в том числе и до 400 м; проводили определения удельного веса, прозрачности и

цвета морской воды; выяснили причину свечения моря; собрали многочисленные данные о давлении атмосферы, приливах и отливах в ряде районов Мирового океана.

Из офицеров, совершивших кругосветное плавание, многие потом с честью служили в российском флоте. Так, кадет Морского кадетского корпуса Отто Коцебу стал затем командиром корабля и совершил в этом качестве два кругосветных плавания. Фаддей Беллинсгаузен позднее возглавил кругосветную экспедицию на шлюпах «Восток» и «Мирный» и открыл Южный континент (Антарктиду). Марк Ратманов позже стал также известным мореплавателем, вице-адмиралом.

Описание экспедиции было опубликовано за казенный счет И. Ф. Крузенштерном в 1809—1812 гг. под заглавием «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях „Надежда“ и „Нева“, под начальством капитан-лейтенанта Крузенштерна», в 3 томах, с атласом из 104 карт и гравированных картин. Книга была также потом переведена на английский, французский, немецкий, голландский, шведский, итальянский и датский языки.

В 1812 г. Ю. Ф. Лисянский с обидой на Морское министерство, не давшее денег на издание его трудов, опубликовал за свой счет «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле „Нева“ с приложением атласа карт и рисунков». Однако, по отзывам современников, данный труд не получил широкого распространения.

Для справки:

Шлюп «Надежда» погиб в 1808 году у берегов Дании.

20 октября 1806 года «Нева» уже с новым экипажем вновь взяла курс в Атлантику, отправляясь в вторую российскую кругосветную экспедицию под командованием лейтенанта Леонтия Андриановича Гагемейстера (в 1818 г. главный правитель Русской Америки). Он пошел не привычным путем — огибая южноамериканский мыс Горн, а через африканский мыс Доброй Надежды. Позже эта морская трасса из Кронштадта в Русскую Америку была названа русскими моряками «Путем Гагемейстера». В июне 1807 года шлюп первым из русских кораблей посетил Австралию, после чего прибыл в Русскую Америку в город Ситка. Летом 1809 года «Нева» доставила в Петропавловск-Камчатский продовольствие и сандаловое дерево, купленные на Гавайях. Из-за военного конфликта России с Англией Л. А. Гагемейстеру, завершившему свою часть перехода в Русскую Америку, пришлось добираться в Россию сухопутным путем.

В августе 1812 года с новым командиром на борту шлюп с грузом пушнины отплыл из Охотска в Русскую Америку. Переход выдался трудным, корабль изрядно потрепали шторма, часть экипажа умерла от цинги. Не дойдя до Ново-Архангельска всего несколько километров, шлюп в штормовую погоду в ночь на 9 января 1813 года налетел на скалы и потерпел крушение у острова Крузова. От экипажа осталось 28 человек, которым удалось вплавь достичь берега и пере-

жить зиму 1813 года. Таким образом, шлюпу «Нева» не удалось завершить кругосветное плавание.

Полукругосветное плавание В. М. Головнина на шлюпе «Диана» (1807—1813)

Шлюпы первой кругосветной российской экспедиции «Надежда» и «Нева», хотя и участвовали в плавании под военным флагом и были укомплектованы военной командой, все же были коммерческими кораблями, так как принадлежали Российско-американской компании. Первым же российским военным кораблем, построенным на русской верфи и совершившим плавание из Балтийского моря в Тихий океан, стал шестнадцатипушечный шлюп «Диана» *(водоизмещение 300 т и длина 91 фут)*. Командиром «Дианы» был назначен лейтенант Василий Михайлович Головнин *(выпускник Морского кадетского корпуса 1793 г.)*, уже знакомый с дальними плаваниями, так как до своего назначения на «Диану» несколько лет имел практику дальних плаваний в качестве волонтера английского флота.

Целью экспедиции было доставить для русских поселенцев на Аляске необходимые материалы и продовольствие, оградить осваиваемые земли от внешних посягательств и произвести в этих районах научные исследования, а по дороге также описать Курильские острова.

25 июля 1807 года «Диана» вышла из Кронштадта и, зай-

дя на пути в Хельсингёр (Дания), уже в сентябре была в Портсмуте. Здесь из-за всякого рода задержек, чинимых английской таможней, «Диана» простояла до 1 ноября. О английской таможне В. М. Головнин записал в своем дневнике: «Все знают, что подлее, бесчестнее, наглее, корыстолюбивее и бесчеловечнее английских таможенных служителей нет класса людей в целом свете».

После ухода «Дианы» из Портсмута Россия объявила войну Англии, и находившиеся одновременно с «Дианой» в Портсмуте фрегат «Спешный» и транспорт «Вильгельмина» были задержаны, а имевшиеся на них грузы, в частности золото и серебро, на сумму около двух миллионов рублей были конфискованы.

9 января 1808 года «Диана» пришла на остров Св. Екатерины (Бразилия).

У мыса Горн «Диану» встретили жестокие штормы. Среди команды появились признаки цинги. 29 февраля В. М. Головнин повернул на восток с целью обогнуть мыс Доброй Надежды.

21 апреля «Диана» стала на якорь в Саймонс-бей у мыса Доброй Надежды, вблизи стоявшей здесь английской эскадры. Несмотря на то что у В. М. Головнина на случай войны России с Англией имелся специальный пропуск английского правительства, «Диана» была задержана. Только благодаря отважности В. М. Головнина и хорошему знанию им системы ветров, спустя 13 месяцев фактического ареста шлюпа

ему удалось обманом англичан ночью «сбежать» из бухты.

Опасаясь погони, «Диана» шла на юг до 40° ю. ш., а затем повернула на восток и совершила безостановочный переход от мыса Доброй Надежды до острова Танна в архипелаге Новые Гебриды. На острове были определены географические координаты гавани Резолюшин (19°32'17» ю. ш. и 169°19'00» в. д.), а также был выполнен промер ее глубин и сделано топографическое описание *(остров был посещен ранее лишь экспедицией Д. Кука).*

25 сентября стала «Диана» бросила якорь на рейде города Петропавловск-Камчатский. Плавание продолжалось 794 дня — из них под парусами 326 дней и на якоре 468 дней. Самый длительный переход, от острова Св. Екатерины до мыса Доброй Надежды, продолжался 93 дня.

После прихода на Камчатку В. М. Головнин осуществлял плавания на «Диане» в водах Русской Америки (Аляска, Калифорния).

В апреле 1811 г. В. М. Головнин получил предписание от военного министра о том, «чтобы сделано было точнейшее описание островов южных Курильских и лежащих напротив Удинского порта островов Шантарских, а равно и берегов Татарии».

В. М. Головнин решил начать опись Курильской гряды от пролива Надежды, находящегося между 12 и 13 островами (48° с. ш.), и продолжить ее до острова Матсмай (Хоккайдо). Успешно продвигаясь от острова к острову на юг, В.

М. Головнин определял при помощи астрономических наблюдений точные географические координаты бухт, мысов и проливов, вычерчивал контуры островов. Были осмотрены и описаны острова: Расшуа, Кетой, Ушисир, Симусир, Южный и Северный Чирпой, Уруп и др.

В начале июля 1811 года В. М. Головнин, завершив опись Курильских островов, решил пополнить запасы дров и воды на острове Кунаншр. Однако вместе с сопровождавшими его двумя офицерами, четырьмя матросами и переводчиком-курильцем, сошедшими на берег для переговоров с японскими властями острова, он был вероломно ими захвачен в плен. Оставшийся на борту «Дианы» П. И. Рикорд *(выпускник Морского кадетского корпуса 1794 г., будущий адмирал, председатель Морского ученого комитета России)* предпринимал ряд мер для освобождения своего командира, но безуспешно. Только спустя два года и два месяца, после победы в Отечественной войне 1812 г., В. М. Головнин со спутниками был освобожден и вернулся через Сибирь в Петербург.

Исследования, проведенные В. М. Головниным на «Диане», внесли существенный вклад в географическую науку. Его работы по съемке Курильских островов завершали многолетние исследования русских исследователей. Многие предшествующие картографические произведения и материалы о Курилах страдали неточностями, особенно большие искажения наблюдались по долготе места. Некоторые из Ку-

рильских островов, расположенные в их южной части, были нанесены на картах дважды под различными названиями; другие — небольшие, ничего не значащие, были увеличены в пять или десять раз по сравнению со своими настоящими размерами. Одни острова были между собой сближены, другие — несоразмерно удалены. Даже на картах И. Ф. Крузенштерна, отличавшихся точностью географического положения в северной части, почти все названия южных Курильских островов были перепутаны. Например, остров Матуа был обозначен на карте под названием Райкоке, остров Ушисир — под названием Расшуа, остров Кетой — под названием Ушисир, остров Симусир — под названием Кетой. В. М. Головнин также исправил ошибки на картах, выполненных французом Ж. Лаперузом в 1787 году.

Описание плавания «Дианы» было опубликовано в 1819 г. в двух томах под названием «Путешествие российского императорского шлюпа „Диана“ из Кронштадта в Камчатку, в 1807, 1808 и 1809 годах, под начальством лейтенанта В. Головнина».

Кругосветное плавание М. П. Лазарева на корабле Российско-американской компании «Суворов» (1813—1816)

Очередная кругосветная экспедиция также состоялась с главной целью поддержания Русской Америки.

9 октября 1813 года из Кронштадта на Дальний Восток вышел с грузами корабль Российско-американской компании «Суворов» (длиной 100 футов) под командованием лейтенанта Михаила Петровича Лазарева *(выпускник Морского кадетского корпуса 1808 г. после 5-летней стажировки на кораблях английского флота).*

19 октября «Суворов» пришел в Карлскруну (Швеция), откуда вместе с другими коммерческими судами под охраной военных судов вышел 24 октября.

27 ноября «Суворов» прибыл в Портсмут, где принял на борт дополнительные грузы для Русской Америки и лишь 26 февраля 1814 года, вместе с другими торговыми судами, направлявшимися под прикрытием трех военных кораблей и двух бригов в Вест-Индию, покинул Портсмут. Дойдя с этими судами до острова Порто-Санто (близ острова Мадейра), «Суворов» под командованием М. П. Лазарева направился в Рио-де-Жанейро, куда и прибыл 22 апреля.

25 мая «Суворов» вышел в море и, обогнув мыс Доброй Надежды и Южный мыс Тасмании, 13 августа прибыл в Порт-Джексон (Сидней).

28 сентября ориентировочно на 13° ю. ш. и 163° з. д. была усмотрена, посещена и положена на карту группа из пяти необитаемых коралловых островков, соединенных друг с другом коралловыми банками. Эта группа в честь корабля была названа островами Суворова.

18 ноября 1814 года «Суворов» прибыл в Ново-Архангельск.

В начале 1815 года «Суворов» ходил за пушниной к островам Св. Павла и Св. Георгия (группы Прибылова), в мае вернулся в Ново-Архангельск и 23 июля вышел оттуда с грузом пушнины и товаров, предназначенных для продажи в Лиме (Перу).

По дороге зашли в Сан-Франциско, где на «Суворов» были приняты вода и провизия, которыми не смогли запастись в Ново-Архангельске.

На пути от Сан-Франциско в Кальяо (порт Лимы) «Суворов» остановился у острова Сокорро (в архипелаге Ревилья-Хихедо), и М. П. Лазарев, сойдя на несколько часов на берег, определил по лунным расстояниям его координаты. Следуя далее на юг, М. П. Лазарев у острова Кокос проверил хронометры, затем зашел в селение Санта-Роса.

25 ноября «Суворов» прибыл в Кальяо и простоял здесь, производя разные торговые операции, до 14 февраля 1816

года. Во время стоянки по многим лунным расстояниям была определена долгота порта. В Кальяо М. П. Лазарев взял с собой подаренное русскому царю местными властями собрание перуанских древностей.

После Кальяо «Суворов» обогнул мыс Горн, зашел на остров Фернандо-Норонья, затем в Портсмут, в Хельсингёр и 15 июля 1816 года вернулся в Кронштадт.

Все плавание «Суворова» из Кронштадта и обратно продолжалось 2 года 9 месяцев, а если исключить из этого времени плавания и стоянки у берегов Русской Америки, то всего 772 дня, из них под парусами 484 дня, на якоре — 289 дней. Самый длительный переход под парусами был от Рио-де-Жанейро до Порт-Джексона, который продолжался 112 дней.

Экспедиция на корабле «Суворов» под командованием М. П. Лазарева внесла весомый вклад русских моряков в познание Тихого океана. Была открыта группа неизвестных островов в Тихом океане, исправлены координаты ряда географических пунктов в Тихом и Индийском океанах, составлена лоция рекомендованных курсов на подходе к городу Ситка на Аляске с океана, выполнена съемка ряда островов у берегов Северной Америки, юго-восточных берегов Австралии, берегов Калифорнии и Бразилии. Собран богатый материал по этнографии и зоологии. Впервые в Россию и Европу были привезены такие животные, как ламы, альпаки и черепахи, а также некоторые перуанские древности.

Кругосветное плавание О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик» (1815—1818)

Кругосветное плавание брига «Рюрик» под руководством лейтенанта Отто Евстафьевича Коцебу, до этого уже совершившего кругосветное плавание кадетом на корабле «Надежда», отличалось от всех предыдущих дальних плаваний российских судов.

Корабли, на которых русские моряки огибали земной шар, либо принадлежали Российско-американской компании, либо были военными. Бриг «Рюрик» был приобретен, снаряжен и осуществлял плавания на средства председателя Государственного совета и Кабинета министров Российской империи графа Николая Петровича Румянцева.

Все дальние плавания русских судов до «Рюрика» преследовали те или иные практические цели. Научные наблюдения производились на этих судах лишь попутно. Экспедиция же на «Рюрике» была организована специально для географических открытий и научных исследований. Ее главной задачей было отыскание морского пути из Берингова моря в Атлантический океан, придерживаясь берегов Северной Америки *(т. е. обратное направление относительно секретной экспедиции В. Я. Чичагова).* Кроме главной цели, экспедиция должна была заняться также географическими исследованиями в Тихом океане.

Инструкции для экспедиции по морской части были составлены И. Ф. Крузенштерном, по представлению которого О. Е. Коцебу *(как уже указывалось ранее, мачеха Отто была родной сестрой Ивана Федоровича)* и был назначен ее начальником.

Специально для экспедиции в Або (Турку) был построен бриг «Рюрик». По своим размерам это было самое маленькое из всех русских парусных судов, совершивших кругосветные плавания. Его водоизмещение составляло всего лишь 180 тонн.

18 июля 1815 года «Рюрик» вышел из Кронштадта и 28 июля прибыл в Копенгаген, где на него сели приглашенные участвовать в экспедиции ученые Вормшёльд и Адельберт Шамиссо.

Выйдя из Копенгагена 5 августа и зайдя в Хельсингёр, «Рюрик» 5 сентября пришел в Плимут.

Только 23 сентября после серии штормов «Рюрик» вышел в море, зашел на четыре дня на остров Тенерифе и 30 ноября стал на якорь у бразильского острова Св. Екатерины.

16 декабря «Рюрик» вышел в океан. В районе мыса Горн О. Е. Коцебу чуть не оказался за бортом из-за накатившей гигантской волны. К счастью, он успел ухватиться за бухту троса и спасся только каким-то чудом.

Обогнув мыс Горн, «Рюрик» зашел в бухту Консепсьон (Чили), а 30 января 1816 года стал на якорь у города Талькауано (Чили). Исправив нанесенные штормами поврежде-

ния на судне и запасшись провизией и водой, О. Е. Коцебу направил «Рюрик» к значившейся на картах около 27° ю. ш. «Земле Девиса».

Не найдя этой земли, «Рюрик» прошел к острову Пасхи и 16 марта стал на якорь в Куковой бухте. К удивлению, местные жители встретили команду «Рюрика» весьма неприязненно и при попытке высадиться на берег забросали камнями. Члены экспедиции увидели, что огромные каменные статуи на острове, о которых рассказывали мореплаватели XVIII в. Роггевен, Кук и Лаперуз, а позднее Ю. Лисянский, сброшены со своих пьедесталов и разрушены. Как выяснилось впоследствии, какой-то американский шкипер в 1805 г. ограбил островитян и разрушил статуи. В результате О. Е. Коцебу отказался от своего намерения осмотреть остров и в тот же день от него отошел.

4 апреля, на подходе к архипелагу Туамоту, О. Е. Коцебу положил на карту остров, названный им Сомнительным из-за неуверенности, не является ли он островом «Собачьим», открытым еще в 1616 г. голландцем Скоутеном. После этого в том же архипелаге О. Е. Коцебу усмотрел необитаемые атоллы Румянцева, Спиридова, цепь Рюрика (острова Паллисера и Скоутена и остров Мух) и, наконец, острова Крузенштерна.

Не обнаружив показанных на картах островов Баумана, Роггевена и Тинховена, О. Е. Коцебу направил «Рюрик» к островам Пенрин (Тонгарева), издали виденным в 1788 г. ан-

глийским капитаном Севером. Подойдя к ним 19 апреля, О. Е. Коцебу положил их на карту и завязал с островитянами меновую торговлю.

Дальше О. Е. Коцебу направил «Рюрик» на северо-запад и в северной части Маршалловых островов 9 мая открыл два атолла: Суворова и Кутузова, связанные коралловым рифом. После этого, стремясь попасть на Камчатку в благоприятное для исследований время года, О. Е. Коцебу повернул курс «Рюрика» на север и 7 июня пришел в Петропавловск.

В отечественных водах — в Беринговом и Чукотском морях — командой «Рюрика» был сделан ряд важных географических открытий и проведены гидрографические работы. В частности, при работах в Беринговом проливе был открыт крупнейший залив, получивший в дальнейшем имя Коцебу, а также залив Шишмарева с островом Сарычева на его входе.

15 сентября «Рюрик» отправился из Уналашки в Сан-Франциско, куда прибыл через четыре дня. В Сан-Франциско О. Е. Коцебу тщательно подготовил экипаж и судно к плаванию в тропиках.

20 октября «Рюрик» вышел из Сан-Франциско и 12 ноября подошел к Гавайям — самому южному из Гавайских островов. 15 ноября «Рюрик» стал на якорь в Гонолулу, в малоизвестную в то время гавань на острове Оаху. За время пребывания в Гонолулу О. Е. Коцебу определил его координаты, произвел магнитные наблюдения и наблюдения над при-

ливами.

2 декабря «Рюрик» вышел из Гонолулу и пошел курсом на показанные на карте острова Корнуэлс и Сан-Педро, якобы открытые английским фрегатом «Корнуэлс» в 1807 г. на пути от Гавайских островов в Кантон. Однако этих островов О. Е. Коцебу не нашел, но зато 20 декабря 1816 г. *(1 января 1817 г. нового стиля)* открыл обитаемый атолл Нового года.

23 декабря была обнаружена цепь коралловых островов, названных именем спонсора экспедиции Румянцева. Вход в лагуну нашел помощник О. Е. Коцебу лейтенант Глеб Семенович Шишмарев *(выпускник Морского кадетского корпуса 1804 г.)*. В лагуне, у островка Отдиа, «Рюрик» простоял около месяца. За это время от местных жителей, с языком которых он несколько познакомился, О. Е. Коцебу узнал о расположении близлежащих островов и в феврале 1817 года открыл последовательно острова: Чичагова, Аракчеева, Траверсе и Крузенштерна.

28 февраля 1817 г. О. Е. Коцебу, прекратив исследования в тропиках, пошел на север к острову Уналашка, к которому пришел 12 апреля.

6 августа, совершив плавание по Берингову морю, «Рюрик» из Уналашки снова ушел в Гонолулу и, определив на пути положение острова Джонстон, 19 октября стал на якорь в лагуне островов Румянцева.

23 октября, по пути на запад, О. Е. Коцебу увидел и положил на карту острова Гейдена, затем «Рюрик» зашел на Гуам

(Марианские острова) и 5 декабря бросил якорь в Маниле.

17 января 1818 года после основательной починки «Рюрик» вышел в море и, пройдя через Зондский пролив и зайдя в Столовую бухту (у мыса Доброй Надежды), направился к острову Св. Елены. Англичане, охранявшие заточенного здесь Наполеона, встретили его пушечными выстрелами с береговой батареи. Отказавшись от захода, О. Е. Коцебу направил «Рюрик» на север и по пути определил координаты острова Вознесения.

22 июля 1818 года, зайдя в Портсмут, Копенгаген и Ревель, «Рюрик» встал на якорь на реке Нева перед домом Николая Петровича Румянцева *(Английская набережная, д. 44),* снарядившего эту экспедицию.

Всего за время плавания, считая от выхода из Кронштадта до прихода в первый русский порт на Дальнем Востоке и от выхода из последнего русского порта до возвращения в Кронштадт, под парусами было пройдено 696 дней. Самый длительный переход под парусами был от губы Консепсьон до Камчатки, который продолжался 102 дня. За время плавания умер всего один матрос.

Труды экспедиции были опубликованы в 1821—1823 гг. в трех томах под заглавием «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив, для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах, иждивением Е. С. Госуд. Канцлера графа Н. П. Румянцева, на корабле „Рюрик“, под начальством фл. лейт. Коцебу».

Описание плавания О. Е. Коцебу на «Рюрике» было переиздано на иностранных языках: английском (Лондон, 1821), голландском (Амстердам, 1821) и немецком (Веймар, 1821, Ганновер, 1821).

Результаты кругосветной экспедиции на бриге «Рюрик» были весьма велики. Во время плавания было положено на карту множество островов, доказано, что многие острова, до того показанные на картах того времени, либо не существуют вовсе, либо положены на карту совершенно неверно. Береговые астрономические наблюдения всегда сопровождались магнитными наблюдениями и наблюдениями над приливами.

Весьма важными оказались и результаты метеорологических и океанологических наблюдений. Было произведено свыше 300 измерений температуры и плотности поверхностных вод океана. Кроме того, было выполнено 83 измерения температуры на различных глубинах океана, в том числе в 10 местах с помощью термометра Сикса измерялись вертикальные ряды температуры. Наибольшая глубина, на которой измерялась температура, была 1829 метров — рекорд того времени. Впервые в мире измерялись относительная прозрачность морской воды, для чего на тросе опускалась в море белая металлическая тарелка *(в нескольких случаях такая тарелка обертывалась красной материей)* и отмечалась глубина, на которой эта тарелка исчезала из виду *(метод практикуется и в настоящее время)*.

Во время пребывания в Беринговом проливе в заливе, получившем впоследствии название «Залив Коцебу» впервые в Северной Америке был открыт и описан ископаемый лед и найден в нем бивень мамонта. Во время пребывания на Маршалловых островах было описано строение коралловых островов и впервые высказана гипотеза о их происхождении, что отмечал впоследствии Чарльз Дарвин.

Весьма большую ценность представляют этнографические наблюдения О. Е. Коцебу на островах Туамоту и Маршалловых, которых в то время еще не коснулась европейская цивилизация.

Весьма высоко оценил плавание на «Рюрике» С. О. Макаров, написавший: «Научные исследования будут производиться независимо от размеров кораблей, и надо радоваться, если каждый капитан привезет даже в 60 раз меньше, чем Коцебу».

Кругосветное плавание В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка» (1817—1819)

В 1816 г. Морское министерство решило отправить на Дальний Восток военное судно с задачами: 1) доставить разные материалы и запасы в Петропавловский и Охотский порты, 2) обследовать положение дел Российско-американской компании на месте и 3) произвести опись районов Русской Америки, еще недостаточно точно положенных на карту.

Специально для этой цели был построен шлюп «Камчатка» длиной 130 футов и грузоподъемностью до 900 тонн. Командиром «Камчатки» был назначен уже известный своим плаванием на «Диане» капитан 2-го ранга Василий Михайлович Головнин.

26 августа 1817 года «Камчатка» вышла из Кронштадта и 10 сентября встала на якорь в Портсмуте, где В. М. Головнин закупил некоторые припасы, навигационные инструменты и карты.

5 ноября, выйдя из Портсмута 21 сентября, «Камчатка» пришла в Рио-де-Жанейро, где простояла по 22 ноября. В Рио-де-Жанейро власти предупредили В. М. Головнина, что испанцы нападают на суда всех наций, кроме англичан. Учитывая это, В. М. Головнин при плавании вдоль западных бе-

регов Южной Америки предпринял ряд военных предосторожностей.

3 мая, обогнув мыс Горн и зайдя по пути в Кальяо, «Камчатка» пришла в Петропавловск. Погода не благоприятствовала гидрографическим исследованиям, но все же В. М. Головнину удалось астрономически определить положение островов Берингова моря и около полуострова Аляска в Тихом океане: Беринга, Медного, Атту, Тахкиняк (из Шумагинской группы), южного из Евдокеевской группы, Укамок (остров Чирикова) и Ситкинак (близ острова Кадьяк).

9 июля «Камчатка» стала на якорь в Павловской гавани острова Кадьяк и В. М. Головнин приступил к ревизии дел Российско-американской компании. Офицеры «Камчатки» в это время положили на карту Чиниатский залив и выявили многие ошибки описи Ю. Ф. Лисянского.

28 июля «Камчатка» встала на якорь в Ново-Архангельске, где сдала грузы РАК.

12 августа шлюп вошел в порт Монтерей (Верхняя Калифорния) для свидания с правителем Русской Америки капитан-лейтенантом Л. А. Гагемейстером, отправившимся туда для закупки хлеба.

27 сентября шлюп вышел в обратный путь.

С 20 по 30 октября «Камчатка» посетила, закупая провизию, несколько Гавайских островов. Затем «Камчатка» зашла на остров Гуам (Марианские острова) и в Манилу.

20 июля 1818 года, обогнув мыс Доброй Надежды и зай-

дя на острова Св. Елены, Вознесения и Файал, шлюп бросил якорь в Портсмуте. Примечательно, что в это же время туда же пришли суда «Восток» и «Мирный», направлявшиеся в антарктические воды, а также «Открытие» и «Благонамеренный», отправленные для исследований в арктические воды.

5 сентября 1819 года, выйдя из Портсмута 15 ноября, а затем зайдя в Копенгаген, «Камчатка» возвратилась в Кронштадт. Самый длительный переход под парусами (от острова Св. Елены до острова Файал) продолжался 79 дней. Весь переход от Кронштадта до Петропавловска был совершен под парусами за 217 дней.

Плавание на «Камчатке» В. М. Головнин описал в сочинении «Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе Камчатке, в 1817, 18 и 19 годах», изданное в 1822 г. в двух томах. Труд представлял собой сводку подробных гидрографических описаний всех мест, посещенных «Камчаткой», и вместе с его дневником являлся важным пособием в кораблевождении для мореплавателей. В. М. Головнин использовал в своем труде наблюдения и исследования других моряков, считая особенно ценными сочинения Ванкувера, Крузенштерна, Лисянского и Васильева. В. М. Головнин развил методику описания берегов с помощью байдар *(в особенности побережий в северной части Тихого океана и островов)* и подчеркивал в своей работе, что открытие островов «не должно представлять одним только нечаянным или счастливым случаям, но можно отчасти также руководство-

ваться некоторыми правилами: все острова на сем море суть верхи гор, возвышающиеся из моря, и большая часть из них лежит грядами по направлению выдавшихся от матерой земли гористых мысов».

Кругосветное плавание Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный». Открытие Южного континента (1819—1821)

Хотя император Александр I в морских делах, по его собственным словам, разбирался как «слепой в красках», тем не менее он способствовал осуществлению величайшего российского географического предприятия, по своему размаху не имеющего до этого себе равных в мировой истории.

О существовании большого Южного материка давно высказывались разного рода догадки и предположения. В поисках этого материка за 50 лет до российской экспедиции самый знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук совершил в 1772—1775 гг. кругосветное плавание в высоких южных широтах. После этого Д. Кук записал: «Я обошел южный океан на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования здесь материка, который, если и может быть обнаружен, то лишь вблизи полюса, в местах, недоступных для плавания… Положен конец дальнейшим поискам Южного материка, который на протяжении двух столетий неизменно при-

влекал внимание некоторых морских держав…» К этому Д. Кук прибавил: «…я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы…».

Несмотря на такое мнение авторитетного мореплавателя, Морское министерство все же решило организовать экспедицию по отысканию Южного континента, контуры которого были обнаружены еще в 1513 году на карте турецкого адмирала Пири Рейса.

Корабли для экспедиции были выбраны из недавно построенных в Петербурге судов обычных типов. Шлюпом «Восток» водоизмещением 900 т было предложено командовать капитану 2 ранга Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену, а шлюпом «Мирный» водоизмещением 530 т — лейтенанту Михаилу Петровичу Лазареву. Шлюпы отличались один от другого не только по водоизмещению: «Восток» был значительно быстроходнее, но зато по прочности корпуса и удобствам для личного состава «Мирный», построенный по проекту замечательного русского корабельного инженера И. В. Курепанова, значительно превосходил «Восток».

Несмотря на то, что шлюпы «Восток» и «Открытие» были однотипными кораблями и сильно отличались от однотипных кораблей «Мирного» и «Благонамеренного», в экспедицию «Восток» был направлен вместе с «Мирным», а «Открытие» вместе «Благонамеренным» были направлены в

Арктику. По этому поводу М. П. Лазарев своему другу А. А. Шестакову писал: «Но для чего посланы были суда, которые всегда должны держаться вместе, а между прочим такое неравенство в ходе, что один должен беспрестанно нести все лисели и через то натруждать рангоут, пока сопутник его несет паруса весьма малые и дожидается? Эту загадку предоставляю самому отгадать, а я не знаю».

Личный состав экспедиции был подобран из добровольцев. Всего в плавание отправилось на «Востоке» 111 человек и на «Мирном» 70 человек.

Экспедиции в Антарктику во всех отношениях была хорошо подготовлена и снабжена. Инструкции для экспедиции писали такие замечательные мореплаватели, как Г. А. Сарычев, И. Ф. Крузенштерн и О. Е. Коцебу.

4 июля 1819 года «Восток» и «Мирный» вышли из Кронштадта и, зайдя в Копенгаген, 29 июля стали на якорь в Портсмуте. В тот же день туда пришли шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный». В Портсмуте в это время также находился шлюп «Камчатка» под командованием В. М. Головнина, возвращавшийся из кругосветного плавания. Во время стоянки шлюпов в Портсмуте туда заходил корабль «Кутузов», также возвращавшийся из кругосветного плавания.

26 августа, закупив инструменты, карты и книги, шлюпы вышли из Портсмута, заправились на переходе в Атлантическом океане водой на острове Тенерифе и 2 ноября прибыли в Рио-де-Жанейро, где в это время уже стояли шлюпы «От-

крытие» и «Благонамеренный».

22 ноября все четыре русских корабля оставили Рио-де-Жанейро: «Восток» и «Мирный» пошли в антарктические воды, а «Открытие» и «Благонамеренный» — к мысу Доброй Надежды для дальнейшего следования в северную часть Тихого океана.

15 декабря «Восток» и «Мирный» достигли острова Южная Георгия, до этого кратко осмотренного Д. Куком. При обследовании острова на карте появились мысы Парядина *(в честь штурмана с «Востока» Якова Парядина)*, Демидова *(в честь мичмана с «Востока» Дмитрия Демидова)*, Куприянова *(в честь мичмана с «Мирного» Ивана Куприянова)*, залив Новосильского *(в честь мичмана с «Мирного» Павла Новосильского)*, а вблизи самого острова — остров Анненкова *(в честь лейтенанта с «Мирного» Михаила Анненкова)*.

20 декабря, следуя на юг, на широте 56°13» ю. ш. впервые показались льды. После этого были открыты острова Лескова *(в честь лейтенанта с «Востока» Аркадия Лескова)*, Торсона *(в честь лейтенанта с «Востока» Константина Торсона; после того как Торсон как декабрист был сослан на каторгу, остров Торсона был переименован в Высокий)* и Завадовского *(в честь капитан-лейтенанта с «Востока» Ивана Завадовского)*. Все эти острова принадлежат к группе, названной именем морского министра России де Траверсе.

Далее шлюпы направились к Земле Сандвича, названной так Д. Куком. Эта Земля оказалась группой небольших ост-

ровов, которые Д. Кук принял за мысы большой земли. Один из этих островов русскими исследователями был назван именем Д. Кука, а вся группа — Южными Сандвичевыми островами. В таком сохранении старых названий проявилось уважение российских моряков к их предшественникам *(что не проявили зарубежные исследователи в XX веке).*

16 января 1820 года, продолжая плавание все далее на юг, «Восток» и «Мирный» в координатах 69°22» ю. ш. и 2°15» з. д. подошли к покрытым «бугристыми» льдами берегам Южного континента (Антарктиды). В первый раз люди видели эти берега, но подойти к ним было невозможно, так как льды преграждали путь. Русские моряки добросовестно отметили все признаки земли, но ничего больше не стали утверждать. Берег, увиденный Ф. Ф. Беллинсгаузеном 16 января (28 н. ст.) 1820 г., сейчас называется Землей кронпринцессы Марты. Эта дата стала считаться датой открытия Южного континента.

21 января и 5 февраля «Восток» и «Мирный» опять наблюдали всевозможные признаки близости земли и снова видели ледяной барьер. Шлюпы опять подходили почти вплотную к Антарктиде.

4 марта 1820 года, продолжая следовать на восток, корабли направились для ремонта, отдыха и пополнения запасов в Порт-Джексон (Сидней).

8 марта в координатах 59° ю. ш. и 89° в. д. шлюпы намеренно пошли в Сидней различными курсами: «Восток» под

командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена — на 2° севернее пути капитана Д. Кука, а «Мирный» под командованием М. П. Лазарева — на 2° южнее пути капитана Фюрно — командира второго судна экспедиции Д. Кука. Различные курсы были выбраны для обследования тогда почти еще неизвестного района Мирового океана, в частности, для отыскания Компанейского острова, нанесенного на старых картах около 49° ю. ш. и 143°04» в. д. Не найдя на своем пути никаких островов, «Восток» пришел в Сидней 30 марта, а «Мирный» — 7 апреля.

Уже 8 мая, произведя на шлюпах некоторые исправления и пополнив запасы продовольствия, «Восток» и «Мирный» вышли в море для исследований в тропической части Тихого океана, в соответствии с инструкцией.

В проливе Кука, разделяющем Южный и Северный острова Новой Зеландии, шлюпы зашли в залив Королевы Шарлотты и простояли там с 28 мая по 31 июня.

1 июля шлюпы направились к острову Опаро, или Рапа, открытому в 1791 г. английским мореплавателем Ванкувером. Уточнив его координаты, шлюпы взяли курс к архипелагу Туамоту и здесь 8 июля открыли и нанесли на карту последовательно острова: Моллера *(в честь контр-адмирала, державшего свой флаг на фрегате, которым ранее командовал Ф. Ф. Беллинсгаузен)*, Аракчеева, Волконского, Барклая-де-Толли, Нихиру *(так называли этот остров туземцы)*, Ермолова, Кутузова-Смоленского, Раевско-

го, Остен-Сакена, Чичагова, Милорадовича, Витгенштейна, Грейга. Кроме того, были уточнены координаты островов Паллисера. Ф. Ф. Беллинсгаузен отмечал на этот счет: «Вся сия гряда коральных островов, начиная от острова графа Аракчеева до острова Крузенштерна, описана и приведена в известность российскими мореплавателями; в числе сих островов хотя находятся четыре острова Пализера и хотя они обретены капитаном Куком, но как после описаны лейтенантом Коцебу и нами и определено их настоящее протяжение и вид, то я почитаю приличным всю гряду назвать островами Россиян».

22 июля шлюпы стали на якорь в бухте Матаваи острова Таити. Здесь запаслись свежей провизией, проверили хронометры и 27 июля вышли в море. В дальнейшем было уточнено положение острова Крузенштерна, названного так О. Е. Коцебу во время его плавания на «Рюрике» (26 апреля 1816 г.), и показано, что остров Рюрика, названный также О. Е. Коцебу, является островом 1-м Паллисера, получившим это наименование от Д. Кука.

Далее были открыты и положены на карту острова: Лазарева *(в честь М. П. Лазарева),* Восток, великого князя Александра, Оно, Михайлова *(в честь художника экспедиции Павла Николаевича Михайлова)* и Симонова.

9 сентября «Восток», а 10 сентября «Мирный» вернулись в Сидней. Во время стоянки в Сиднее на «Востоке» был укорочен рангоут, проверены хронометры и пополнены запасы

провизии.

17 ноября шлюпы подходили к острову Маккуори, на который для осмотра съезжал капитан-лейтенант Завадовский.

18 и 19 ноября шлюпы опять подошли к Маккуори, для того чтобы получить от проживавших на острове промышленников цельную шкуру морского слона для Петербургского музея.

От Маккуори шлюпы взяли курс на юг к Антарктиде, и 28 ноября на широте 62°18» ю. ш. снова увидели айсберги *(Ф. Ф. Беллинсгаузен называл их «льдяными островами»).*

29 ноября «Восток» подошел к одному из таких островов и послал на него шлюпки, чтобы нарубить льда для пополнения запасов воды.

При дальнейшем продвижении на юг метеорологические условия существенно ухудшились: пошел снег, температура воздуха понизилась, начался шторм, резко увеличилась высота волн. Шлюпы периодически теряли друг друга из виду, вследствие чего разворачивались для поиска. Так, например, в дневнике Ф. Ф. Беллинсгаузена зафиксировано: «3 декабря… буря свирепствовала с жесточайшими порывами… снег мелкий и крупный несло горизонтально; паруса и стоячий такелаж покрыты были льдом толщиною до двух дюймов. Ежеминутно при сильном движении шлюпа падали сверху куски льда; лед сей нарастал от несущихся по воздуху водяных капель и снега, которые, приставая к твердому телу, от мороза в 3° превращались в лед».

Далее из дневника: «13 декабря. В полдень в виду нашем было 148 льдяных островов и множество разбитого льда».

Несмотря на трудности плавания среди льдов и ледяных гор, шлюпы упорно шли на восток, при каждой возможности устремляясь к югу и отворачивая на север только в случае подхода к непроходимым ледяным полям.

10 января 1821 года шлюпы достигли крайней южной точки своего плавания —69°21'42»» ю. ш., 92°38'07»» з. д. В координатах 68°57» ю. ш. и 90°46» з. д. был открыт остров Петра I *(названный так Ф. Ф. Беллинсгаузеном)* длиной девять с половиной миль, шириной четыре с половиной мили, высотой, по измерению М. П. Лазарева, 3 961 фут. Из-за окружавшего остров льда подойти к нему не удалось.

17 января была открыта Земля Александра I. Ф. Ф. Беллинсгаузен назвал эту землю берегом и записал так: «Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к югу исчезала за предел зрения нашего».

Далее шлюпы направились к Новой Шетландии, о случайном открытии которой в 1819 г. капитаном английского купеческого брига Вильямом Смитом Ф. Ф. Беллинсгаузен уже знал. «Восток» и «Мирный» убедились, что эта земля представляет собой лишь архипелаг, и назвали его Южно-Шетландскими островами. После чего на составляемой карте снова появились русские названия в честь победы над Наполеоном: острова Бородино, Малый Ярославец, Смоленск, Березина, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо. Кроме того, к юго-во-

стоку от острова Малый Ярославец был открыт остров Тейля, названный в честь русского посла в Бразилии. Небольшой остров, лежащий на юго-восток от Ватерлоо, был назван Камень Елены.

Во время дальнейшего плавания на северо-восток последовательно были открыты острова: Три брата, Рожнова *(в честь контр-адмирала, под начальством которого служил Ф. Ф. Беллинсгаузен)*, Мордвинова *(в честь адмирала Н. С. Мордвинова)*, Михайлова *(в честь капитан-командора — друга Ф. Ф. Беллинсгаузена)*, Шишкова *(в честь вице-адмирала А. С. Шишкова)*. Некоторые из этих островов участники экспедиции посетили лично для более подробного их осмотра и сбора коллекций.

30 января, из-за непригодности шлюпа «Восток» к дальнейшему плаванию в высоких широтах, Ф. Ф. Беллинсгаузен направил его в Россию.

3 февраля шлюпы пересекли меридиан Петербурга, завершив, таким образом, плавание вокруг света.

27 февраля шлюпы стали на якорь в Рио-де-Жанейро. Здесь были сделаны кое-какие исправления и закуплена провизия.

24 июля 1821 года, оставив Рио-де-Жанейро 23 апреля и зайдя по пути в Лиссабон и Копенгаген, шлюпы, потеряв за все плавание только двух человек, вернулись в Кронштадт. За время плавания, продолжавшегося 751 день, шлюпы под парусами находились 527 дней, на якоре — 224 дня.

Ф. Ф. Беллинсгаузен по возвращении был произведен в капитаны 1-го ранга и через два месяца — в капитан-командоры. М. П. Лазарев также через чин был произведен в капитаны 2-го ранга. Награды получили и другие участники экспедиции.

Всего к берегам Антарктиды *(название Антарктида появилось только в 1890 г. от шотландца Дж. Бартоломью, а в 1840 г. Южный материк был назван американцем Ч. Уилксом Антарктический материк)* шлюпы подходили 9 раз, в том числе четырежды на расстояние 3—15 км *(схема маршрута на вкладке 13)*.

На карту Антарктики было нанесено 28 объектов, обнаружено и поименовано 29 островов в высоких южных широтах.

В 1831 г. было напечатано сочинение Ф. Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820, 1821 годов, совершенное на шлюпах „Восток“ и „Мирный“, с приложением атласа» в двух томах. В 1842 году был опубликован краткий отчёт о данной экспедиции в Германии.

Открытие российскими моряками Южного континента вызвало восхищение не только в России, но и за рубежом. Так, знаток полярных стран, немецкий географ Петерманн в 1867 г. писал, что в мировой географической литературе заслуги русской антарктической экспедиции оценены недостаточно. Он особенно подчеркивал бесстрашие Ф. Ф. Беллинсгаузена, с которым тот пошел против господствовавше-

го в течение 50 лет мнения Д. Кука. Он писал: «Имя Беллинсгаузена можно поставить наряду с именами Колумба и Магеллана, с именами людей, не отступавших перед воображаемыми невозможностями, созданными их предшественниками, с именами людей, шедших самостоятельным путем, и потому разрушавших преграды к открытиям, которыми обозначаются эпохи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.